Г. А. ИВАНОВЪ

НОВАЯ ТЕОРІЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ.

ЕЯ КРИТИКИ

И

МОНИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ЭТИКИ.

16

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910 г.

„Пров 56"

Пров. 1959

Пр.

Типографія
Т-ва «Екатерингофское
Печатное Дѣло».
С.-Петербургъ,
Екатерингоф. пр., 10.

BJ
55

Библиотека
Социалистической
Академии

3776
24

НОВАЯ ТЕОРІЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ, ЕЯ КРИТИКИ И МОНИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ЭТИКИ.

I.

Обзоръ критики методологическихъ основъ психологической теоріи права и нравственности.

Несмотря на многовѣковыя усилія мысли, направленной на открытіе природы, существа интереснѣйшихъ явленій — права и нравственности, которыя вполнѣ справедливо признаются специфическою чертою человѣческаго духа, явленія эти оставались „неразрѣшенными загадками", и, говоря словами проф. Петражицкаго, „Сфинксъ существа права такъ и остался сфинксомъ. Ни одно изъ безчисленныхъ предложенныхъ опредѣленій права не получило санкціи науки и не признано общимъ фундаментомъ для возведенія научнаго зданія. Ни одно изъ нихъ не сдѣлалось даже господствующимъ мнѣніемъ". Стали даже сомнѣваться въ возможности рѣшенія подлежащей задачи и обходить этотъ вопросъ. Но фактъ прежнихъ неудачъ не можетъ быть научнымъ основаніемъ подобнаго скептицизма. Съ другой стороны, строить и развивать науку сколько-нибудь удачно безъ знанія и пониманія самаго предмета изслѣдованія невозможно. А потому всякая новая попытка научнаго творчества въ этой области представляетъ сугубый интересъ.

Начало XX столѣтія сдѣлало насъ свидѣтелями такой попытки, которая не только примкнувшими къ ней признается „настоящимъ событіемъ въ наукѣ“, но и отрицательно отнесшимися—„крупнѣйшимъ вкладомъ въ науку философіи права за послѣдніе годы“. И, дѣйствительно, громаденъ переворотъ, произведенный проф. Петражицкимъ, его „Эмоціональной психологіей“ въ воззрѣніяхъ на весь обликъ психической жизни и на природу психическаго фактора, приводящаго животный міръ въ движеніе. Не менѣе грандіозная революція произведена этимъ ученымъ его „Теоріей права и нравственности“ въ воззрѣніяхъ на существо, смыслъ и значеніе этихъ явленій въ жизни человѣческихъ обществъ. И психологіи и теоріи права предпослано методологическое введеніе, которое, какъ и эмоціональная психологія, имѣетъ значеніе не только для теоріи права, но и для всѣхъ вообще теоретическихъ наукъ.

По мнѣнію проф. Петражицкаго, роль обстоятельствъ, препятствовавшихъ познать истинную природу права и нравственности, играли, во-первыхъ, „недоразумѣніе относительно сферы нахожденія правовыхъ (и нравственныхъ) явленій“, чему способствовала сама природа ихъ; во-вторыхъ, „отсутствіе надлежащей научной методологіи и примѣненіе негодныхъ для научныхъ цѣлей пріемовъ мышленія и изслѣдованія“; въ-третьихъ, „неудовлетворительное состояніе традиціонныхъ и господствующихъ ученій психологіи“.

Давъ настолько логично построенную и убѣдительную критику существовавшихъ въ наукѣ воззрѣній на существо права, что противъ нея почти никто не возражаетъ, проф. Петражицкій подходитъ къ рѣшенію проблемы о природѣ права и нравственности въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ съ выясненія недостатковъ методологіи, имѣющейся въ распоряженіи юристовъ и моралистовъ, и строитъ свое ученіе объ изученіи конкретныхъ правовыхъ явленій и объ образованіи общихъ понятій и теорій; затѣмъ онъ заново перестраиваетъ научное зданіе теоретической психологіи, открывая четвертую и вмѣстѣ съ тѣмъ основную категорію элементовъ психической жизни—эмоціи, въ ихъ отличномъ отъ существующаго въ психологіи смыслѣ. Наконецъ, на основѣ эмоціональной психологіи строитъ теорію этическихъ, т. е. правовыхъ и нравственныхъ, явленій.

„Психологическая теорія" права принципіально отличается отъ традиціонныхъ воззрѣній въ этой области и, что весьма знаменательно, вполнѣ естественно объясняетъ существовавшія въ наукѣ права заблужденія и недоразумѣнія. Проливая новый свѣтъ на явленія права и нравственности, она широко раздвигаетъ научный горизонтъ, намѣчая темы для новыхъ изслѣдованій, и служитъ прекрасной базой для подлежащей еще созданію науки „политики права"—этому очередному вопросу юриспруденціи.

Какъ всякое крупное научное явленіе, психологическая теорія пріобрѣла не только сторонниковъ, но и противниковъ въ научной литературѣ. Странно только, что ни тѣ ни другіе не проникли достаточно глубоко въ ея построенія и ея методологическія и психологическія основанія. Меня здѣсь интересуетъ, главнымъ образомъ, отрицательное отношеніе со стороны многихъ юристовъ къ ученіямъ проф. Петражицкаго, и задачею предлагаемаго „обзора" будетъ—показать неудачность попытокъ опроверженія этихъ ученій.

Такое въ свою очередь отрицательное отношеніе къ критикѣ не исключаетъ возможности въ одномъ пунктѣ принять точку зрѣнія большинства критиковъ, но только въ смыслѣ признанія правильности ихъ тезиса (и то съ большими оговорками), а не обоснованія его. Тезисъ этотъ касается разграниченія права и нравственности по указанному психологической теоріей признаку. Въ виду неправильной постановки критики по этому вопросу и вслѣдствіе этого неубѣдительности ея аргументовъ, придется сдѣлать попытку болѣе убѣдительной критики указаннаго пункта психологической теоріи. Признаніе несостоятельности опроверженія психологической теоріи въ цѣломъ и правильности ея методологическихъ и психологическихъ основъ приводитъ меня къ совершенно иному сравнительно съ большинствомъ критиковъ отношенію къ ней, а именно: къ признанію за нею не только большого научнаго значенія, но и правильности ея положеній относительно реальнаго въ этикѣ и вообще конструированія понятія этики, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ признанію, въ противоположность построеніямъ психологической теоріи, лишь количественныхъ отличій между правомъ и нравственностью, т. е. къ принятію этики въ качествѣ недѣлимаго на виды (даже съ эмоціональной стороны) класса явленій, другими словами, къ этическому монизму и отри-

нанію всякихъ попытокъ разграничить право и нравственность, какъ два качественно-отличныхъ вида общаго рода явленій.

Сообразно ходу идей автора критикуемыхъ ученій будетъ выполненъ и обзоръ ихъ критики.

По мнѣнію проф. Петражицкаго, въ основѣ традиціонныхъ ученій юриспруденціи о существѣ права (и нравственности) лежитъ недоразумѣніе относительно сферы нахожденія этихъ явленій и незнаніе надлежащаго метода ихъ изученія. Причиной такого недоразумѣнія служитъ явленіе, состоящее въ томъ, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ психическихъ процессовъ (моторныхъ возбужденій, или эмоцій), особый видъ которыхъ лежитъ въ основѣ явленій права и нравственности, представляются существующими во внѣшнемъ мірѣ разные, тамъ не существующіе, объекты; за реальное принимается то, что представляется существующимъ во внѣшнемъ по отношенію къ переживающимъ такіе процессы мірѣ. Такими мнимыми объектами внѣшняго міра и являются права, обязанности и нормы въ ученіяхъ юристовъ и моралистовъ. Дѣйствительно же реальные (правовые и нравственные) феномены, психическія переживанія, порождающіе указанныя представленія, скрыты отъ взоровъ науки. Въ соотвѣтствіи съ этимъ для изученія конкретныхъ правовыхъ и нравственныхъ явленій примѣняются ненадлежащіе методы.

Научно-годными методами изученія права и нравственности и ихъ элементовъ въ виду психической природы этихъ явленій будутъ: 1) самонаблюденіе (простое и экспериментальное) и 2) соединенный методъ (простого и экспериментальнаго) внутренняго и внѣшняго наблюденія. Относительно послѣдняго интересно указаніе проф. Петражицкаго на возможность и научную основательность предположеній относительно чужихъ психическихъ переживаній не только въ формѣ умозаключеній по аналогіи нашихъ индивидуальныхъ и чужихъ индивидуальныхъ движеній, а въ формѣ дедуктивныхъ умозаключеній въ конкретныхъ случаяхъ изъ общихъ индуктивно добытыхъ положеній о внѣшнихъ проявленіяхъ извѣстной категоріи психическихъ переживаній путемъ подведенія конкретныхъ чужихъ движеній подъ соотвѣтственныя общія положенія. Указанная дедукція имѣетъ значеніе не только для науки о правѣ, но и для психологіи, т. к. послѣдняя не знаетъ (въ своемъ методологическомъ ученіи

дедуктивнаго способа умозаключать о чужихъ переживаніяхъ.

„Кромѣ недоразумѣнія относительно сферы нахожденія правовыхъ явленій и незнанія надлежащаго метода ихъ изученія, построенію научной теоріи права препятствуютъ, далѣе, невыясненность надлежащихъ пріемовъ образованія общихъ понятій и теорій и примѣненіе, особенно въ области образованія понятія права и другихъ общихъ понятій, такихъ пріемовъ, которые совершенно негодны для научнаго рѣшенія подлежащихъ проблемъ“ (Введеніе, стр. 38). „Обыкновенно полагаютъ, что для образованія понятія права слѣдуетъ обозрѣть правовыя явленія, сравнить ихъ другъ съ другомъ для отысканія общихъ всѣмъ имъ признаковъ и затѣмъ сравнить ихъ съ другими, главнымъ образомъ, сродными явленіями, для выбора изъ найденной суммы такихъ общихъ признаковъ, которые были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и отличительными для правовыхъ явленій“ (Введеніе, 38, 39). Но такой пріемъ, рекомендуемый и логиками и методологами, по самой природѣ общихъ (классовыхъ) понятій и классовъ невозможенъ, ибо невозможно обозрѣть всѣ объекты какого-либо класса (дѣло идетъ о неограниченныхъ множествахъ), а тѣмъ болѣе всѣ объекты сродныхъ классовъ. Но, если даже допустить возможность выполненія такой работы, то и тогда этотъ пріемъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ до отысканія общихъ и отличительныхъ признаковъ какого-либо класса явленій нѣтъ еще критерія для подбора однихъ предметовъ, какъ относящихся къ опредѣляемому классу, а другихъ, какъ относящихся не къ этому, а къ иному классу. Если же приступать къ дѣлу уже съ предвзятымъ мнѣніемъ относительно признаковъ даннаго рода явленій, какъ это признается вполнѣ нормальнымъ нѣкоторыми изслѣдователями, то рекомендуемый пріемъ „сводится къ легкому торжеству нахожденія и доказательства наличности того, что было припасено для нахожденія“, и состоитъ въ систематическомъ нарушеніи началъ логики путемъ „порочныхъ круговъ“. Отсюда вполнѣ ясна его наивность и несостоятельность. Но въ дѣйствительности юристы и не занимаются подобными операціями, а при установленіи общаго понятія права исходятъ изъ привычекъ называнія извѣстныхъ объектовъ правомъ, при чемъ не изъ привычекъ общенароднаго языка, какъ это дѣлаютъ моралисты относительно понятія нравственности, а изъ профессіонально-юридическаго слово-

употребленія. Для подобранныхъ по такому критерію конкретныхъ примѣровъ опредѣляемаго и противопоставляемыхъ классовъ они пытаются найти общіе и отличительные признаки. Изслѣдованіе вопросовъ, что́ называется опредѣленнымъ образомъ, вполнѣ умѣстно для составленія лингвистическаго словаря, но для объективной ориентировки въ мірѣ явленій, чему должны служить общія понятія теоретическихъ наукъ, такіе пріемы совершенно не пригодны

По мнѣнію проф. Петражицкаго, наука должна быть независимой отъ какихъ бы то ни было привычекъ называнія; она должна „стать на почву научно-самостоятельнаго образованія классовыхъ понятій и классовъ“. Съ его точки зрѣнія, для образованія классоваго понятія „не требуется обозрѣнія всевозможныхъ объектовъ ихъ для констатированія наличности какихъ-либо всѣмъ имъ общихъ признаковъ“, „не требуется также исполненія еще болѣе невозможной работы обзора прочихъ, хотя бы только сродныхъ, объектовъ для нахожденія отличительныхъ, у всѣхъ прочихъ объектовъ отсутствующихъ, признаковъ“, „для этого не нужно даже подвергать что-либо конкретное осмотру или изученію“. „Откуда бы и по какому бы поводу намъ ни пришли въ голову представленія какихъ-либо свойствъ, признаковъ, мы можемъ возвести ихъ въ классовые признаки и образовать, такимъ образомъ, классовыя понятія и классы“ (Введеніе, стр. 63, 64, 65). Такой способъ исключаетъ не только возможность всякихъ порочныхъ круговъ, но и необходимость доказыванія общности и отличительности классовыхъ признаковъ.

Совершенно отличной и самостоятельной умственной операціей долженъ быть подборъ къ полученному такимъ образомъ классу особаго имени. Здѣсь уже можно руководствоваться привычками называнія и взять изъ существующаго языка имена, область примѣненія коихъ вообще совпадаетъ съ кругомъ объектовъ нашего понятія; иногда же необходимо сочинить новое названіе, иногда нѣтъ необходимости дѣлать и этого (стр. 86 и сл.).

Однако, „далеко не всѣ безукоризненные съ обще-логической точки зрѣнія классовыя понятія и классы могутъ имѣть значеніе и цѣнность въ наукѣ, какъ таковой“ (65). „Удовлетворяющими задачѣ научнаго познанія и объясненія явленій слѣдуетъ признать такія классовыя понятія и классы, относительно коихъ существуютъ или могутъ быть образованы

адэкватныя научныя теоріи“ (66), т. е. такія, „въ которыхъ то,что высказывается(логическія сказуемыя, предикаты вмѣстѣ съ ихъ основаніями), истинно именно относительно того класса объектовъ, о которомъ оно высказывается (мыслится)“ (67). Послѣднему условію какъ разъ не удовлетворяютъ теоріи, высказываемыя относительно классовъ, образованныхъ въ зависимости отъ профессіональныхъ или иныхъ спеціально-практическихъ привычекъ называнія, такъ какъ такіе классы представляютъ въ существѣ дѣла сборныя, эклектическія группы, въ которыхъ разъединено однородное по своей объективной природѣ и объединено разнородное. Ученіе объ образованіи общихъ понятій и теорій заканчивается изложеніемъ началъ образованія и обоснованія адэкватныхъ теорій.

Я изложилъ только остовъ, только существенные моменты методологіи проф. Петражицкаго, не касаясь массы иныхъ болѣе частныхъ, но тѣмъ не менѣе очень тонкихъ и весьма цѣнныхъ для сознательно-научнаго мышленія вообще соображеній и ученій, каковы, напр., ученія объ опредѣленіи, правилахъ индукціи и др. Но и этого вполнѣ достаточно для пониманія появившейся въ юридической литературѣ критики методологическихъ ученій проф. Петражицкаго и тѣхъ возраженій на нее, которыя здѣсь будутъ изложены.

Что же говорятъ намъ критики?

Проф. Паліенко въ своей книгѣ—„Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства“ по поводу метода, коимъ въ „психологической теоріи“ образовано ея центральное понятіе права, говоритъ, что такой методъ „могъ бы привести юриспруденцію къ полному субъективизму въ опредѣленіи права и разрыву съ общимъ правопониманіемъ, что отнюдь не можетъ быть желаннымъ для науки, столь тѣсно связанной съ жизнью и преслѣдующей столь важныя жизненныя цѣли“ (стр. 211). „Потому она не можетъ въ цѣляхъ установленія адэкватныхъ ученій о правѣ, именовать правомъ, какъ это предлагаетъ проф. Петражицкій, пригодный для этихъ ученій классъ объектовъ, образованный по признаку, который свободно, совершенно по своему усмотрѣнію, независимо отъ существующихъ представленій о правѣ и словоупотребленія, кто-либо сочтетъ нужнымъ избрать и приписать правовымъ явленіямъ“ (стр. 210).

„Въ дѣйствительности и понятіе права, образованное

Петражицкимъ, далеко не свободно отъ сложившихся представленій о правѣ, что подтверждаетъ и онъ самъ, ссылаясь на соотвѣтствующія народныя представленія и словоупотребленіе и систему понятій современной юриспруденціи" (стр. 211, примѣчаніе).

Сопоставленіе изложенныхъ замѣчаній съ ученіемъ проф. Петражицкаго объ образованіи общихъ понятій и ихъ научной легитимаціи ясно показываетъ, что критикъ не принялъ во вниманіе истиннаго смысла и значенія установленія адэкватныхъ теорій, т. е. условія, возводящаго классовое понятіе и классъ въ рангъ научныхъ: послѣдніе, дѣйствительно, могутъ быть слишкомъ субъективны (напр., классъ бѣлыхъ предметовъ съ желтыми полосками), но вѣдь не всякое понятіе и классъ годны для научныхъ цѣлей. Научное оправданіе и доказательство объективности классъ и классовое понятіе, образованные по свободно избранному признаку, получаютъ въ адэкватныхъ теоріяхъ. Это не только лучшій, чѣмъ общее пониманіе, критерій ихъ объективности, но и единственно вѣрный. Весь смыслъ установленія адэкватныхъ теорій сводится къ раскрытію объективныхъ свойствъ и объективнаго значенія образованнаго класса и классоваго понятія *).

Не замѣчая такой роли адэкватныхъ теорій, критикъ, естественно, и не приводитъ никакихъ научныхъ данныхъ противъ принятія адэкватныхъ теорій въ качествѣ критерія годности и объективнаго значенія образуемыхъ наукою классовъ и классовыхъ понятій. Чѣмъ же онъ замѣняетъ этотъ критерій? Общимъ правопониманіемъ. Но гдѣ гарантія его правильности? И какое отношеніе имѣютъ жизненныя цѣли къ вопросу о природѣ права? Развѣ отъ нихъ зависитъ его природа? Нисколько, такъ же, какъ природа раковыхъ новообразованій не зависитъ и не мѣняется отъ жизненныхъ цѣлей (напр., исцѣлиться) страдающаго этой болѣзнью. Вполнѣ наглядно доказана авторомъ психологической теоріи непригодность исторически сложившихся представленій о правѣ, какъ исходной точки для познанія природы этого

*) По этому поводу интересно привести цитату изъ статьи извѣстнаго соціолога М. М. Ковалевскаго, который относительно методологіи проф. Петражицкаго говоритъ: «методы его отличаются той строгой объективностью, которая, разумѣется, исключаетъ всякую мысль объ апріорности» («Русскія Вѣдомости» 1907 г. № 235).

явленія, выясненіемъ проекціонности этихъ представленій. Съ этимъ мы будемъ еще имѣть дѣло ниже. Совпаденіе же въ общемъ (если стать на проекціонную точку зрѣнія) образованнаго проф. Петражицкимъ класса съ народными представленіями о правѣ и словоупотребленіемъ и системой понятій юриспруденціи показываетъ вовсе не на несвободу отъ сложившихся представленій о правѣ, а на удачное отысканіе того класса психическихъ переживаній, который породилъ соотвѣтственныя представленія и словоупотребленіе.

Недостаточное пониманіе истиннаго смысла ссылокъ на народныя представленія, словоупотребленіе и пр. можно найти и у другого критика, проф. Орженцкаго, у котораго, напр., читаемъ слѣдующее: „Проф. Петражицкій неоднократно и сурово осуждаетъ тѣхъ ученыхъ, которые прибѣгаютъ, между прочимъ, къ выясненію смысла словъ, обозначающихъ въ языкѣ то или другое изслѣдуемое явленіе; но самъ онъ очень часто пользуется тѣмъ же пріемомъ и своими остроумными сопоставленіями и толкованіями... доказываетъ, что въ значеніи словъ нашъ языкъ нерѣдко даетъ весьма мѣткіе намеки на сущность явленій". Критикъ, повидимому, не замѣчаетъ, что для пр. Петражицкаго языкъ даетъ только намеки и иллюстрацію отраженія въ словахъ существа изслѣдуемаго явленія, а сами явленія группируются имъ по самостоятельнымъ научнымъ требованіямъ, для тѣхъ же, которыхъ онъ сурово осуждаетъ, анализъ имени даетъ гораздо больше—образованіе общихъ, центральныхъ понятій изслѣдуемой области, замѣняетъ объективную оріентировку въ мірѣ явленій. Вообще, надо замѣтить, народная, а тѣмъ болѣе профессіональная терминологія и сложившіяся представленія о чемъ-либо для установленія научныхъ понятій могутъ имѣть лишь косвенное значеніе показателя, куда направить вниманіе для отысканія сути дѣла, но не могутъ заставить относить къ извѣстному классу явленій все то, что включалось въ него сложившимися представленіями и привычками называнія, и не относить того, что ими было исключено.

Интересно отмѣтить, какое своеобразное представленіе о существѣ методологическихъ пріемовъ, лежащихъ въ основѣ психологической теоріи права, имѣетъ г. Савальскій. Въ „Основахъ философіи права въ научномъ идеализмѣ"

послѣдній авторъ на поставленный имъ же вопросъ: „Избѣжалъ ли проф. Петражицкій того порока, который энергично преслѣдуетъ, именно порока опредѣленія права idem per idem,“— отвѣчаетъ: „По нашему мнѣнію, избѣжалъ. Однако, только потому, что—вопреки своему методу—опредѣленіе права онъ не индуцируетъ изъ наблюденій надъ всевозможными психическими состояніями сознанія, а предпосылаетъ имъ“ (стр. 299).

Положеніе, что проф. Петражицкій не индуцируетъ опредѣленія права изъ наблюденій надъ психическими состояніями, совершенно правильно; однако, непользованіе индукціей въ данномъ случаѣ не стоитъ въ противорѣчіи съ предложеннымъ имъ способомъ образованія общихъ понятій, т. к. послѣдній состоитъ не въ индуцированіи, а въ принятіи нѣкоторыхъ признаковъ (знакомство съ которыми можно получить путемъ наблюденія) въ качествѣ классовыхъ признаковъ, указаніе которыхъ и даетъ „опредѣленіе“. Индукція же служитъ не составленію опредѣленій, а совершенно иному—раскрытію законовъ причинной связи между явленіями и предполагаетъ извѣстнымъ уже опредѣленіе того класса явленій, съ которымъ имѣетъ дѣло.

Опредѣленіе права въ „психологической теоріи“ результатъ не индукціи. Можетъ-быть, оно, дѣйствительно, предпослано наблюденіямъ надъ психическими состояніями, какъ утверждаетъ г. Савальскій. Критикъ не возражаетъ противъ существованія тѣхъ психическихъ состояній, детальный анализъ которыхъ данъ психологической теоріей подъ именемъ права, но въ то же время и не объясняетъ, какимъ образомъ можно составить представленіе о какихъ-либо психическихъ состояніяхъ безъ наблюденія ихъ и раньше наблюденія. Не предполагаетъ ли онъ какого-либо чуда? Вѣрнѣе всего онъ не обдумалъ достаточно того, что сказалъ.

Невнимательное отношеніе г. Савальскаго къ понятію индукціи и другимъ пунктамъ методологіи автора „психологической теоріи“ сказывается не одинъ разъ; такъ, напр., онъ приписываетъ проф. Петражицкому признаніе индукціи единственно научнымъ методомъ (стр. 270), что ничуть не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: индукція у проф. Петражицкаго—необходимый во многихъ областяхъ методъ для открытія законовъ причинной связи, каковымъ (открытіемъ) не исчерпывается задача науки: для другихъ цѣлей тре-

буется и другой методъ. Достаточно сослаться хотя бы на „Введеніе въ изученіе права и нравственности", гдѣ указывается, что основнымъ методомъ правно-политическаго мышленія является психологическая дедукція, а „многія науки вообще состоятъ изъ положеній, не имѣющихъ вообще никакого отношенія къ причинной связи", а слѣдовательно и къ индукціи (Введеніе, 154). На стр. 108 „Введенія" читаемъ: „Основою установленія и доказательства необходимыхъ логическихъ и причинныхъ связей являются дедуктивныя и индуктивныя умозаключенія" и т. д.

Неосновательнымъ представляется и утвержденіе г. Савальскаго о томъ, что авторъ психологической теоріи смѣшиваетъ причинность какъ методъ, какъ правило, съ причинностью, какъ зависимостью между конкретными явленіями. Изъ подлежащихъ мѣстъ текста „Введенія" ясно, что авторъ его вполнѣ опредѣленно говоритъ о причинности во второмъ смыслѣ, не находитъ научно-основательнымъ утверждать всеобщность закона причинной связи, отвергаетъ „постулятъ всеобщей причинной связи" и вообще „постулятный" методъ, какъ необоснованныя положенія. Къ тому же, вопреки мнѣнію критика, онъ вовсе не замѣняетъ постулятъ всеобщей причинной связи постулятомъ вѣроятности ея. Такая вѣроятность у проф. Петражицкаго есть только предположеніе на извѣстномъ основаніи (именно на основаніи фактовъ исторіи науки и техники), а не постулятъ. Это двѣ разныя вещи.

Насколько критику не удается правильно понять того, что онъ критикуетъ, видно, напр., и изъ того, что вѣроятность всеобщности причинной связи, по его мнѣнію, авторъ психологической теоріи предполагаетъ (настоящее выраженіе критика—„постулируетъ") на основаніи факта существованія наукъ, не имѣющихъ отношенія къ причиннымъ связямъ (278). Если бы послѣднее могло быть такимъ основаніемъ, тогда пришлось бы отвергнуть не только всеобщность причинной связи, но и ея вѣроятность. Критикъ не подозрѣваетъ, должно быть, что науки, не имѣющія отношенія къ причиннымъ связямъ, изучаютъ тѣ же объекты, какъ и науки, установляющія причинную зависимость, но изучаютъ ихъ съ иныхъ точекъ зрѣнія. Существованіе такихъ наукъ доказываетъ лишь произвольность утвержденія, будто невозможно построеніе науки безъ признанія всеобщей причинной зави-

симости. Признаніе ихъ науками со стороны проф. Петражицкаго показываетъ также, что не только индукція является, по его мнѣнію, надлежаще-научнымъ методомъ познанія.

Неправильно и причисленіе г. Савальскимъ автора „психологической теоріи“ къ сторонникамъ Когена по вопросу „о свободѣ“ на томъ основаніи, что онъ (проф. Петражицкій) находитъ возможнымъ говорить о нравственномъ поведеніи (которое Когеномъ называется также „свободнымъ дѣйствіемъ“) лишь тогда и постольку, когда и поскольку воля и поведеніе причинно опредѣляются дѣйствіемъ особаго рода мотивовъ. Вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, что авторъ „психологической теоріи“ разрѣшаетъ проблему свободы воли въ духѣ Когена, т. е. признаетъ свободу лишь методомъ разсмотрѣнія извѣстныхъ явленій. Подобное разрѣшеніе труднѣйшихъ вопросовъ науки есть особенность „марбургской школы“, къ которой принадлежитъ и самъ критикъ, и нѣкоторыхъ другихъ школъ эпигоновъ Канта, но въ существѣ дѣла это не разрѣшеніе поставленнаго вопроса, а лишь своеобразный отказъ отъ него. Пріемами, рекомендуемыми Савальскимъ, можно рѣшить всѣ научные вопросы въ самое непродолжительное время: стоитъ лишь признать одно изъ возможныхъ рѣшеній однимъ методомъ разсмотрѣнія явленій, другое рѣшеніе—другимъ, а если кто-либо выскажетъ третье мнѣніе, то третьимъ методомъ и т. д. Называя нравственное дѣйствіе свободнымъ и признавая въ то же время за нимъ опредѣляемость особаго рода мотивами, Когенъ и Савальскій говорятъ совсѣмъ не о той свободѣ, которую имѣютъ въ виду индетерминисты, когда утверждаютъ, что воля не опредѣляется всецѣло причинно, а сама начинаетъ причинный рядъ явленій.

Перейдемъ къ слѣдующему критику, проф. Хвостову, занявшему въ методологическомъ вопросѣ особую позицію. Въ „Этюдахъ по современной этикѣ“ онъ находитъ, что авторъ „психологической теоріи“ сдѣлалъ далеко не все, что нужно было для предпринятой имъ задачи: „г. Петражицкій обязанъ былъ подвергнуть пересмотру всю теорію познанія“ и опредѣлить самое понятіе „реальности“. Вмѣсто этого онъ лишь „категорически отрицаетъ реальность многихъ вещей, въ существованіе которыхъ имѣютъ, по его мнѣнію, наивность и неосторожность вѣрить юристы“. „Вѣдь не объясняя, что такое реальность, очень нетрудно опери-

ровать этимъ понятіемъ и аподиктически учить, что одно реально, другое же не реально" (стр. 192, 193).

Уже другимъ критикомъ, г. Дембскимъ, было указано, что на стр. 22 „Введенія" и стр. 82, 374, 390 и 399 „Теоріи" можно найти указанія на то, что разумѣетъ проф. Петражицкій подъ „реальнымъ". Но и независимо отъ этого, требованіе проф. Хвостова неосновательно: авторъ психологической теоріи не утверждаетъ никакой новой, неизвѣстной еще реальности, какъ таковой, и если для права и нравственности указываетъ иную реальность, чѣмъ традиціонныя ученія, то все же она нова не сама по себѣ, не въ качествѣ реальности, а въ приложеніи къ праву и нравственности, вѣдь психическія явленія и раньше числились въ спискѣ реальностей (именно психическихъ). Проф. Петражицкій показалъ, что право и нравственность относятся также къ психическимъ реальностямъ. Правда, главные элементы правовыхъ и нравственныхъ переживаній (эмоціи, какъ ихъ понимаетъ психолог. теорія) не были извѣстны и въ качествѣ психическихъ реальностей, однако, опять-таки утвержденіе ихъ существованія не есть созданіе новаго понятія реальности, какъ таковой, а лишь указаніе на существованіе незамѣченнаго вида уже извѣстныхъ реальностей— психическихъ явленій. Поэтому-то проф. Петражицкому не нужно было опредѣлять самое понятіе реальности и подвергать пересмотру всю теорію познанія такъ же, какъ не надо было этого дѣлать и ученому, открывшему радій. Не лишне напомнить критику, что наивность вѣры юристовъ въ реальное существованіе многихъ вещей, какъ чего-то внѣшняго, напр., нормъ, правъ и обязанностей, приписываемыхъ различнымъ субъектамъ, вполнѣ естественно объясняется природой тѣхъ переживаній, которыя составляютъ правовую реальность съ точки зрѣнія психологической теоріи.

Въ заключеніе этой главы надо еще остановиться на критикѣ г. Эйзенштадта, помѣщенной въ № 4 за 1907 г. журнала „Новая книга". Разграниченіе каузальности и телеологіи со стороны автора психологической теоріи служитъ, по мнѣнію этого критика, „яснымъ показателемъ той печальной путаницы, которая до сихъ поръ господствуетъ въ области соціальныхъ наукъ... Вся нелѣпость такого разграниченія сразу бросается въ глаза, если примѣнить его къ естествен-

нымъ наукамъ. Мыслима ли „телеологически“ выстроенная машина безъ знанія принциповъ механики? И съ другой стороны, существуетъ ли наука о машиностроеніи, въ которой было бы хоть одно положеніе, не содержащееся въ механикѣ? Телеологія, поскольку она есть прикладная причинность, вполнѣ покрывается этимъ послѣднимъ понятіемъ. Поэтому въ видахъ экономіи мышленія, нѣтъ надобности въ образованіи двухъ понятій“ (стр. 2).

Критикъ вполнѣ правъ, когда утверждаетъ, что невозможно построить машину безъ знанія принциповъ механики, и совершенно не правъ, когда думаетъ, что наука о машиностроеніи не отличается принципіально отъ теоретической механики. Между этими науками различіе самое существенное: вторая изъ нихъ изслѣдуетъ законы причинной связи, первая же принимая ихъ, какъ нѣчто данное, извѣстное, отвѣчаетъ на вопросъ, какъ надо поступить для достиженія извѣстной цѣли, въ данномъ случаѣ построить машину; въ ея задачу уже не входитъ добыча и доказательство самихъ принциповъ, или точнѣе—законовъ причинной связи. Различіемъ задачъ (съ одной стороны—изслѣдовать причинность, съ другой—указать средства къ цѣли) объясняется и различіе системы той и другой науки. То же самое отношеніе между теоріей и политикой права. Послѣдняя непремѣнно предполагаетъ первую. Вообще всякая практическая наука базируется на соотвѣтственной теоретической наукѣ. Странно читать поученія на этотъ счетъ по адресу автора „психологической теоріи“: не онъ ли провозгласилъ необходимость науки политики права, теоретическимъ базисомъ которой должно быть знаніе существа права и законовъ его причиннаго дѣйствія? Не менѣе странно слышать, что „онъ уничтожаетъ причинность“ (стр. 4), а страницей ниже: „проф. Петражицкій каждый отдѣльный классъ явленій прячетъ въ отдѣльную причинность“. Тутъ же критикъ говоритъ о „постулятномъ“ происхожденіи адэкватныхъ теорій и о построеніи всей методологіи проф. Петражицкаго на томъ недоказанномъ положеніи, что каждому классу явленій соотвѣтствуетъ специфическая причинность. Критикъ, должно быть, невнимательно читалъ или совсѣмъ не читалъ примѣчанія на стр. 103 и 104 „Введенія“, гдѣ представлено доказательство того, что онъ считаетъ недоказаннымъ, состоящее въ обоснованіи тезиса, что „своеобразныя, чуждыя всему

Библиотека Социологическая Академия

прочему, свойства объектовъ должны влечь за собой своеобразныя послѣдствія", или другими словами: каждому классу явленій соотвѣтствуетъ специфическая причинность. Нѣтъ нужды излагать содержанія самихъ доказательствъ; желающихъ познакомиться съ ними отсылаю къ „Введенію". Ссылка критика на Дарвина, которому „оказалось достаточнымъ одного закона борьбы за существованіе, чтобы объяснить все многообразіе видовъ", ничуть не опровергаетъ тезиса проф. Петражицкаго, ибо законъ Дарвина, выраженный въ столь общей, сведенной къ единству формѣ—„борьба за существованіе"—объясняетъ и единое слѣдствіе—„многообразіе видовъ". Если же выразить этотъ законъ не въ столь общей формѣ, то онъ тоже подтверждаетъ тезисъ проф. Петражицкаго, такъ какъ каждому специфическому виду, роду, классу животныхъ, какъ слѣдствію, соотвѣтствуетъ своя специфическая борьба за существованіе.

Чтобы лучше показать непріемлемость ученія о классахъ и адэкватныхъ теоріяхъ, г. Эйзенштадтъ приводитъ въ примѣръ грибы, которые, будучи несомнѣнно растеніями, не обладаютъ классовымъ признакомъ растеній — питаніемъ неорганическими веществами. Неужели критикъ не замѣчаетъ всей абсурдности своихъ утвержденій. Объектъ не можетъ не обладать тѣмъ признакомъ, который для него существенъ, дѣлаетъ его тѣмъ, что онъ изъ себя представляетъ, ибо за отсутствіемъ такого признака, нѣтъ и самого объекта, и если правильно, что грибы—растенія и питаются въ то же время, въ противоположность прочимъ растеніямъ, органическими веществами, то отсюда вытекаетъ съ очевидностью одно слѣдствіе: питаніе неорганическими веществами не есть классовый (существенный) признакъ растеній, не есть тотъ признакъ, по которому можно судить, будетъ ли данный объектъ растеніемъ или нѣтъ.

Заниматься болѣе детальнымъ разсмотрѣніемъ критики методологическихъ основаній новой теоріи права и нравственности представляется излишнимъ: обзоръ главнѣйшихъ возраженій достаточенъ для того, чтобы судить, какъ далека критика отъ опроверженія критикуемыхъ ею ученій. Отсюда ясенъ и единственно возможный отвѣтъ о научномъ значеніи этихъ возраженій. Перехожу поэтому къ обзору критики „эмоціональной психологіи".

II.

Обзоръ критики психологическихъ основъ новой теоріи права и нравственности.

Успѣшному изученію явленій права и нравственности мѣшало не только отсутствіе надлежащей научной методологіи, но и неудовлетворительное состояніе современной психологіи, такъ что даже примѣненіе годныхъ для научныхъ цѣлей пріемовъ мышленія и изслѣдованія на почвѣ тѣхъ понятій и ученій, которыя имѣются въ психологіи въ традиціонномъ ея видѣ, не привело бы къ правильному построенію ученій о правѣ и нравственности. „Тѣ элементарные психическіе процессы, которые являются главными составными частями права и нравственности и вообще играютъ роль основного фактора психической жизни, опредѣляющаго другіе внутренніе процессы и внѣшнее поведеніе, неизвѣстны современной психологіи; а то, что вызывается и опредѣляется въ психической и иной жизни подлежащими процессами, въ частности поведеніе, приписывается причинному дѣйствію разныхъ другихъ, уже извѣстныхъ, элементовъ психической жизни, главнымъ образомъ наслажденій и страданій" (Введеніе, стр. 115, 116). Поэтому требуется предварительная критика и реформа традиціонной психологіи. Она и произведена проф. Петражицкимъ въ его „Основахъ эмоціональной психологіи".

Существо этой реформы сводится къ признанію необходимости въ основу психологіи и другихъ наукъ, касающихся психическихъ явленій,—наукъ о правѣ, нравственности, о государствѣ, хозяйствѣ и т. д.—положить вмѣсто традиціоннаго тройственнаго дѣленія элементовъ психической жизни на познаніе, чувство и волю, дѣленіе на 1) двустороннія, пассивно-активныя переживанія, моторныя раздраженія—импульсіи или эмоціи; 2) односторонніе переживанія, распадающіяся въ свою очередь на а) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя, и б) односторонне-активныя, волевыя.

„Эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ

приспособленія къ условіямъ жизни; прочіе, односторонніе элементы психической жизни играютъ при этомъ вспомогательную, подчиненную и служебную роль. Въ частности именно эмоціи исполняютъ функціи побужденій къ внѣшнимъ тѣлодвиженіямъ и инымъ дѣйствіямъ (напр., къ умственной работѣ и инымъ т. н. внутреннимъ дѣйствіямъ), вызывая непосредственно соотвѣтственные физіологическіе и психическіе процессы (импульсивныя, или эмоціональныя дѣйствія) или соотвѣтственную волю (волевыя дѣйствія)" („Теорія права", т. I, стр. 3). Онѣ являются истинными мотивами поведенія и имѣютъ двусторонній характеръ: пассивную сторону—своеобразное претерпѣваніе, не сводимое къ чувству или познавательнымъ переживаніямъ, и активную—своеобразный позывъ, отличный отъ волевыхъ переживаній. Такова, напр., природа голода, жажды, любопытства, полового возбужденія и т. д.

„Что же касается тѣхъ психическихъ процессовъ, которымъ ходячія теоріи поведенія приписываютъ роль побужденій, то они въ дѣйствительности или вообще отсутствуютъ... или, въ другихъ случаяхъ, имѣются на лицо въ сознаніи, но никакой роли въ мотиваціи поведенія не играютъ, или, въ третьей категоріи случаевъ, играютъ лишь роль такихъ переживаній, которыя вызываютъ такія или иныя эмоціи, побуждающія къ соотвѣтственному поведенію" („Теорія", т. I, 14).

На почвѣ соотвѣтственныхъ обстоятельныхъ изслѣдованій авторъ эмоціональной психологіи приходитъ къ констатированію трехъ типовъ мотиваціи: 1) чувственно-эмоціональной мотиваціи, 2) интеллектуально-эмоціональной распадающейся въ свою очередь на а) цѣлевую съ дальнѣйшими подраздѣленіями, б) основную, в) объектную, г) акціонную и 3) чисто эмоціональной мотиваціи. Послѣдняя представляетъ „прототипъ мотиваціи и поведенія въ мірѣ и исторіи живыхъ существъ".

Къ одному изъ видовъ второго типа мотиваціи, именно къ акціонной, относятся такія явленія, какъ право и нравственность. Отсюда ясно, какое значеніе имѣетъ эмоціональная психологія для ученія объ этихъ явленіяхъ и какой интересъ имѣетъ отношеніе къ ней въ литературѣ. Послѣднее предопредѣляетъ въ существенномъ моментѣ и отношеніе къ психологической теоріи права и нравственности.

Знакомство съ критическими отзывами объ „эмоціональной психологіи“ обнаруживаетъ троякое къ ней отношеніе: одни принимаютъ ее—всецѣло (Дембскій) или внося поправки (Рейснеръ), другіе отрицаютъ (Виноградовъ, Орженцкій, Сириновъ) и, наконецъ, третьи, признавая себя некомпетентными въ психологическихъ вопросахъ, ждутъ отъ спеціалистовъ - психологовъ отвѣта на возбужденные вопросы (Хвостовъ, Паліенко).

Критика всякаго ученія, а тѣмъ болѣе новаго и оригинальнаго, вообще должна имѣть большое значеніе: она заставляетъ еще разъ продумать критикуемое ученіе, указываетъ слабо защищенные пункты, вноситъ поправки, можетъ повести даже къ новымъ изслѣдованіямъ, подкрѣпляющимъ или разрушающимъ это ученіе; раскрывая зерно истины въ критикуемомъ ученіи, она тѣмъ самымъ утверждаетъ хотя бы частичную его правильность и степень научной цѣнности.

Однако, необходимымъ условіемъ успѣшной критики является вѣрное и точное представленіе о критикуемомъ. Какъ разъ послѣднее чуждо большинству авторовъ, высказавшихъ свой взглядъ на эмоціональную психологію. Поскольку же они обладаютъ правильнымъ представленіемъ существа дѣла, ихъ разсужденія ничего не опровергаютъ и ни въ чемъ не убѣждаютъ, развѣ только въ правильности критикуемаго доказательствами отъ противнаго. Получается картина неудачной осады неподдающагося разрушенію воздвигнутаго зданія новой эмоціональной психологіи.

Обратимся въ подтвержденіе этого къ непосредственному разсмотрѣнію критики.

Открывая журналъ „Критическое Обозрѣніе“, в. III за 1903 г., мы находимъ тамъ рецензію объ эмоціональной психологіи г. Виноградова. По мнѣнію рецензента, „реформаторская попытка проф. Петражицкаго въ сферѣ психологическаго изслѣдованія едва ли можетъ быть признана вполнѣ удачной, но окончательное сужденіе о ней возможно только въ связи съ разсмотрѣніемъ его „теоріи права“, воздвигнутой на этомъ новомъ фундаментѣ“.

Когда писались эти строки, „теорія права“ еще не появилась на свѣтъ. Однако, послѣднее обстоятельство не должно бы, думается, служить препятствіемъ для окончательныхъ выводовъ объ эмоціональной психологіи самой по

себѣ въ виду ея самостоятельнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, каково же хотя бы неокончательное мнѣніе критика. Что онъ имѣетъ противъ эмоціональной психологіи? А вотъ что:

„Самое понятіе объ эмоціональномъ состояніи въ формулировкѣ проф. Петражицкаго является очень неопредѣленнымъ и расплывчатымъ", затѣмъ: „толкованіе природы эмоціональныхъ проявленій ведетъ къ признанію слишкомъ большого количества эмоцій, что едва ли можетъ содѣйствовать болѣе глубокому анализу обсуждаемыхъ процессовъ"; въ - третьихъ: „новѣйшая психологія стремится подчеркнуть элементъ активности во всѣхъ психическихъ переживаніяхъ", тогда какъ проф. Петражицкій характеризуетъ познаніе и чувства, какъ односторонне - пассивныя переживанія, и только волю считаетъ активными, а эмоціи— активно-пассивными переживаніями.

Относительно перваго пункта критики можно замѣтить, что эмоціональное состояніе, какъ и всякое психическое переживаніе, возможно сдѣлать вполнѣ яснымъ и понятнымъ только помощью самонаблюденія, примѣняя тѣ методы, на которые указываетъ проф. Петражицкій, именно методы „дразненія" и „противодѣйствія". Формулировка же понятія эмоцій, мнѣ думается, не оставляетъ желать ничего лучшаго, хотя она по самому существу дѣла (опредѣленіе понятія психическаго переживанія) не можетъ дать безъ непосредственной интроспекціи пониманія опредѣляемаго

Возраженіе съ точки зрѣнія количества эмоцій не въ состояніи само по себѣ хоть сколько-нибудь поколебать теоріи эмоцій. Для непринятія ученія объ эмоціяхъ съ этой точки зрѣнія требуется доказать, что дѣйствительная психическая жизнь не знаетъ такого разнообразія эмоцій, или, что наука должна не согласоваться съ дѣйствительностью (!). Изъ вышеприведенной цитаты можно именно заключить о признаніи критикомъ послѣдняго положенія. Можетъ-быть, положеніе это есть какой-либо научный постулятъ? Но его требуется въ свою очередь обосновать, иначе, даже при признаніи возможности пользоваться въ наукѣ постулятнымъ методомъ, сила его и разсужденій на немъ основанныхъ равна нулю.

По третьему пункту критики слѣдуетъ указать лишь, что проф. Петражицкій вовсе не отрицаетъ активности за

психической жизнью въ цѣломъ: онъ прямо говоритъ, что „слѣдуетъ строго различать, отнюдь не смѣшивать другъ съ другомъ двухъ совершенно различныхъ вещей: съ одной стороны, процессовъ психическаго созиданія и творчества, психической дѣятельности, активности, присущей всякому элементу психической жизни, съ другой стороны специфическихъ, иногда (напр., когда мы рѣшили пойти на прогулку или, напротивъ, продолжать свою работу) переживаемыхъ явленій внутренней жизни, имѣющихъ своеобразный характеръ „активности“ въ смыслѣ особаго качества самаго переживанія рѣшимости, воли (что-нибудь сдѣлать или воздержаться отъ чего-либо). Нѣкоторыя переживанія, напр., ощущенія тепла, холода, зубная, головная боль, воспріятія пушечнаго выстрѣла, представляются нашему самонаблюденію чисто страдательнымъ переживаніемъ чего-то, какъ наличнаго (хотя, напр., воспріятіе пушечнаго выстрѣла и т. д. есть продуктъ сложныхъ, нами, впрочемъ, не сознаваемыхъ и раскрываемыхъ лишь путемъ научнаго анализа, активно-созидательныхъ процессовъ); другія переживанія представляются намъ, какъ активныя стремленія нашего я, направленныя на вызовъ, созданіе чего-либо въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ будущемъ“ (Введеніе, 140, 141).

Не ясно ли послѣ этого, что характеристика познанія и чувства, какъ односторонне-пассивныхъ, воли, какъ односторонне-активнаго, и эмоцій, какъ пассивно-активныхъ переживаній, не противорѣчитъ стремленію новѣйшей психологіи подчеркнуть элементъ активности во всѣхъ психическихъ переживаніяхъ.

Разсмотрѣнныя только-что критическія замѣчанія объ эмоціональной психологіи отличаются краткостью и общностью. Болѣе детальнымъ анализомъ ея занялся проф. Орженцкій въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ (1908 г, январь-февраль). Къ нему присоединился и приватъ-доцентъ Сириновъ.

По признанію послѣдняго автора, высказанному имъ въ I выпускѣ недавно появившейся книги „Теоретическая политическая экономія, какъ наука“ — „Новаторство проф. Петражицкаго является неудачнымъ и притомъ сразу въ цѣломъ рядѣ отношеній: оно не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія популярной научной психологіи, реформиро-

вать которую проф. Петражицкій собирается, — и оно не нужно и для доказательства несостоятельности гедонистическихъ ученій. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ психическіе элементы, съ которыми имѣетъ дѣло популярная научная психологія, какъ всякіе элементы, имѣютъ ту особенность, что они дальше неразложимы. Можно ли сказать, что и эмоціи, какъ ихъ описываетъ проф. Петражицкій, являются такимъ неразложимымъ первичнымъ элементомъ? Отнюдь нѣтъ. Вѣдь, самъ проф. Петражицкій допускаетъ, что этотъ „элементъ“ имѣетъ двѣ различныя стороны: пассивную и активную“ (стр. 109 и 110). Далѣе критикъ цитируетъ проф Орженцкаго: „Раздѣливъ же эмоцію на двѣ ея абстрактныя составныя части, мы безъ всякой натяжки и безъ малѣйшаго труда можемъ уложить ее въ рубрики извѣстныхъ психологіи конечныхъ элементовъ. Активная часть эмоціи — понуканіе, позывъ, моторное раздраженіе — очевидно, не что иное, какъ волевой процессъ въ той или другой стадіи его развитія, тогда какъ пассивный остатокъ — „претерпѣваніе“ — обыкновенный спутникъ волевого процесса, иногда нѣсколько ранѣе появляющійся въ сознаніи, часто почти незамѣтный — чувство. Въ нѣкоторыхъ привычныхъ волевыхъ процессахъ чувство почти незамѣтно, но и въ эмоціяхъ проф. Петражицкаго пассивная сторона переживанія настолько отходитъ на задній планъ, что онъ сплошь и рядомъ говоритъ только о „моторныхъ раздраженіяхъ“, совершенно забывая о „претерпѣваніяхъ“ („Вопросы философіи и психологіи“, 115).

„Ошибка Петражицкаго ясна“, читаемъ мы у Сиринова: „онъ полагаетъ, что все, что въ непосредственныхъ переживаніяхъ дано, какъ цѣлое, и съ научной точки зрѣнія будетъ таковымъ же. Но, вѣдь, тогда вся научная психологія была бы невозможна, ибо ни воля, ни познаніе не даны намъ въ нашихъ непосредственныхъ переживаніяхъ, какъ нѣчто совершенно отдѣльное“. Далѣе критикъ опять цитируетъ проф. Орженцкаго: „Нѣтъ состояній, которыя конкретно переживались бы, какъ чистое ощущеніе, чистое чувство или чистая воля. Дѣйствительныя переживанія состоятъ изъ сложнаго, конкретно-нераздѣльнаго комплекса или потока. Чувство переживается только вмѣстѣ съ интеллектуальными процессами, и въ единомъ познавательно-чувственномъ переживаніи мы называемъ чувствомъ то субъективное состояніе, которое, въ противоположность

представленію, не можетъ быть сознаваемо, какъ процессъ познавательный. Съ др. стороны, чувство конкретно-нераздѣльнымъ переживаніемъ переходитъ въ воленіе, являясь какъ бы нѣкоторой стороной волевого процесса или, какъ говоритъ Simmel, первымъ его отраженіемъ въ сознаніи. Равнымъ образомъ и ощущеніе является органически составною частью воленія“ (тамъ же, стр. 112, 113). Далѣе идутъ ссылки на Вундта, который тоже говоритъ, что „въ чувствѣ заключается воленіе точно такъ же, какъ въ волевомъ актѣ чувства составляютъ существенную составную часть“.

Казалось бы, что можно возразить противъ столь увѣренной критики, нашедшей себѣ опору даже въ воззрѣніи извѣстнаго философа и психолога Вундта? И надо признать, что если правильно находить въ волѣ чувства и познавательныя переживанія и въ чувствѣ волю, т. е. если одни элементы заключаются въ другихъ и хотя бы частично сводятся на другіе, то отчего бы и эмоціи не свести къ чувствамъ и волѣ. Однако, подобныя операціи сами по себѣ методологически несообразны. Онѣ противорѣчатъ постановкѣ вопроса объ элементахъ психической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, ставится вопросъ: какіе психическіе акты элементарны, т. е. представляются нашему самонаблюденію особыми, отличными отъ другихъ психическихъ актовъ, не сводящимися къ нимъ и не разложимыми на иные, простѣйшіе. Если это— познаніе (ощущенія и представленія), чувство и воля, то уже находить одно въ другомъ, напр., въ чувствѣ волю или обратно, противорѣчитъ признанію ихъ за элементы, изъ которыхъ одно переживаніе не можетъ быть, по собственному признанію критиковъ, сознаваемо, какъ другое. Критики не замѣчаютъ, что ихъ элементы ужъ не элементы, ибо въ свою очередь разлагаются. Ихъ точка зрѣнія исключаетъ возможность всякаго дѣленія на (отличные другъ отъ друга) элементы, такъ какъ все сводится ко всему: все есть и познаніе, и чувство, и воля. Явный психологическій нигилизмъ и логическій абсурдъ.

Если же сторонники такого воззрѣнія на элементы психической жизни, по которому одни элементы заключаются въ другихъ, хотятъ этимъ отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что различные элементарные психическіе акты зачастую смѣняютъ другъ друга незамѣтно, неуловимо для

нашего сознанія, то это можно сдѣлать гораздо проще, понятнѣе и безъ нарушенія того элементарнаго правила логики, по которому требуется, чтобы одни элементы не заключались въ другихъ. Когда пр. Орженцкій говоритъ, что „въ познавательныхъ процессахъ мы открываемъ элементы волевыхъ явленій“, то онъ смѣшиваетъ тѣ двѣ активности, противъ смѣшенія которыхъ предупреждалъ, какъ мы имѣли уже немного выше случай убѣдиться, проф. Петражицкій.

Съ другой стороны, хотя „дѣйствительныя переживанія состоятъ изъ сложнаго конкретно-нераздѣльнаго комплекса или потока“, но это лишь общее правило и, мнѣ думается, что различные элементы психической жизни могутъ быть наблюдаемы „по закону узости сознанія“ на короткій моментъ времени изолированно, или, во всякомъ случаѣ, достижимо приближеніе къ такимъ наблюденіямъ. Предположимъ, что этого нѣтъ, все же возможно различить и въ сложномъ комплексѣ переживаній посредствомъ самонаблюденія несводимые другъ къ другу элементы. Критикамъ, конечно, и это невозможно, даже если бы ихъ элементы были даны непосредственно въ переживаніяхъ, такъ какъ послѣдніе все равно сводятся одинъ къ другому и, такимъ образомъ, получается полное безразличіе.

Итакъ, эмоціи легко разлагаются на чувство и волю въ смыслѣ Вундта и критиковъ, но ихъ понятія чувства и воли покоятся на существенныхъ недоразумѣніяхъ. Вопросъ въ томъ: не разлагаются ли эмоціи на правильно понятыя чувство и волю? Отвѣтъ получается отрицательный и вотъ почему:

Хотя познаніе, чувство и воля предшествуютъ, сопутствуютъ и слѣдуютъ другъ за другомъ, однако, въ разныхъ случаяхъ и стадіяхъ психической жизни связь ихъ различна, иногда же происходитъ разрывъ, отдѣленіе одного отъ другого (переживается, напр., воля что-либо сдѣлать и „неопредѣленная“ воля, хотя бы на короткій моментъ; иногда въ результатѣ созерцанія какого-либо предмета различные элементы сознанія выпадаютъ и въ наличности остаются лишь воспріятія созерцаемаго и т. д.). Однимъ словомъ, различные элементы психики сочетаются въ различныхъ комбинаціяхъ, тогда какъ пассивная и активная стороны эмоцій всегда и съ одинаковой силой переживаются вмѣстѣ, нераз-

дѣльно; чѣмъ сильнѣе и явственнѣе, говоритъ Петражицкій, переживаніе эмоціи, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе специфическое претерпѣваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ специфическій позывъ. Къ тому же претерпѣваніе специфично, отлично отъ чувства, какъ отличенъ и отъ воли позывъ, активная сторона эмоціи. Въ послѣднемъ можно убѣдиться самонаблюденіемъ, хотя бы на тѣхъ примѣрахъ, которые даетъ проф. Петражицкій, именно проанализировавъ переживанія, сопровождающіяся выраженіями: „хочу исправиться“, „желаю всегда соблюдать извѣстное правило“, обозначающими обыкновенно соотвѣтственную волю, рѣшимость, и съ другой стороны, переживанія, сопровождающіяся выраженіями: „хочу ѣсть, пить, спать“, „желаю, чтобы случилось то-то“ (особенно, что-либо независимое отъ нашей воли и поведенія), обозначающими обыкновенно наличность соотвѣтствующихъ эмоцій, моторныхъ возбужденій. Любопытно, что критики обходятъ эти примѣры, и вообще не пользуются самонаблюденіемъ для познанія дѣйствительной природы эмоцій, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ этого не обнаруживаютъ.

Итакъ, познаніе, чувство и воля могутъ отдѣляться одно отъ другого, пассивная и активная стороны эмоціи только вмѣстѣ даютъ одно неразрывное цѣлое, единое психическое недѣлимое съ двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ

Является все-таки вопросъ, нельзя ли, признавъ специфическій характеръ пассивной и активной стороны эмоцій, удержать вторую часть положенія критиковъ, согласно которой абстрактныя части эмоціи, а не сама она, являются элементами психической жизни.

Вопросъ этотъ рѣшается всецѣло въ зависимости отъ того, что мы найдемъ научно-резоннымъ принять за психическій элементъ: нѣкоторыя абстракціи или живыя, реальныя, исполняющія опредѣленную біологическую функцію части сознанія. Познаніе, чувство, воля и эмоціи, какъ ихъ понимаетъ проф. Петражицкій, суть такія реальныя величины психической жизни, которыя пріурочены къ выполненію опредѣленной жизненной функціи животнаго организма, и съ этой точки зрѣнія имъ изучаются. У критиковъ это—слѣпыя абстракціи, которыя можно лишь сводить одна къ другой Сколько аргументовъ можно привести въ пользу одного (ясно какого) мнѣнія, столько противъ другого.

Интересно отмѣтить, между прочимъ, что въ желаніи своемъ свести эмоціи къ чувству и волѣ критики настолько увлекаются, что изъ названія эмоцій по активной сторонѣ „моторными раздраженіями“ заключаютъ, что и въ эмоціяхъ проф. Петражицкаго пассивная сторона зачастую отходитъ на задній планъ, какъ чувство „въ нѣкоторыхъ привычныхъ волевыхъ процессахъ“. Это мнимое, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, обстоятельство играетъ роль вѣскаго аргумента въ пользу ихъ попытки сведенія эмоцій на чувство и волю.

Оставимъ пока второй тезисъ г. Сиротова, принадлежащій только ему и гласящій, что ученіе объ эмоціяхъ не нужно и для доказательства несостоятельности гедонизма, и перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію критики проф. Орженцкаго.

Для доказательства существованія эмоцій въ качествѣ четвертой категоріи элементовъ психической жизни и ихъ біологической роли, проф. Петражицкій подробно изслѣдуетъ природу психологическаго голода и причинно связанные съ нимъ психическіе и физіологическіе процессы. Эти изслѣдованія критика не убѣждаютъ, и онъ возражаетъ. Главное возраженіе, по собственному его признанію, состоитъ въ томъ, что было бы лучше предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ физіологамъ. Не имѣя значенія возраженія по существу, оно совершенно излишне: не все ли равно въ концѣ концовъ, кто рѣшитъ извѣстный вопросъ, физіологъ или юристъ, математикъ или богословъ, важно, чтобы онъ былъ рѣшенъ правильно. Второстепенное же возраженіе, которому и самъ авторъ не придаетъ опровергающей силы, по содержанію является дѣйствительнымъ возраженіемъ, но совершенно не аргументировано, и ставитъ лишь вопросъ, нельзя ли иначе рѣшить подлежащую задачу.

Въ чемъ же оно состоитъ?

Авторъ „эмоціональной психологіи“ изъ явленій несоотвѣтствія физіологическаго голоданія и психологическаго голода и зависимости появленія, измѣненія и исчезновенія голода-аппетита отъ разныхъ другихъ, въ особенности чисто психическихъ факторовъ, индуктивно приходитъ къ отрицанію существующихъ ученій о природѣ голода, какъ ощущеній или чувствъ на почвѣ физіологическаго голоданія, ибо психическія воздѣйствія въ изслѣдуемыхъ случаяхъ

„не вводятъ въ желудокъ отсутствующихъ и не удаляютъ изъ него существующихъ кислыхъ веществъ и тому подобныхъ раздражителей“.

Противъ индукцій критикъ не возражаетъ, а лишь находитъ „поспѣшнымъ“ послѣднее утвержденіе о невведеніи и неудаленіи въ желудокъ раздражителей. Онъ желаетъ возстановить мнѣніе о зависимости и параллелизмѣ физіологическаго и психологическаго голоданія ссылкой на то, что при связи центральной нервной системы съ желудкомъ, психическіе процессы (напр.. воспріятіе лакомыхъ блюдъ) могутъ оказывать вліяніе на физіологическіе процессы, происходящіе въ желудкѣ—вводить и удалять изъ него различные раздражители („Вопросы психологіи“, 116, 117). Познавательные процессы, значитъ, вызываютъ работу различныхъ железъ, въ результатѣ дѣйствія выдѣленій которыхъ появляются ощущенія или чувства, составляющія психологическій голодъ. Съ точки же зрѣнія проф. Петражицкаго, познавательные процессы сами по себѣ такого эффекта произвести не въ состояніи, и если они (какъ это сплошь и рядомъ бываетъ) не приводятъ насъ въ эмоціональное возбужденіе, если мы остаемся къ нимъ равнодушными, апатичными въ эмоціональномъ смыслѣ, то въ нашемъ поведеніи не происходитъ никакихъ перемѣнъ. Они могутъ вызвать лишь эмоцію, а послѣдняя и приспособляетъ организмъ къ выполненію соотвѣтственной біологической функціи, въ частности заставляетъ работать секретовыдѣляющія железы. Едва ли въ виду этого можно отдать предпочтеніе схемѣ проф. Орженцкаго: 1) она не объясняетъ случаевъ, когда познавательные процессы (напр., воспріятіе яствъ) не вызываютъ позыва къ ѣдѣ; 2) менѣе согласуется, чѣмъ схема проф. Петражицкаго, съ назначеніемъ психики служить приспособленію организма къ выполненію извѣстной функціи и не объясняетъ самаго приспособленія.

Но если бы критикъ и былъ правъ въ физіологической сторонѣ вопроса, наличность эмоціи голода въ данныхъ случаяхъ все же не устраняется. Можетъ быть, что она вызывается познавательными процессами черезъ посредство раздражителей, появляющихся въ желудкѣ подъ вліяніемъ воспріятій, получаемыхъ центральною нервною системою извнѣ и воздѣйствующихъ на желудокъ черезъ связывающія послѣдній съ нею нервныя волокна.

Однако, пока нѣтъ въ пользу этого никакихъ положительныхъ данныхъ, и потому проф. Орженцкій независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній пытается показать, что для голода характерно именно чувство, а не эмоція. Мало того. по его мнѣнію, голодъ есть не просто ощущеніе, чувство или эмоція, а сложный психическій комплексъ, куда входятъ различные элементы, и можно лишь говорить, что одинъ изъ нихъ играетъ роль главнаго, характернаго. Но не эмоція исполняетъ здѣсь эту роль: такимъ элементомъ „скорѣе всего назовемъ именно то своеобразное чувственное состояніе, которое возникаетъ на почвѣ внутреннихъ органическихъ ощущеній. И притомъ именно непріятное чувственное состояніе. Когда проф. Петражицкій говоритъ, что голодъ-аппетитъ не есть страданіе, а напротивъ, сопровождается чувствомъ удовольствія, онъ смѣшиваетъ двѣ вещи: представленіе объ удовлетвореніи или возможности удовлетворенія голода съ самымъ чувствомъ голода“ (стр. 118).

Послѣдній упрекъ совершенно неправиленъ: говорить о подобномъ смѣшеніи можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы проф. Петражицкій считалъ голодъ не эмоціею, а представленіемъ объ удовлетвореніи или возможности удовлетворить голодъ; однако, онъ говоритъ лишь о сопровожденіи и то не во всѣхъ случаяхъ эмоціи голода чувствомъ удовольствія, къ тому же чувствомъ, не зависящимъ отъ представленія объ удовлетвореніи. Сопровождающимъ переживаніемъ можетъ быть и отрицательное чувство—страданіе, но тоже не всегда, а при наличности особыхъ, указанныхъ въ свое время авторомъ, причинъ. На основаніи этого падаетъ также и то возраженіе критика, которое гласитъ, что у неимѣющаго надежды пообѣдать голодъ-аппетитъ не сопровождается чувствомъ удовлетворенія (стр. 118), возраженіе, приписывающее проф. Петражицкому утвердительное рѣшеніе даннаго вопроса. Ни то ни другое чувство не относится къ составу психологическаго голода. Критикъ не занимается наблюденіемъ различныхъ переживаній голода-аппетита, а беретъ лишь патологическіе случаи и, замѣтивъ тамъ наличность страданій, принимаетъ послѣднія за суть дѣла, но не будучи въ состояніи отрицать въ нихъ наличности и другихъ переживаній (эмоціи даютъ себя знать!), на этой почвѣ считаетъ голодъ не просто чувствомъ, а сложнымъ психическимъ комплексомъ, не называя, впрочемъ,

иныхъ, кромѣ чувства страданія, элементовъ. Положеніе о сложномъ составѣ голода осталось недоказаннымъ, между тѣмъ какъ признаніе простой эмоціи за природу этого явленія покоится на томъ, что всегда наличнымъ и необходимымъ признакомъ позыва къ ѣдѣ является присутствіе эмоціи, а въ указаніи такихъ признаковъ и заключается опредѣленіе природы, существа какого-либо явленія.

Проф. Орженцкій смѣшиваетъ психологическій голодъ не только съ сопровождающимъ его иногда чувствомъ страданія, но и съ физіологическимъ голоданіемъ — явленіемъ не психическаго порядка. Такое смѣшеніе наглядно слѣдуетъ изъ его положенія: „бываютъ случаи переживанія голода съ отсутствіемъ всякаго аппетита (и даже отвращеніемъ) къ ѣдѣ“ (стр. 118). Эти случаи есть физіологическое голоданіе, а самый аппетитъ и есть психологическій (неинтенсивный) голодъ. Проф. Петражицкій указывалъ въ надлежащемъ мѣстѣ не только на такіе случаи, но и на причины послѣднихъ, и на количественную лишь разницу между психологическимъ голодомъ и аппетитомъ, и на невозможность въ научно-психологическихъ изслѣдованіяхъ исходить изъ обычнаго словоупотребленія, какъ критерія. Но все это проф. Орженцкій обходитъ молчаніемъ.

Въ пользу своего положенія о томъ, что существеннымъ элементомъ голода является чувственное состояніе, проф. Орженцкій приводитъ еще два обстоятельства: во 1-хъ— паденіе интенсивности аппетита по мѣрѣ пріема пищи (подобное постепенное паденіе, какъ достаточно выясненный фактъ въ литературѣ по теоріи цѣнности, составляетъ характерную особенность именно чувства) и, во 2-хъ—переходъ голода на извѣстной степени интенсивности въ аффектъ, основнымъ элементомъ котораго является чувство. Оба эти аргумента въ примѣненіи къ опроверженію эмоціональной психологіи содержатъ въ себѣ petitio principii, ибо постепенное паденіе, какъ неопровержимо доказано проф. Петражицкимъ, свойственно тѣмъ переживаніямъ, которыя онъ называетъ эмоціями, и во 2-хъ, аффектъ и есть не что иное, какъ интенсивное моторное возбужденіе, т. е. интенсивная эмоція.

Идемъ далѣе.

Эмоціональная психологія знаетъ три группы эмоцій: во 1-хъ, отчетливо переживаемыя; во 2-хъ, протекающія не-

замѣтно для переживающихъ ихъ, недоступныя открытію для невооруженнаго взора, и лишь методами „дразненія“ и „противодѣйствія“ могущія быть открытыми и изучаемыми, и въ 3-ьихъ, такія, о существованіи которыхъ можно лишь умозаключать по ихъ акціямъ, т. е. проявленіямъ, но которыя невозможно наблюдать непосредственно. Невозможность непосредственнаго наблюденія относится и къ психикѣ всѣхъ другихъ. кромѣ нашего наблюдающаго „я“.

Думая, что „эмоціональная психологія“ не допускаетъ существованія безсознательной психики и основаніемъ отнесенія незамѣтно протекающихъ эмоцій къ психическимъ явленіямъ принимаетъ возможность искусственнаго повышенія ихъ интенсивности, критикъ замѣчаетъ, что проф. Петражицкій долженъ бы былъ признавать „соотвѣтствующія явленія психическими лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ, но никакъ не тогда, когда въ самой психикѣ никакихъ эмоцій мы не переживаемъ“ (стр. 119).

Здѣсь скопленіе нѣсколькихъ существенныхъ ошибокъ: повышеніе интенсивности переживанія незамѣтныхъ эмоцій служитъ не основаніемъ отнесенія ихъ къ психическимъ явленіямъ, а средствомъ познанія и изученія ихъ; никакихъ непереживаемыхъ эмоцій „эмоціональная психологія“ не знаетъ, есть лишь неотчетливыя, незамѣтныя для невооруженнаго взора эмоціи, признаніе которыхъ психическими явленіями и до повышенія интенсивности ихъ переживанія свидѣтельствуетъ о допущеніи проф. Петражицкимъ безсознательной психики.

По поводу третьей группы эмоцій, о существованіи которыхъ можно лишь умозаключать, но наблюдать которыя нельзя, проф. Орженцкій говоритъ слѣдующее: „Теперь становится понятнымъ, что, собственно говоря, понимаетъ проф. Петражицкій подъ эмоціями въ данномъ случаѣ. Это не что иное, какъ координированная система произвольныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рефлекторныхъ, дѣйствій и физіологическихъ измѣненій, имѣющая опредѣленное біологически-полезное назначеніе“ (стр. 120). Тамъ же г. Орженцкій недоумѣваетъ, почему такія эмоціи признаются психическими явленіями, вѣдь ихъ нельзя наблюдать. На это можно самому критику задать вопросъ: а почему всѣ чужія психическія переживанія признаются психическими явленіями, вѣдь ихъ тоже нельзя наблюдать? Если ему это неизвѣстно,

онъ можетъ справиться въ любомъ учебникѣ психологіи. Для выясненія, какой абсурдъ приписалъ г. Орженцкій произвольно проф. Петражицкому, говоря, что послѣдній подъ эмоціями, которыхъ нельзя наблюдать, но о существованіи которыхъ можно умозаключать по ихъ проявленіямъ во внѣ, разумѣетъ систему этихъ проявленій,—приведу такой примѣръ: нѣкто, слыша лай, заключаетъ: поблизости находится собака. Сосѣдъ же его, разсуждая, очевидно, аналогично г. Орженцкому, отвѣчаетъ: „Теперь становится понятнымъ, что, собственно говоря, вы понимаете подъ собакой. Это не что иное, какъ ея лай". Для всякаго очевидна несостоятельность такого отвѣта.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ", говоритъ пословица. И дѣйствительно, продолжая слѣдить за критикой проф. Орженцкаго, находишь все болѣе фактовъ, удостовѣряющихъ, что критикъ не справился даже съ задачею усвоенія ученія, о которомъ онъ берется судить. Такъ, напр., ученіе объ эмоціяхъ упраздняетъ существующее въ психологіи ученіе объ инстинктахъ. Критику это кажется лишь замѣною словъ. Въ дѣйствительности же, дѣло совсѣмъ не въ словахъ, а въ томъ, что такихъ психическихъ величинъ, какія понимались подъ отдѣльными инстинктами, напр., подъ инстинктомъ питанія, на самомъ дѣлѣ не существуетъ: въ дѣйствительности къ осуществленію функціи питанія въ качествѣ психическаго двигателя ведетъ не единое переживаніе, а цѣлый рядъ психическихъ величинъ—эмоцій, различныхъ уже потому, что для однихъ рядовъ дѣйствій, необходимыхъ для осуществленія въ цѣломъ функціи питанія, нужно иное приспособленіе организма, чѣмъ для другихъ, напр., для поимки добычи требуется такое приспособленіе организма, которое не годится уже при съѣданіи ея. Въ существующемъ ученіи объ инстинктахъ подъ продукты различныхъ психическихъ переживаній подставляется единое переживаніе и, съ другой стороны, разнымъ инстинктамъ приписывается то, что на самомъ, дѣлѣ является продуктомъ однихъ и тѣхъ же психическихъ переживаній. Такъ обстоитъ дѣло съ инстинктами (Введеніе, 264). *

*) Интересно сопоставить указанное мнѣніе проф. Орженцкаго объ инстинктахъ въ эмоціональной психологіи съ мнѣніемъ по этому вопросу извѣстнаго соціолога М. М. Ковалевскаго, который на страницахъ

На недоразумѣніи основано и несогласіе критика съ предполагаемымъ имъ въ „эмоціональной психологіи“ объясненіемъ всѣхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій животныхъ соотвѣтствующими эмоціями. Критикъ говоритъ о дѣйствіяхъ, но изъ текста его статьи ясно, что онъ отождествляетъ ихъ съ внѣшними движеніями. По подлинному ученію проф. Петражицкаго „къ эмоціональнымъ дѣйствіямъ слѣдуетъ относить свободные элементы эмоціональныхъ акцій“, т. е. поддающіеся воздѣйствію воли элементы акцій. „Противополагать дѣйствіямъ въ области тѣлодвиженій слѣдуетъ: принудительныя эмоціональныя акціи (т. е. неподдающіяся воздѣйствію воли акціи, напр., возбужденіе слюнныхъ железъ) рефлексы и спонтанныя тѣлодвиженія“ (Теорія, т. II, 450 и Введеніе § 13). Двѣ послѣднія категоріи движеній происходятъ независимо отъ психики, слѣдовательно, и отъ эмоцій. Иной видъ имѣетъ соотвѣтственное ученіе проф. Петражицкаго въ представленіи критика, именно: „по мнѣнію проф. Петражицкаго, моментами, вызывающими дѣйствіе, всегда и во всѣхъ случаяхъ являются эмоціи. Будутъ ли дѣйствія цѣлевыми, нецѣлевыми, рефлекторными или иного рода, всегда возбудителемъ дѣйствій является эмоція“ („Вопросы философіи“, кн. 91, стр. 121, 122). Правда, процитированное сейчасъ мнимое мнѣніе проф. Петражицкаго, по словамъ критика, касается человѣка, а не животныхъ, но послѣднее обстоятельство не уничтожаетъ ошибки г. Орженцкаго и относительно опредѣляемости движеній животныхъ, а подтверждаетъ ее. Кстати отмѣчу, что понятіе „дѣйствій“ по ученію проф. Петражицкаго, съ одной стороны, уже понятія тѣлодвиженій, т к. не всякое тѣлодвиженіе будетъ дѣйствіемъ, а только поддающееся воздѣйствію воли, съ другой стороны—шире, т. к. въ понятіе свободныхъ эмоціональныхъ акцій входятъ и психическія переживанія, такъ наз. внутреннія дѣйствія. Кромѣ этихъ двухъ группъ, объединяющихся въ понятіи эмоціональныхъ дѣйствій, есть еще „волевыя дѣйствія“.

Разъ каждая система дѣйствій вызывается своей эмоціей, проф. Орженцкій находитъ невозможнымъ искать объясне-

---

№ 235 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1907 г. въ статьѣ, посвященной обзору психологической теоріи и ея методологическихъ и психологическихъ основаній, по адресу проф. Петражицкаго прямо говоритъ: «Авторъ очень остроумно доказываетъ, что инстинктовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ».

нія дѣйствій въ самой эмоціи; его надо искать въ тѣхъ моментахъ, которые вызываютъ эмоцію. Эмоціи же безъ всякаго ущерба для дѣла могутъ быть совершенно опущены: онѣ ничего не объясняютъ (стр. 122). Съ этимъ мнѣніемъ критика трудно не только согласиться, но его трудно и понять; не очевидно ли: разъ каждая система дѣйствій вызывается особой эмоціей, то она и объясняется изъ особенности своей эмоціи *).

Съ такимъ пониманіемъ эмоціональной психологіи подошелъ проф. Орженцкій къ кардинальному ея пункту—ученію о мотивахъ поведенія.

Какъ уже упоминалось, проф. Петражицкій установилъ три типа мотиваціи: чувственно-эмоціональную, интеллектуально-эмоціональную съ четырьмя ея видами и чисто эмоціональную. Критикъ касается только трехъ видовъ второго типа мотиваціи, именно: цѣлевой, основной и предметной.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Петражицкаго, что роль цѣлевыхъ представленій могутъ играть не только образы возможныхъ наслажденій и страданій, критикъ полагаетъ, что „такая постановка вовсе не рѣшаетъ вопроса о роли чувства въ сознательно-цѣлевомъ поведеніи“, ибо „случаи, когда цѣлью дѣйствій бываетъ образъ наслажденія или страданія, имѣютъ мѣсто рѣдко. Обыкновенно цѣлью дѣйствія бываютъ тѣ или иные объекты“, которые представляются намъ при этомъ не безразличными. „Въ то же время чувственныя состоянія являются тѣмъ логически предшествующимъ моментомъ, съ которымъ необходимо связано возникновеніе волевого процесса, направленнаго (не на чувство, а) на цѣнный объектъ“ (стр. 122).

Эта критика, какъ и дальнѣйшія разсужденія проф. Орженцкаго о цѣлевой мотиваціи, также покоится на неправильномъ изображеніи существа критикуемаго. Во-первыхъ, невѣрно схвачено понятіе цѣли. Цѣлью въ эмоціональ-

*) Сошлюсь и здѣсь на мнѣніе проф. М. М. Ковалевскаго, который говоритъ: «проф. Петражицкій, какъ я полагаю, убѣдительно доказываетъ, что наслажденіе и страданіе только тогда являются мотивами нашихъ дѣйствій, когда сами они или представленіе о нихъ вызываютъ въ насъ эмоціональное возбужденіе. Слѣдовательно, мотивами нашего поведенія являются въ концѣ концовъ эмоціи» («Русскія Вѣдомости» № 235, 1907 г.).

ной психологіи является не представленіе наслажденій и страданій, не наличное что-то, а представляемый эффектъ дѣйствія, представляемый результатъ его, нѣчто будущее. Это двѣ вещи разныя. При чемъ и по ученію проф. Петражицкаго этотъ эффектъ для насъ не безразличенъ: онъ представляется въ однихъ случаяхъ, какъ могущій доставить наслажденіе или страданіе (гедонистическая и антигедонистическая цѣлевая мотивація), въ другихъ — пользу или вредъ (утилитарная и анти-утилитарная цѣлевая мотивація). Третьимъ видомъ цѣлевой мотивації будетъ объективная мотивація, гдѣ представляемый эффектъ, цѣль дѣйствія, лишенъ „примѣси представленій удовольствія или пользы для насъ и другихъ". Во-вторыхъ, игнорируя чувственно-эмоціональную мотивацію, въ которой не представленіе будущихъ удовольствій или страданій, а наличное чувство вызываетъ эмоцію, побуждающую къ такому или иному поведенію, критикъ смѣшиваетъ ее съ цѣлевой. Такъ, напр., онъ говоритъ, что проф. Петражицкій не затронулъ вопроса съ той стороны, что „чувственныя состоянія являются тѣмъ логически предшествующимъ моментомъ, съ которымъ необходимо связано возникновеніе волевого процесса, направленнаго не на чувство, а на цѣнный объектъ". Послѣднее и есть чувственно-эмоціональная мотивація съ тѣмъ лишь различіемъ, что чувство необходимо связано не съ волей, а съ эмоціей.

Изъ критики основной мотивації можно убѣдиться что истинный смыслъ цѣлевой мотивації скрытъ отъ проф. Орженцкаго и въ другомъ направленіи. Отрицаніе со стороны проф. Петражицкаго наличности цѣли во многихъ случаяхъ поведенія, гдѣ она вообще принимается, какъ несомнѣнный фактъ, признается критикомъ, однако, плодотворной и заслуживающей вниманія идеей. Въ развитіи же и обоснованіи ея проф. Петражицкій, по его мнѣнію, идетъ по ложному пути: „Прежде всего проф. Петражицкій смѣшиваетъ понятіе цѣли съ понятіемъ разумной или обдуманной цѣли и въ силу этого отрицаетъ цѣлевой характеръ такихъ дѣйствій, которыя на самомъ дѣлѣ не имѣютъ лишь разумной и заранѣе обдуманной цѣли. Такъ, напр., если подъ вліяніемъ пережитой обиды человѣкъ наноситъ другому ударъ, дѣйствіе его несомнѣнно имѣетъ цѣль (за исключеніемъ случаевъ безпамятства); цѣль эта—оскорбить, причинить зло;

ближайшій эффектъ дѣйствія антиципируется и желается" (стр. 123). Судя по примѣру, рѣчь идетъ объ основной мотивации эмоціональной психологіи. Далѣе: „На такомъ же недоразумѣніи основано у проф Петражицкаго признаніе нецѣлевыми такихъ дѣйствій, которыя, вытекая изъ чувствъ и аффектовъ, не преслѣдуютъ никакой побочной или дальнѣйшей цѣли, кромѣ проявленія чувства" (стр. 123, 124). Напр, выраженіе уваженія къ кому-либо безъ расчета снискать расположеніе. Цѣль въ данномъ случаѣ, по мнѣнію критика, заключается въ самомъ дѣйствіи—въ выраженіи уваженія.

На основаніи изложеннаго можно подумать, что проф. Петражицкій отрицаетъ возможность цѣлевого нанесенія удара подъ вліяніемъ обиды или возможность цѣлевого выраженія уваженія кому-либо. На самомъ же дѣлѣ такія возможности имъ не отвергаются, и если въ сознаніи дѣйствующаго ударъ или обнаруженіе уваженія фигурируютъ какъ средства къ достиженію извѣстныхъ эффектовъ, въ первомъ случаѣ—оскорбить, отомстить и т. п, во-второмъ—выразить уваженіе, хотя бы безъ всякихъ побочныхъ или дальнѣйшихъ цѣлей, то мотивація, лежащая въ основѣ такого поведенія, будетъ цѣлевой.

Съ другой стороны, возможно ударить обидчика не только безъ заранѣе обдуманной или разумной цѣли, но и безъ цѣли вообще (т. е. безъ представленія будущаго эффекта), просто подъ вліяніемъ обиды. Также бываютъ случаи выраженія другому уваженія не только безъ заранѣе обдуманной цѣли снискать расположеніе или, независимо отъ мысли о расположеніи, не только безъ заранѣе обдуманной цѣли именно выразить уваженіе, но и вообще безъ мысли объ эффектѣ дѣйствія (выраженіи уваженія), просто подъ вліяніемъ переживанія уваженія къ другому.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣйствуютъ не „для того, чтобы"отомстить, выразить уваженіе и т. п., а „потому, что" оскорблены, уважаютъ и т. п. Обыкновенно подобное поведеніе считается цѣлевымъ, потому что оно приводитъ къ одному результату съ дѣйствительно цѣлевымъ поведеніемъ; однако, о наличности въ сознаніи цѣлевыхъ представленій слѣдуетъ судить не по внѣшнему виду и результату, а по содержанію сознанія дѣйствующаго.

Чтобы подтвердить документально правильность моего

пониманія ученія проф. Петражицкаго „о мотиваціи“, приведу подлинныя его слова: „Если оскорбительный или иной поступокъ другого (соотвѣтственное воспріятіе или представленіе) вызываетъ въ психикѣ субъекта злость, негодованіе, презрѣніе, восторгъ и т. п., то соотвѣтственныя эмоціи разряжаются (проявляютъ свои акціи) въ формѣ словъ, напр., брани, выраженія презрѣнія, восторженныхъ похвалъ или иныхъ дѣйствій, напр., нанесенія оскорбительнаго удара, рукоплесканія, обниманія, цѣлованія, обыкновенно безъ всякаго разсужденія и представленія о цѣляхъ соотвѣтственныхъ тѣлодвиженій“ *) (Теорія, т. I, 17).

„Дальнѣйшимъ чуждымъ цѣлевыхъ расчетовъ и представленій видомъ интеллектуально-эмоціональной мотиваціи являются мотивационные процессы, состоящіе въ томъ, что воспріятіе извѣстныхъ объектовъ, напр., хлѣба со стороны голоднаго, воды со стороны жаждущаго, воспріятія мыши со стороны кошки, кошки со стороны мыши, вызываютъ въ психикѣ воспринимающаго индивида такія или иныя эмоціи по адресу этихъ объектовъ, и эти эмоціи вызываютъ безъ всякихъ цѣлевыхъ соображеній тѣлодвиженія, направленныя на схватываніе, добываніе объекта, приближеніе къ нему и т. д. (въ случаѣ аттрактивныхъ эмоцій), или на удаленіе, отстраненіе объекта отъ себя (напр. надоѣдающаго насѣкомаго, попавшаго въ ротъ отвратительнаго вещества) или себя отъ объекта (напр., бѣгство отъ возбуждающаго страхъ животнаго)“. Этотъ видъ мотиваціи называется объектною, или предметною мотиваціей. Она состоитъ въ томъ, что воспріятіе объекта вызываетъ эмоцію, послѣдняя влечетъ за собою опредѣленное поведеніе. Въ передачѣ же критика „воспріятіе объекта переходитъ непосредственно въ систему согласованныхъ дѣйствій, направленныхъ на объектъ“ (стр. 124).

Послѣ этого никто не удивится и возраженіямъ противъ предметной мотиваціи, заключающимся въ слѣдующихъ положеніяхъ: „опыты съ животными (съ вырѣзаннымъ предварительно мозгомъ) показываютъ, что внѣшнія раздраже-

*) По поводу соотвѣтственныхъ ученій проф. Петражицкаго въ упомянутой выше статьѣ проф. Ковалевскаго читаемъ слѣдующее: «одной изъ интереснѣйшихъ страницъ книги, по моему мнѣнію, надо считать ту, на которой авторъ доказываетъ, что преобладающая масса дѣйствій людей и животныхъ совершается вовсе не для достиженія какой-либо цѣли...»

нія могутъ непосредственно переходить въ координированныя дѣйствія; но здѣсь нѣтъ никакой мотивації, такъ какъ нѣтъ мозга. У человѣка бываетъ иначе: внѣшнее раздраженіе не переходитъ непосредственно въ дѣйствіе: видъ умывальника не заставляетъ непремѣнно умываться и видъ платья не заставляетъ непремѣнно надѣвать его. Требуются еще нѣкоторыя дополнительныя условія: я умываюсь тогда, когда нахожу это нужнымъ, также поступаю относительно ѣды, куренія и т. п... соотвѣтствующая система координированныхъ движеній часто или обыкновенно происходитъ безсознательно; но всѣ эти движенія были въ свое время сознательными и цѣлевыми... въ той же части, въ которой они не опредѣляются цѣлью, они вовсе не опредѣляются сознаніемъ, а слѣдовательно и какой бы то ни было мотивацiей, и происходятъ рефлекторно" (стр. 124, 125).

Эти разсужденія вполнѣ опровергаютъ „мнимую" предметную мотивацію (потому „мнимую", что по мнѣнію критика, при предметной мотивації воспріятіе объекта непосредственно переходитъ въ систему дѣйствія), съ подлинной же отчасти даже согласуются, поскольку требуютъ для вызова умыванія, куренія и т. п., кромѣ воспріятія соотвѣтственныхъ объектовъ, еще нѣкоторыхъ дополнительныхъ условій (таковыми въ предметной мотивації являются эмоціи), и совсѣмъ не согласуются съ нею, поскольку принимаютъ эти дѣйствія или за рефлекторныя или за цѣлевыя. Тутъ слѣдуетъ опять отмѣтить, что съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, куреніе, умываніе и т. п. также можетъ быть и бываетъ цѣлевымъ, но въ этихъ случаяхъ будетъ непредметная, а цѣлевая мотивація. Но обыкновенно мы умываемся, ѣдимъ, куримъ безъ сознанія цѣли таковыхъ поступковъ, наша психика чужда въ эти моменты цѣлевыхъ расчетовъ и представленій, однако, это не значитъ, что мы дѣйствуемъ (подобно животнымъ съ вырѣзаннымъ мозгомъ) рефлекторно; въ эти моменты мы не являемся ничего не переживающими субъектами, а напротивъ, даже весьма возбужденными. Прекрасный случай противникамъ эмоціональной психологіи удостовѣриться въ существованіи эмоцій: вѣдь съ ихъ же точки зрѣнія здѣсь нѣтъ воли, опредѣляющей поступки, но ясно, что для того, чтобы кто-либо курилъ или ѣлъ, кромѣ воспріятій объектовъ—папиросъ, хлѣба и т. п., необходимо еще желаніе покурить или поѣсть, при чемъ

это желаніе, отличное отъ воли, напр., ѣсть безъ аппетита или не ѣсть при аппетитѣ, имѣется на лицо во все время ѣды и постепенно ослабѣваетъ по мѣрѣ удовлетворенія.

Интересно также отмѣтить, что проф. Орженцкій не выдерживаетъ и своей точки зрѣнія и почему-то считаетъ подобныя дѣйствія рефлекторными, а не волевыми, вѣдь въ „познавательныхъ процессахъ (къ каковымъ, несомнѣнно, относится воспріятіе объекта) мы открываемъ элементы волевыхъ явленій", какъ онъ призналъ на стр. 113 своей статьи.

Вполнѣ можно согласиться съ тѣмъ, что движенія животныхъ, лишенныхъ мозга, не опредѣляются никакой мотиваціей, и такъ какъ происходятъ въ зависимости отъ раздраженій, то являются рефлекторными. Но смѣло могу сказать, что и проф. Петражицкій не считаетъ ихъ иными Критикъ лишенъ былъ возможности такъ думать, ибо, по его (правда ошибочному) мнѣнію, эмоціональная психологія учитъ, что рефлексы вызываются эмоціями.

Критику „эмоціональной психологіи" проф. Орженцкій заканчиваетъ указаніемъ на то, что въ ней неправильно различаются цѣлевыя и нецѣлевыя дѣйствія еще и въ томъ смыслѣ, что за ними отрицается цѣлевой характеръ тогда, когда на самомъ дѣлѣ эти дѣйствія лишены лишь индивидуально-самостоятельной цѣли, но не цѣли вообще. „Эта точка зрѣнія", по мнѣнію критика, „не имѣетъ ничего общаго съ психологическимъ анализомъ поведенія". Совершенно вѣрно, а потому вопросъ о цѣлевомъ и нецѣлевомъ поведеніи рѣшается проф. Петражицкимъ только въ зависимости отъ того, имѣется или нѣтъ въ наличномъ сознаніи индивида представленіе будущаго эффекта дѣйствія, и совсѣмъ не затрогиваетъ того, о чемъ говоритъ критикъ: самъ ли индивидъ впервые сочинилъ цѣль и средство къ ней, или онъ осуществляетъ опредѣленныя „объективно-существующія формы и нормы поведенія, выработанныя обществомъ", разъ есть представленіе цѣли, вызывающее эмоцію—поведеніе опредѣляется цѣлевой мотиваціей и, слѣдовательно, относится къ категоріи цѣлевыхъ поступковъ.

На этомъ и заканчивается предпринятая проф. Орженцкимъ попытка показать неудачность реформы, произведенной „эмоціональной психологіей" въ сферѣ теоретическаго изслѣдованія психической жизни. Я не буду говорить, насколько попытка г. Орженцкаго достигаетъ преслѣдуемой имъ цѣли:

пусть всякій самъ убѣдится въ этомъ изъ сдѣланнаго мною обзора его критики.

Обратимся теперь къ временно оставленному 2-му тезису г. Сиринова, гласящему: „Совершенно невѣрно утвержденіе Петражицкаго, что будто бы безъ предложенной имъ реформы психологіи, преодолѣніе гедонизма невозможно".

Возможность такого преодолѣнія г. Сириновъ обосновываетъ слѣдующимъ образомъ: „Цѣлый рядъ психологовъ опредѣленно выяснили, что гедонистическія утвержденія обусловлены недостаточностью психическаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ, то, что носитъ названіе чувства удовольствія или неудовольствія имѣетъ смѣшанный характеръ Въ этихъ переживаніяхъ необходимо различать два момента: во-первыхъ, самое ощущеніе, какъ содержаніе чувства, напр., всѣ тѣ моменты, которые обусловливаютъ зубную боль,— и, во-вторыхъ, наши отношенія къ ощущенію: чувство удовольствія или неудовольствія, которое оно въ насъ возбуждаетъ" (стр. 113). „Цѣль воли есть не удовольствіе, но осуществленіе возбужденія, окрашеннаго чувствомъ удовольствія и именно ради самого возбужденія, а не ради чувства удовольствія. Напр., при желаніи отвѣдать фруктовъ, воля направлена на осуществленіе возбужденій, ощущеній, получаемыхъ отъ ѣды, а не на удовольствіе, которое лишь сопровождаетъ такія ощущенія... самое удовлетвореніе есть результатъ не чувства удовольствія, а слѣдствіе осуществленія опредѣленной цѣли. Отсюда слѣдуетъ, что сознаніе удовлетворенія можетъ и не сопровождаться чувствомъ удовольствія (стр. 116)... Чувство же удовольствія или неудовольствія лишь выражаетъ значеніе даннаго возбужденія для благосостоянія субъекта. Если это вѣрно, тогда наличность чистой воли.... является вполнѣ доказанной. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и теоріи гедонизма, и является ненужной и попытка Петражицкаго изобрѣсти „четвертый элементъ" (стр. 117).

Если многое въ этихъ данныхъ и вѣрно, то самое главное, имѣющее опровергающее для ученія объ эмоціяхъ значеніе, не вѣрно, именно, что въ указываемыхъ случаяхъ, напр., въ случаяхъ желанія отвѣдать фруктовъ, роль психическаго фактора, опредѣляющаго насъ къ дѣйствію, играетъ воля, рѣшимость (въ данномъ случаѣ отвѣдать фруктовъ), а не эмоція, т. е. своеобразное претерпѣваніе-позывъ (какъ это будетъ съ точки зрѣнія проф. Петражиц-

каго), въ чемъ можно убѣдиться посредствомъ самонаблюденія, сравнивъ, напр., указанное желаніе отвѣдать фруктовъ съ другимъ желаніемъ—рѣшимостью—ихъ не трогать въ виду холернаго времени. Первое желаніе, какъ указываетъ самонаблюденіе, ничуть не похоже на второе. Первое—эмоція, аппетитивное влеченіе, второе—воля.

Но и помимо этого позволительно спросить: развѣ ученіе объ эмоціяхъ стремится только преодолѣть гедонизмъ и роль „изобрѣтеннаго", какъ выражается не безъ иронiи критикъ, четвертаго элемента сводится къ замѣнѣ чувства или представленія чувства, какъ опредѣлителей воли? Такое пониманіе смысла и роли эмоцій глубоко ошибочно: вопросъ о мотивахъ поведенія, каковыми являются именно эмоціи, шире вопроса о мотивахъ воли: „эмоціи обыкновенно вызываютъ соотвѣтственныя дѣйствія непосредственно, безъ посредства воли" (Введеніе, 157) и иногда даже внѣ связи съ иными психическими переживаніями (чисто эмоціональная мотивація) Если гедонизмъ не объясняетъ намъ простѣйшихъ мотивацiонныхъ процессовъ, то интеллектуализмъ, защитникомъ котораго выступаетъ г. Сириновъ, и подавно не въ силахъ этого сдѣлать. Неужели и protozoa побуждаются къ своимъ движеніямъ актами „чистой воли"? Эмоціональная психологія даетъ болѣе правдоподобный отвѣтъ на послѣдній вопросъ, какъ и на безчисленное множество иныхъ вопросовъ.

Въ заключеніе обзора критики эмоціональной психологіи необходимо разсмотрѣть тѣ поправки, которыя желательно внести въ ученіе о мотивацiи, по мнѣнію проф. Рейснера, вообще признающаго ученія эмоціональной психологіи правильными.

Этотъ авторъ въ книгѣ—„Теорія Л. І. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія" высказался о классификацiи интеллектуально-эмоціональныхъ мотивацiонныхъ процессовъ, какъ о недостаточно „полной и систематичной" классификацiи. Думаю, что не лишнимъ будетъ здѣсь хотя бы краткое ея воспроизведеніе.

Къ этой мотивацiи относятся такіе мотивацiонные процессы, въ которыхъ участвуютъ представленія или иные интеллектуальные процессы: воспріятія и т. п., въ качествѣ возбудителей эмоцій, побуждающихъ къ такому или иному поведенію. По различію въ содержаніи интеллектуальныхъ процессовъ эта мотивація дѣлится на четыре вида: 1) цѣлe-

в у ю, гдѣ роль возбудителей эмоціи играютъ представленія достижимыхъ посредствомъ извѣстныхъ дѣйствій или воздержаній эффектовъ; 2) о с н о в н у ю, гдѣ эта роль исполняется представленіями уже случившагося или воспріятіями наличнаго факта или фактовъ, какъ основанія для предпринимаемаго поведенія; 3) о б ъ е к т н у ю, или предметную, гдѣ эмоція возбуждается воспріятіемъ какого-либо предмета и, наконецъ, 4) а к ц і о н н у ю мотивацію, въ которой такую роль выполняютъ самые образы поступковъ, представленія подлежащихъ дѣйствій.

Находя эту классификацію недостаточно полной и систематичной, проф. Рейснеръ спрашиваетъ: „развѣ не можетъ быть цѣлью нашего дѣйствія и при томъ совершенно сознательнаго, цѣлесообразнаго дѣйствія, предметъ, который находится въ наличности? Къ какому классу мотиваціи должно отнести лежащую въ основѣ эмоцію? Есть ли это цѣлевая, основная или предметная? О с н о в о й нашего представленія здѣсь является наличный предметъ, которымъ мы желаемъ овладѣть. Для того, чтобы овладѣть имъ, мы строимъ цѣлую систему цѣлесообразно-координированныхъ дѣйствій. Такъ основная мотивація превращается въ цѣлевую, а наличный объектъ становится цѣлью. Гдѣ здѣсь кончается объектная мотивація, гдѣ начинается цѣлевая?“ (стр. 59).

Если бы авторъ этого вопроса не ошибался на счетъ понятія ц ѣ л и въ ученіи проф. Петражицкаго о цѣлевой мотиваціи и роли объектныхъ представленій въ упоминаемыхъ имъ трехъ мотиваціяхъ, то ему не пришлось бы и поставить вопроса о границахъ между ними: она совершенно ясна и опредѣленна.

Воспріятіе (или представленіе) предмета, объекта бываетъ и въ цѣлевой, и въ основной, и въ предметной мотиваціяхъ, но тогда какъ въ послѣдней оно вызываетъ въ психикѣ воспринимающаго индивида эмоціи по адресу этого объекта, въ первыхъ оно такой (активной) роли не играетъ: въ основной мотиваціи эмоція вызывается представленіемъ случившагося или воспріятіемъ наличнаго (но не предмета, а) факта, какъ основанія для предпринимаемаго поведенія, въ цѣлевой—представленіемъ будущаго (но не предмета, а) эффекта, результата поведенія. Воспріятіе же (или представленіе) объекта, предмета въ двухъ послѣднихъ случаяхъ играетъ иную роль, напр., служитъ оріентировкѣ въ окру

жающей средѣ и т. п. Примѣръ проф. Рейснера, гдѣ строится цѣлая система цѣлесообразно-координированныхъ дѣйствій для того, чтобы овладѣть наличнымъ предметомъ, относится съ этой точки зрѣнія несомнѣнно къ цѣлевой мотиваціи, но цѣлью является отнюдь не самъ наличный предметъ, а представляемое завладѣніе, какъ возможный эффектъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Роль возбудителя эмоціи играетъ здѣсь представленіе завладѣнія, а не воспріятіе предмета. Послѣднее на ряду съ отсутствіемъ представленія эффекта поведенія бываетъ при предметной мотиваціи. Развѣ можно въ примѣрѣ проф. Рейснера усмотрѣть основную мотивацію изъ-за того лишь, что „основой нашего представленія является наличный предметъ, которымъ мы желаемъ овладѣть": одного вѣдь созвучія словъ недостаточно! Для наличности основной мотиваціи необходимо, чтобы эмоція была вызвана представленіемъ случившагося или воспріятіемъ наличнаго факта, представленіе же (или воспріятіе) наличнаго предмета при этой мотиваціи служитъ лишь ориентировкѣ въ окружающей средѣ. Критикомъ не понята роль предметныхъ представленій и воспріятій въ этихъ трехъ мотиваціяхъ, какъ и вопросъ о факторахъ, вызывающихъ въ нихъ эмоціи, и въ связи съ этимъ понятіе цѣли, подъ которою онъ разумѣетъ „будущія подлежащія осуществленію дѣйствія". На самомъ дѣлѣ эти дѣйствія лишь средство къ цѣли, цѣлью же является представляющійся достижимымъ въ будущемъ эффектъ этихъ дѣйствій

Однако, критикъ идетъ еще дальше, онъ говоритъ: „при построеніи системы своихъ дѣйствій я необходимо буду исходить изъ представленія образа ихъ совершенія— особенно, если дѣло идетъ о предпріятіи среди и при помощи людей, и такимъ образомъ моя мотивація принимаетъ элементъ „акціонный", а въ мое представленіе входитъ новый мотивъ, который подчасъ оказывается настолько сильнымъ, что можетъ совершенно пресѣчь дѣйствія всѣхъ моихъ предметныхъ, основныхъ и цѣлевыхъ эмоцій, связавшихся въ нераздѣлимый клубокъ" (стр. 60).

На это замѣчаніе слѣдуетъ отвѣтить: совершенно вѣрно, что при выполненіи болѣе или менѣе сложныхъ жизненныхъ задачъ различные виды мотиваціи (и не только тѣ, о которыхъ упоминаетъ проф. Рейснеръ) смѣняютъ

другъ друга, дѣйствуютъ, взаимно подкрѣпляя другъ друга и переплетаясь между собою, поскольку этому не препятствуетъ свойство нашего сознанія, именуемое „узостью“ его, наконецъ, одна мотивація — сильнѣйшая — можетъ совершенно устранить другія; но всѣ эти факты не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ изображеніемъ мотиваціонныхъ процессовъ и классификаціей ихъ, которыя предложены проф. Петражицкимъ.

Но критикъ думаетъ иначе и взамѣнъ классификаціи проф. Петражицкаго строитъ свою собственную, которая насчитываетъ три вида мотиваціи: 1) оцѣночную, куда войдутъ цѣлевая, акціонная и частью основная мотиваціи проф. Петражицкаго; 2) сигнальную, въ которой „мотивы, двигающіе и возбуждающіе дѣйствіе въ силу оцѣнки, смѣняются другими мотивами—символа, знака, сигнала и т. п.“, и 3) предметную, къ которой, по словамъ ея автора, можно „смѣло присоединить и мотивы, вызываемые представленіемъ своего или чужого дѣйствія или иного явленія“ (стр. 61).

По справедливости говоря, предложенная проф. Рейснеромъ классификація интеллектуально-эмоціональныхъ мотиваціонныхъ процессовъ страдаетъ многими существенными недостатками, лишающими ее способности быть замѣстительницей соотвѣтственной классификаціи проф. Петражицкаго, если бы даже послѣднюю признать дѣйствительно „недостаточно полной и систематичной“.

Недостатки ея заключаются въ слѣдующемъ: во 1-ыхъ, въ ней неясно fundamentum divisionis, во 2-ыхъ, рѣшительно невозможно понять, что за феномены дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ въ сигнальной мотиваціи: символъ, знакъ, сигналъ. Что это—особый видъ эмоцій? Вѣдь истинными мотивами поведенія въ „эмоціональной психологіи“, на почвѣ которой и проф. Рейснеръ строитъ свою классификацію, являются эмоціи; однако, символъ, знакъ, сигналъ не только не эмоціи, но и вообще не психическія явленія; въ 3-ьихъ, предметная мотивація критика, которая, судя по всему, должна быть тождественной съ предметной мотиваціей проф. Петражицкаго, далеко не тождественна съ нею и заключаетъ въ себѣ совершенно разнородныя вещи: истинную предметную мотивацію плюсъ акціонную, и въ концѣ концовъ, страдаетъ дефектами сразу въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, объединяетъ разнородное въ одну рубрику и, во-

вторыхъ, одинъ изъ ея членовъ (акціонная мотивація) въ то же время входитъ на правахъ члена въ другую рубрику— оцѣночную мотивацію. Все это противорѣчитъ основнымъ ученіямъ логики о „divisio".

Интересно отмѣтить еще одинъ моментъ въ критикѣ проф. Рейснера. Какъ извѣстно, свое ученіе о мотивахъ поведенія проф. Петражицкій охарактеризовалъ въ отличіе отъ господствующаго ученія эволюціоннымъ. Критикъ же находитъ, что „не различая въ видовомъ отношеніи оцѣночной мотивацiи отъ символической и предметной, Петражицкій лишается вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго критерія для классификаціи мотивовъ съ эволюціонной точки зрѣнія. А между тѣмъ нельзя не признать, что именно такой критерій необходимъ для надлежащаго пониманія перехода отъ предметной или животной мотивацiи къ символу,— который уже въ значительно большей степени присущъ человѣку, чѣмъ животному, и характеризуетъ психологію рабскаго общества,—а отъ этого послѣдняго къ высшей ступени культуры и цивилизаціи, когда на первый планъ выступаютъ въ повышающейся прогрессіи нравственныя эмоціи высшихъ областей сознанія" (стр. 62).

Предположимъ, что классификація проф. Рейснера даетъ искомый критерій, но если бы онъ вспомнилъ о тѣхъ мотивацiонныхъ процессахъ (чисто эмоціональной и чувственно-эмоціональной мотивацiяхъ), въ связь съ которыми онъ не поставилъ своей „оцѣночной" и „сигнальной" мотивацій, то было бы ясно, что классификація проф. Петражицкаго объясняетъ еще болѣе длинный эволюціонный рядъ, начиная съ мотивацiи простѣйшихъ животныхъ организмовъ (protozoa).

Наконецъ, еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ „спеціально символическая или сигнальная эмоція объяснила бы Петражицкому мистическій характеръ нравственныхъ фантазмъ" (стр. 62), если нравственность (какъ и право) относится не къ сигнальной, а къ акціонной мотивацiи, входящей съ точки зрѣнія критика въ оцѣночную и предметную мотивацiи.

Обобщая, приходится признать, что и критика проф. Рейснера не исходитъ изъ достаточно точнаго и безошибочнаго представленія о критикуемыхъ имъ ученіяхъ. Весьма симптоматическую неточность можно видѣть въ слѣдующей передачѣ дѣленія эмоцій на спеціальныя и бланкетныя:

„(проф. Петражицкій) различаетъ отъ эмоцій, имѣющихъ опредѣленное и спеціальное содержаніе, другія, въ которыхъ характеръ и направленіе нашего поведенія опредѣляется содержаніемъ связаннаго съ эмоціей представленія“ (стр. 56). Въ дѣйствительности не эмоціи имѣютъ „опредѣленное и спеціальное содержаніе“, а ихъ акціи. Или немного ниже (на стр. 57): „возможно, какъ это дѣлаетъ Петражицкій. установить и соотвѣтственные классы нормативныхъ переживаній. Этихъ классовъ Петражицкій насчитываетъ три: эстетическихъ, этическихъ (моральныхъ и правовыхъ) и интеллектуальныхъ переживаній“... Если же заглянуть въ сочиненія проф. Петражицкаго, то тамъ „интеллектуальныя“ переживанія на ряду съ особыми эмоціями лишь элементъ, часть нормативныхъ переживаній, а не особый ихъ классъ, но зато есть логическія нормативныя переживанія.

Если теперь, заканчивая разсмотрѣніе критики психологическихъ основъ новой теоріи права и нравственности мы зададимъ себѣ вопросъ, поколебленъ ли хоть одинъ кирпичъ въ воздвигнутомъ проф. Петражицкимъ стройномъ и высоко научномъ зданіи „эмоціональной психологіи“, то на него едва ли можно дать два различные отвѣта. Эмоціональная психологія осталась цѣла и невредима. Здѣсь же слѣдуетъ подчеркнуть, что она должна быть положена въ основу будущихъ психологическихъ изысканій, иначе психологи будутъ и дальше блуждать впотьмахъ и безъ пользы для прогресса психологической науки растрачивать свои силы. Эволюціонная точка зрѣнія, которой проникнуты изслѣдованія проф. Петражицкаго, дѣлаетъ его ученія особенно цѣнными для „психологіи животныхъ“, которая въ традиціонномъ ея видѣ по большей части имѣетъ мало научный характеръ, благодаря господствующему здѣсь антропоморфизму.

Эмоціональная психологія должна быть, по справедливому указанію ея автора, исходнымъ пунктомъ и для наукъ о правѣ, государствѣ, нравственности, хозяйствѣ и т. д. Однако, необходимымъ условіемъ успѣшности въ дѣлѣ будущаго научнаго творчества является прежде всего болѣе серіозное и внимательное къ ней отношеніе, чѣмъ то, которое пока приходится констатировать. Исторія другихъ наукъ даетъ намъ утѣшительный матеріалъ въ этомъ отношеніи: она показываетъ, что истинно великія ученія въ

концѣ концовъ выходятъ побѣдителями и занимаютъ подобающее имъ мѣсто въ наукѣ.

III.

Обзоръ критики основныхъ положеній психологической теоріи права и нравственности.

1. О сферѣ бываніи правовыхъ и нравственныхъ явленій.

Проблема о существѣ права и нравственности рѣшается проф. Петражицкимъ на почвѣ ученія о мотиваціонныхъ процессахъ. Какъ уже упоминалось, „эмоціональная психологія“ знаетъ три типа мотиваціи: чисто-эмоціональную, чувственно-эмоціональную и интеллектуально-эмоціональную. Изъ видовъ послѣдней надо отмѣтить акціонную, или самодовлѣющую мотиваціо, въ которой „роль познавательныхъ процессовъ, возбуждающихъ эмоціональные процессы, побуждающіе къ разнымъ положительнымъ и отрицательнымъ дѣйствіямъ (воздержаніямъ), играютъ самые образы поступковъ, представленія подлежащихъ дѣйствій“, такъ называемыя акціонныя представленія.

„Существованіе и дѣйствіе въ нашей психикѣ непосредственныхъ сочетаній акціонныхъ представленій и отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, репульсивныхъ или аппульсивныхъ эмоцій проявляется, между прочимъ, въ формѣ сужденій, отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, не какъ средство для извѣстной цѣли, а само по себѣ, напр., „ложь постыдна“, „не слѣдуетъ лгать“, „слѣдуетъ говорить правду“ и т. п. (Петражицкій, Теорія, т. I, стр. 20). Эти сужденія авторъ называетъ принципіальными практическими (т. е. опредѣляющими поведеніе), или нормативными сужденіями. Они противополагаются съ одной стороны (по родовому признаку) теоретическимъ сужденіямъ, которыя не опредѣляютъ поведенія, а утверждаютъ (или отрицаютъ) наличность какого-либо объективнаго бываніи, съ другой стороны (по видовому признаку)—практическимъ, но не принципіальнымъ, а телеологическимъ, или цѣлевымъ сужденіямъ.

По различію эмоціональнаго элемента нормативныя переживанія дѣлятся на эстетическія и этическія.

Первыя квалифицируютъ извѣстное поведеніе, какъ красивое или некрасивое, гадкое, безобразное; вторыя—какъ должное, обязательное.

Очень важно отмѣтить, то обстоятельство, что эмоціи нормативныхъ переживаній относятся къ разряду бланкетныхъ, или абстрактныхъ, т. е. не предопредѣляющихъ не только частностей, но даже и общаго характера и направленія акцій, и могущихъ служить побужденіемъ къ любому поведенію. Они противополагаются въ этомъ отношеніи спеціальнымъ эмоціямъ (напр., голода, жажды), которыя „имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально природою пріуроченное поведеніе, вообще опредѣленныя системы физіологическихъ и психическихъ процессовъ“ (Теорія, т. I, 7).

Эстетическія эмоціи переживаются не только въ связи съ акціонными представленіями, но также въ связи съ представленіями (и воспріятіями) разныхъ другихъ явленій и предметовъ.

Эмоціи, входящія въ составъ этическихъ переживаній, отличаются слѣдующими характерными свойствами: 1) онѣ имѣютъ „своеобразный мистическо-авторитетный характеръ“, сознаются исходящими „какъ бы изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго я, таинственнаго источника“, во 2) „переживаются какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго облюбованія, выбора и слѣдованія нашимъ склонностямъ, влеченіямъ и цѣлямъ и какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются соотвѣтствующія эмоціи“ (Теорія, т. I, 34 и 35).

Подъ вліяніемъ моторныхъ раздраженій (эмоцій) представляются существующими во внѣшнемъ мірѣ разные, тамъ не существующіе, объекты, предметы, ихъ свойства, положенія и состоянія, процессы и т. д., напр., въ области эстетическихъ и этическихъ переживаній имѣются представленія какого-то требованія, добыванія отъ субъекта извѣстнаго поведенія или недопущенія, откуда-то исходящаго отверганія ихъ, или представленія обязанности, права, нормы, красоты, какъ чего-то внѣ насъ существующаго. Все это эмоціональныя фантазмы, продукты эмоціональной проекціи. Въ мірѣ реальнаго имъ ничего не соотвѣтствуетъ. „Реально существуютъ только переживанія этическихъ

моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія, напр., лжи и т. п., и нѣкоторыми иными представленіями, представленіями тѣхъ субъектовъ, о поведеніи коихъ идетъ рѣчь, и т. д" (Теорія, т. I, 42). Благодаря отсутствію въ психологической наукѣ ученія объ эмоціяхъ и ихъ производныхъ—эмоціональныхъ фантазмахъ, а также тому, что „вообще человѣческія склонности и привычки представленія и мышленія въ этической области, а равно привычки называнія, имена, и вообще складъ человѣческой рѣчи покоятся на проекціонной точкѣ зрѣнія, упорно исходятъ изъ реальнаго существованія проекцій этическихъ моторныхъ раздраженій" (тамъ же, стр. 43)—юристы, моралисты и т. д. также стоятъ на проекціонной точкѣ зрѣнія: фантазмы принимаютъ за реальныя бывания во внѣшнемъ мірѣ и на этой почвѣ строятъ свои ученія о правѣ, нравственности и эстетическихъ явленіяхъ. Къ тому же юристы, исходя изъ профессіональныхъ привычекъ называнія, искусственно сужаютъ область своего изслѣдованія.

Минимальный составъ этическихъ переживаній: акціонное представленіе, т. е. представленіе такого или иного внѣшняго или внутренняго (напр., мыслей) поведенія (объектныя представленія) + этическое аппульсивное или репульсивное моторное раздраженіе. Но въ составъ этихъ переживаній часто входятъ еще другіе познавательные элементы, именно: 1) представленія релевантныхъ фактовъ, т. е условій обязательности извѣстнаго поведенія, по наличности или отсутствію которыхъ этическія переживанія, сужденія, убѣжденія, обязанности, нормы дѣлятся на гипотетическія и категорическія; 2) представленія нормоустановительныхъ, или нормативныхъ фактовъ, т. е. внѣшнихъ авторитетовъ (напр, обычая, закона), предписывающихъ извѣстное поведеніе; по наличности или отсутствію ихъ этическія переживанія, сужденія и т. д. дѣлятся на позитивныя и интуитивныя; 3) представленія субъектовъ долга, обязанности.

Среди эмоціональныхъ переживаній разныхъ родовъ можно различать, съ одной стороны, такія, которыя представляются нашему сознанію, какъ внутри насъ по адресу чего-либо дѣйствующіе или отъ насъ исходящіе моторные процессы—„внутреннія" или „исходящія" импульсіи, съ др. стороны такія, которыя представляются нашему сознанію,

какъ извнѣ исходящіе и на насъ воздѣйствующіе моторные процессы—„внѣшнія“ или „приходящія“ импульсіи“ (Теорія, т. I, 67).

То же самое наблюдается и въ этическихъ переживаніяхъ: одни изъ нихъ имѣютъ въ своей основѣ „внѣшнія“, другія „внутреннія“ этическія эмоціи. Указанное различіе служитъ психологическимъ корнемъ двухъ разновидностей этическихъ эмоцій и соотвѣтственно двухъ видовъ этическихъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній и ихъ проекцій: обязанностей и нормъ. Эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія перваго рода образуютъ п р а в о, ихъ проекціи—п р а в о в ы я обязанности и нормы; сочетанія второго рода—н р а в с т в е н н о с т ь, ихъ проекціи—н р а в с т в е н н ы я обязанности и нормы. „Нашъ долгъ въ случаяхъ перваго рода представляется связанностью по отношенію къ другому, онъ закрѣпленъ за нимъ, какъ его добро, какъ принадлежащій ему, заработанный или иначе пріобрѣтенный имъ активъ. Въ случаяхъ второго рода нашъ долгъ не заключаетъ въ себѣ связанности по отношенію къ другимъ, представляется по отношенію къ нимъ свободнымъ, за ними не закрѣпленнымъ“ (Теорія, т. I, 50). Нравственность только обязываетъ—чисто императивныя переживанія, право не только обязываетъ, но и надѣляетъ другого — императивно-аттрибутивныя переживанія. Правовыя и нравственныя явленія другъ отъ друга и отъ другихъ явленій отличаются, значитъ, по характеру субъективныхъ переживаній, а не по какимъ-либо инымъ обстоятельствамъ (стр. 51). Въ правовыхъ переживаніяхъ, въ отличіе отъ нравственныхъ, кромѣ представленій объектовъ и субъектовъ обязанностей содержатся представленія объектовъ и субъектовъ правъ. Однако, послѣднія представленія наряду съ другими интеллектуальными элементами этическихъ переживаній, за исключеніемъ представленій объектовъ обязанности, могутъ и отсутствовать въ конкретныхъ этическихъ переживаніяхъ, почему единственное, постоянное и коренное различіе между правомъ и нравственностью состоитъ въ характерѣ эмоцій.

Установивъ, такимъ образомъ, понятіе права и нравственности, какъ двухъ вѣтвей этики, проф. Петражицкій сообразно съ своими методологическими требованіями старается обосновать научную цѣнность этихъ понятій приведеніемъ цѣлаго ряда характерныхъ свойствъ и тенденцій того

и другого. Ихъ придется коснуться ниже, а потому здѣсь можно и не излагать ихъ содержанія. Слѣдуетъ лишь подчеркнуть, что почти всѣ критики не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, какое громадное значеніе имѣетъ выясненіе всѣхъ этихъ свойствъ и тенденцій въ построеніяхъ „психологической теоріи", и что, не опровергнувъ ихъ правильность, нельзя опровергнуть и дѣленія этики на право и нравственность по указанному проф. Петражицкимъ признаку.

Изъ психологической точки зрѣнія на право неизбѣжно вытекаетъ, что для наличности правового явленія „не имѣетъ никакого значенія не только признаніе и покровительство со стороны государства, но и какое бы то ни было признаніе со стороны кого бы то ни было Съ точки зрѣнія этого понятія и тѣ безчисленныя императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, которыя имѣются въ психикѣ лишь одного индивида и никому другому въ мірѣ не извѣстны, а равно всѣ тѣ, тоже безчисленныя, переживанія этого рода, сужденія и т. д., которыя, сдѣлавшись извѣстными другимъ, встрѣчаютъ съ ихъ стороны несогласіе, оспариваніе, или даже возмущеніе, негодованіе, не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны согласія и признанія, отъ этого отнюдь не перестаютъ быть правомъ, правовыми сужденіями и т. д." (Теорія, т. I, 105). То же относится и къ нравственности.

Обращаясь къ критикѣ, мы прежде всего наталкиваемся на несогласіе съ только-что упомянутымъ положеніемъ о томъ, что существованіе права только въ психикѣ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаетъ изъ психологической точки зрѣнія на природу этого явленія.

„Послѣднее положеніе, говоритъ проф. Орженцкій, безспорно, ошибочно; психическая точка зрѣнія на общественныя явленія вовсе не должна съ логической необходимостью вести къ отрицанію общественнаго характера явленій права, хозяйства, языка и т. п. и превращать ихъ въ чисто индивидуальные процессы психики" (стр. 130). А по мнѣнію проф. Хвостова, авторъ психологической теоріи даже и не ставитъ себѣ вопроса—„точно ли общественная жизнь представляетъ изъ себя простую сумму отдѣльныхъ индивидуальныхъ переживаній, или въ ней есть еще нѣкоторый остатокъ. въ этихъ переживаніяхъ нерастворимый, ими неисчерпываемый? Не претерпѣваетъ ли сама индивидуальная психика какихъ-либо измѣненій, когда индивиду при-

ходится дѣйствовать въ обществѣ себѣ подобныхъ, и не подлежатъ ли эти измѣненія дѣйствію особыхъ законовъ, которые могутъ быть названы только законами соціальной психологіи, психологіи массъ?“ („Этюды по современной этикѣ“, стр. 195). Вмѣсто этого проф. Петражицкій совершенно бездоказательно, по мнѣнію критика, утверждаетъ, что всякое психическое явленіе происходитъ лишь въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и природа его не измѣняется отъ того. происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо между индивидами, надъ ними, въ психикѣ другихъ индивидовъ или нѣтъ, существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ и проч. Такое воззрѣніе критикомъ отвергается, какъ не могущее объяснить возникновеніе такихъ явленій, какъ право, языкъ и т. п., ибо послѣднія не могутъ возникнуть у изолированнаго человѣка, внѣ общества. Психологія толпы также остается безъ объясненія (стр. 196, 197).

Проф. Паліенко, повидимому, согласенъ съ оспариваемымъ Орженцкимъ и Хвостовымъ положеніемъ, что исключительно индивидуальная природа правовыхъ явленій неизбѣжно вытекаетъ изъ психологической точки зрѣнія на право, но „вообще выясненіе психологической природы права путемъ изученія исключительно индивидуальныхъ переживаній и психическихъ свойствъ, процессовъ индивидуальной психики, внѣ соціальныхъ условій и вліяній, опредѣляющихъ характеръ этихъ переживаній и содержаніе ихъ у индивидовъ, какъ членовъ общенія“, представляется ему „спекулятивной попыткой разрѣшить всесторонне проблему права“ („Ученіе о существѣ права“, стр. 224, 225).

Изложенныя соображенія критиковъ покоятся на двухъ существенныхъ недоразумѣніяхъ: 1) на смѣшеніи вопроса о природѣ, существѣ права съ вопросомъ объ условіяхъ его возникновенія, развитія и т. п.; 2) ни на чемъ не основанной метафизической вѣрѣ въ существованіе какой-то особой по существу „соціальной психики“, отличной отъ психики „индивидуальной“.

При рѣшеніи вопроса о возникновеніи права, нравственности и т. п., ихъ развитіи, измѣненіяхъ въ содержаніи обязательнаго по праву или нравственнымъ предписаніямъ поведенія и тому подобныхъ вопросовъ, невозможно было бы игнорировать общества, соціальной среды. и проф. Петражицкій не только не игнорируетъ ихъ, но особенностью его теоріи какъ разъ является изученіе права, какъ

фактора и продукта соціально-психической жизни; онъ говоритъ даже, вопреки утвержденію проф. Хвостова, о законахъ массовой психологіи, — о процессахъ аналогичныхъ борьбѣ за существованіе и естественному подбору, которые онъ называетъ „эмоціональнымъ подборомъ“ (Теорія, т. II, 758).

Утвержденіе критиковъ, что право и сродныя съ нимъ явленія, по воззрѣнію автора психологической теоріи, могутъ возникнуть у изолированнаго человѣка, внѣ общества, основано на совершенно произвольномъ и неосновательномъ толкованіи соотвѣтственнаго мѣста „Теоріи“: проф. Петражицкій говоритъ лишь, что „и такія императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, нормы и т. д., которыя имѣлись бы у индивида, находящагося внѣ всякаго общенія съ другими людьми... вполнѣ подходили бы подъ установленное понятіе права; точно также какъ радости, печали, мысли такого человѣка не переставали бы быть радостями, печалями, мыслями вслѣдствіе его одиночества, отсутствія человѣческаго общества“ (т. I, 105), но это еще не значитъ, что право возникаетъ и внѣ общества, у изолированнаго человѣка. Многія психическія переживанія, въ частности право и нравственность, не могутъ возникнуть внѣ общества и въ этомъ смыслѣ, а также въ смыслѣ ихъ массоваго дѣйствія и значенія, они соціальны. Однако, природа ихъ, какъ и всѣхъ психическихъ явленій, индивидуальна, т. к. психическія явленія существуютъ не гдѣ-то надъ, подъ или между людьми (въ пространствѣ), а внутри людей, въ ихъ душахъ, а таковыми обладаютъ лишь отдѣльные люди—индивиды. И вотъ при рѣшеніи вопроса о природѣ нрава и нравственности необходимо найти психическіе элементы этихъ явленій, мѣсто нахожденія которыхъ психика индивида. О „соціальной“ же психикѣ можно говорить не въ смыслѣ какой-то особой, самостоятельной психики, а лишь въ смыслѣ взаимодѣйствія и общности содержанія и проявленій индивидуальныхъ психикъ. Для объясненія психологіи толпы, происхожденія языка, права, нравственности и другихъ продуктовъ соціально-психической жизни нѣтъ надобности выдумывать какую-то особую, метафизическую величину—„соціальную“ психику: все это объясняется естественнѣе и научнѣе на почвѣ существованія индивидуальныхъ психикъ и психическаго взаимодѣйствія

и взаимозараженія. Отсюда слѣдуетъ, что психика и ея продукты съ теченіемъ времени претерпѣваютъ измѣненія, напр., измѣняется языкъ, содержаніе субъектныхъ и объектныхъ представленій правовыхъ и нравственныхъ переживаній— что̀ въ одно время признавалось обязательнымъ, въ другое время уже не имѣетъ обязательнаго характера и т. д. Но эти, такъ сказать, матеріальныя измѣненія, не суть измѣненія природы психическихъ явленій; послѣдняя совершенно не зависитъ отъ того, что̀ происходитъ въ психикѣ другихъ индивидовъ, и существуютъ ли они вообще, въ частности радость остается радостью, чувство чисто пассивнымъ переживаніемъ, эмоціи — активно-пассивными, право на всѣхъ ступеняхъ культуры слагается изъ эмоцій и представленій всегда равныхъ самимъ себѣ въ формально-психологическомъ смыслѣ.

Итакъ, право и нравственность—явленія индивидуальной психики, но соціальны по происхожденію. Природа ихъ раскрывается анализомъ психики индивида, изученіе происхожденія и законовъ развитія и дѣйствія ихъ требуетъ изученія соціальныхъ условій ихъ существованія.

Интересно отмѣтить, что проф. Орженцкій, исходя изъ собственнаго (метафизическаго) понятія „соціальнаго“ находитъ противорѣчіе, въ которое, по его словамъ, впадаетъ проф. Петражицкій при анализѣ права собственности, но котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Такъ, онъ говоритъ: „хотя право собственности есть явленіе, существующее только въ психикѣ того, кто приписываетъ себѣ или другому это право, тѣмъ не менѣе оно устанавливаетъ „соціальную принадлежность“ (т. е. принадлежность во мнѣніи „общества“ а не индивида!) хозяйственныхъ благъ индивидамъ и коллективнымъ группамъ. Это существованіе „мнѣнія общества“ есть нѣчто прямо противоположное утвержденію, будто наличность другихъ индивидовъ является обстоятельствомъ случайнымъ для права“ (стр. 130).

Если принять во вниманіе, что „соціальная принадлежность“ (т. е. принадлежность во мнѣніи общества) означаетъ только, что право собственности приписывается индивидамъ и коллективнымъ группамъ со стороны не одного, двухъ, а многихъ, указываетъ на распространенность явленія, и что, съ другой стороны, для наличности права собственности (въ реально-психологическомъ смыслѣ) доста-

точно, какъ и для наличности всякаго права, соотвѣтственнаго переживанія всего лишь одного индивида, то найденное критикомъ противорѣчіе лопнетъ, какъ мыльный пузырь.

Иной характеръ сравнительно съ только-что разобранными носятъ недоумѣнія г. Савальскаго о сферѣ бываніе правовыхъ явленій.

„Опредѣленіе мѣста нахожденія правового явленія не представляется намъ вполнѣ точно формулированнымъ въ психологической теоріи права", говоритъ критикъ: „Необходима ли наличность психическаго процесса взаимодѣйствія (въ формѣ переживанія об-в-язанности на одной сторонѣ и права на другой), между двумя субъектами А и В, или совершенно достаточно, если нѣкто третій С думаетъ, что А обязанъ, а В имѣетъ право. При внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, реальность правового явленія въ первомъ случаѣ и реальность правового явленія во второмъ случаѣ не одно и то же. Это легко видѣть на ученіи о субъектахъ права Если реальность правового явленія предполагаетъ психическій процессъ взаимодѣйствія. между А и В, то трудно доказать положеніе психологической теоріи о томъ, что не только люди, но и сверхъестественныя существа суть участники правового общенія (субъекты права), т. к. нужно тогда доказать, что между А и чортомъ, вѣдьмой, священной рощей и проч. есть, имѣетъ мѣсто психическій процессъ взаимодѣйствія. Но если реальность правового явленія констатируется въ головѣ С, который думаетъ, что А об-в-язанъ, а чортъ имѣетъ право, то задача рѣшается легко. Однако, только повидимому. Тогда возникаетъ для психологической теоріи права другая трудность: какъ понять правовое явленіе какъ отношеніе двусторонней связанности? Откуда эта другая сторона? Этотъ третій С долженъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ постулировать двѣ стороны: А и В, между которыми опять-таки необходима связь психическаго взаимодѣйствія, иначе правовое явленіе растворится въ иллюзію, т. е. нѣкто С будетъ представлять себѣ наличность правовыхъ явленій и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ: между вещами и людьми, между вещами, животными, людьми и сверхъестественными существами. Но какое доказательство возможно здѣсь кромѣ того, что ему такъ кажется. И какъ доказать, что психическимъ переживаніямъ С присуща реальность не только психическая (субъективная), но и объективная, какъ до-

казать, что, говоря словами Канта, 100 талеровъ въ умѣ и 100 талеровъ не только въ умѣ, но и въ карманѣ, одно и то же. Если же этого доказательства не представить, то выходитъ, что если этотъ С переселился на необитаемый островъ, и сталъ представлять въ себѣ правовыя явленія, то тѣмъ самымъ мы имѣемъ правовую реальность: право, государство, законы, суды и проч.“ (стр. 290, 291, примѣчаніе).

Совершенно неосновательно автору указанныхъ сейчасъ разсужденій опредѣленіе „мѣста нахожденія правового явленія“ кажется не вполнѣ точно формулированнымъ въ психологической теоріи. Оно совершенно ясно указано въ цитируемомъ имъ на стр. 287 его книги примѣрѣ проф. Петражицкаго, выясняющемъ, что „правовое явленіе имѣется... въ психикѣ того третьяго человѣка С, который полагаетъ, что А обязанъ къ уплатѣ, В имѣетъ право получить...“ Никакого взаимодѣйствія психикъ, тѣмъ болѣе несуществующихъ (напр, чорта, священной рощи), для наличности правового явленія не требуется и доказывать поэтому наличность такого взаимодѣйствія между ними не приходится При рѣшеніи вопроса въ томъ смыслѣ, что для наличности права необходимо и достаточно соотвѣтственныхъ переживаній одного какого-либо лица (С), двусторонняя связанность есть лишь представленіе этого лица объ отношеніи между (можетъ-быть, несуществующими) лицами А и В или имъ С и другимъ—А, В и т. д., объ отношеніи, состоящемъ въ правѣ одного и соотвѣтственной обязанности другого, при чемъ нѣтъ никакого растворенія правового явленія въ иллюзію. Мнѣніе г. Савальскаго объ иллюзорности правового явленія въ данномъ случаѣ покоится на смѣшеніи понятія права въ реально-психологическомъ смыслѣ съ понятіемъ права въ проекціонномъ смыслѣ Если нѣкто С будетъ представлять наличность правовыхъ явленій тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, напр., между вещами и людьми и т. п., то съ точки зрѣнія психологической теоріи и не надо доказывать, что они тамъ есть; ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ даже и тамъ, гдѣ они кажутся критику несомнѣнно существующими, напр., между людьми. Тѣмъ правамъ и обязанностямъ, о которыхъ думаетъ С, всегда и во всѣхъ случаяхъ во внѣшнемъ мірѣ ничего не соотвѣтствуетъ, они суть эмоціональныя фантазмы, продукты переживаемыхъ этимъ С эмоцій особаго рода, которыя

(эмоціи) вмѣстѣ съ представленіями субъектовъ, надѣляемыхъ правомъ и обязанностью, поведенія, требуемаго отъ обязаннаго, и нѣкоторыми другими представленіями и суть правовое явленіе въ реально-психологическомъ смыслѣ. Такія эмоціи и представленія реальны, какъ явленія духа, и на вопросъ, какъ доказать, что имъ присуща еще реальность объективная, въ родѣ реальности 100 талеровъ, находящихся въ карманѣ, можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: по самому существу дѣла этого доказывать не надо, т. к. праву, какъ и всѣмъ другимъ психическимъ явленіямъ. напр.. нравственности, гнѣву, радости, печали, любви, такая реальность (матеріальная) не присуща, и въ карманѣ, напр., никто и никогда не найдетъ для нихъ объективно-реальныхъ двойниковъ.

Если кто-нибудь переселится на необитаемый островъ и „станетъ представлять въ себѣ правовыя явленія“ или, говоря болѣе правильнымъ научнымъ языкомъ, станетъ переживать эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія правового типа, то на лицо имѣется правовое явленіе, право. Но это еще не значитъ, что мы имѣетъ законы, государство и суды. Реальность послѣднихъ совершенно иного порядка, чѣмъ реальность права, они имѣютъ лишь извѣстное отношеніе къ праву и только въ переносномъ смыслѣ называются „правовыми“ явленіями. Понятія государства, закона и суда, съ точки зрѣнія психологической теоріи, суть „относительно-правовыя“ понятія, тогда какъ право—„абсолютно-правовое“ понятіе. Въ основѣ разсматриваемаго сейчасъ положенія г. Савальскаго лежитъ смѣшеніе этихъ двухъ категорій правовыхъ понятій. Конечно, логически возможно оспорить установляемое проф. Петражицкимъ соотношеніе между государствомъ и судами, съ одной стороны, и правомъ съ другой, но критикъ объ этомъ и не помышляетъ по той простой причинѣ, что не замѣчаетъ его.

Будетъ ли такое воззрѣніе, согласно которому „правовое явленіе находится тамъ и только тамъ, гдѣ оно психически переживается“ солипсизмомъ, какъ утверждаетъ г. Савальскій?

Нѣтъ, не будетъ. Оно вѣдь не отрицаетъ существованія правовыхъ переживаній (т. е. эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній извѣстнаго типа) у другихъ индивидовъ, кромѣ нашего „я“. А солипсизмомъ называется какъ разъ

именно такая точка зрѣнія, согласно которой несомнѣнна лишь одна реальность моего сознанія, существованіе же помимо моего сознанія внѣшняго міра и другихъ одушевленныхъ существъ, а слѣдовательно, и ихъ переживаній подлежитъ сомнѣнію. Принявъ мнѣніе критика, придется назвать солипсизмомъ и такое воззрѣніе, по которому радость, гнѣвъ и любовь существуютъ тамъ и только тамъ, гдѣ они психически переживаются, т. е. вообще всякую психологическую точку зрѣнія.

Какъ бы то ни было, г. Савальскій, подозрѣвая въ такомъ пониманіи правовой реальности солипсизмъ и не желая, чтобы психологическая теорія права имъ обладала, истолковываетъ ее въ томъ смыслѣ, что для наличности права она требуетъ психическаго взаимодѣйствія лицъ, а нѣкоторыя выраженія ея въ сторону предполагаемаго имъ солипсизма считаетъ скорѣе оговорками (стр. 289). И „все-таки"—говоритъ онъ—„въ конструкціи юридической реальности есть въ ней (психологической теоріи) одна неточность, которая роковымъ образомъ отразилась на всей доктринѣ. Авторъ стоялъ передъ дилеммой: правовая дѣйствительность есть или предметъ внѣшняго міра, или психическіе акты. Правовая дѣйствительность не есть предметы внѣшняго міра, что ясно при нѣкоторомъ напряженіи мысли. Слѣдовательно, правовая дѣйствительность есть психическіе акты... Выводъ, однако, не совсѣмъ точенъ, такъ какъ дѣленіе не полно. Въ немъ пропущено дѣйствіе. Этотъ пропускъ и явился, по нашему мнѣнію, роковымъ для всей психологической теоріи права. Внѣ всякаго сомнѣнія, что элементы психическаго акта не суть внѣшніе предметы. Но вѣдь правовое явленіе не укладывается только въ психическіе акты. Правовая дѣйствительность состоитъ не только въ переживаніяхъ представленій о правахъ и обязанностяхъ, но и въ дѣйствіяхъ участниковъ правового общенія" (стр. 291).

Въ связи съ этимъ самъ собою напрашивается вопросъ, что подразумѣваетъ критикъ подъ „дѣйствіемъ". Судя по всему, что-то не психическое, иначе не было бы указано ничего новаго для правовой дѣйствительности сверхъ психическихъ актовъ. Оказывается же, „и дѣйствіе характеризуетъ моментъ сознанія, моментъ внутренняго міра, такъ что дѣйствіе и его результатъ во внѣшнемъ мірѣ нельзя смѣшивать"; оно „не есть, однако, только настроеніе, только

моментъ мотиваціоннаго процесса воли. Дѣйствіе значитъ признаніе, утвержденіе въ другомъ лица, субъекта“ (стр.294).

Но такое „дѣйствіе“ ровно ничего не прибавляетъ къ правовой реальности психологической теоріи, т. к. и оно есть нѣчто психическое, а въ особомъ, замысловатомъ, неокантіанскомъ видѣ подъ названіемъ „статическаго момента сознанія“ раскрываетъ смыслъ, значеніе правовыхъ переживаній, тотъ же самый смыслъ, который указанъ проф. Петражицкимъ въ положеніяхъ о воспитательно-облагораживающемъ значеніи пассивной и активной правовой мотиваціи, сообщающей людямъ сознаніе собственнаго и чужого достоинства, дѣлающей ихъ гражданами по характеру (Теорія, т. I, § 7). Вѣдь это и есть не что иное, какъ „признаніе, утвержденіе въ другомъ лица, субъекта“.

Съ цѣлью показать, что правовая дѣйствительность состоитъ не только въ переживаніяхъ, но и въ „дѣйствіяхъ“, г. Савальскій указываетъ на дѣеспособность, которая, по его мнѣнію, признается юриспруденціей, рѣшающимъ моментомъ для понятія юридическаго субъекта. Но это положеніе не подтверждаетъ его точки зрѣнія на правовую дѣйствительность: какъ разъ характернымъ для понятія субъекта права юриспруденція признаетъ не дѣеспособность, а правоспособность.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что помимо непринятія во вниманіе смысла, значенія правовыхъ переживаній, въ которомъ растворяется „дѣйствіе“, какъ утвержденіе въ другомъ лица, субъекта, разсужденія критика заключаютъ и другую ошибку: не указанная имъ дилемма стояла передъ авторомъ психологической теоріи, а иная, именно: правовая дѣйствительность есть или нѣчто внѣшнее (т. е. не только предметы внѣшняго міра, но и явленія, процессы) или психическіе акты, и рѣшеніе ея заключается не въ томъ, что правовая дѣйствительность состоитъ въ переживаніяхъ представленій о правахъ и обязанностяхъ, а существенно иное—правовая дѣйствительность состоитъ изъ сочетаній этихъ и нѣкоторыхъ другихъ представленій (нѣтъ надобности указывать, какихъ именно) съ особыми эмоціями, при чемъ послѣднія и есть characteristicum ея.

Соглашаясь съ тѣмъ, что вопросъ опредѣленія права въ первой и опредѣляющей линіи есть вопросъ „о мѣстѣ нахожденія правовыхъ явленій“, г. Савальскій замѣчаетъ,

что „тотъ методъ, съ помощью котораго проф. Петражицкій приступилъ къ рѣшенію глубокомысленно поставленнаго такимъ образомъ вопроса,... оказался, очевидно, узкимъ... проф. Петражицкій требуетъ опытнаго наблюденія правовыхъ явленій, какъ эти послѣднія переживаются въ индивидуальномъ сознаніи... Внѣ всякаго сомнѣнія, что правовыя явленія имѣютъ свое мѣсто и въ психическихъ переживаніяхъ индивидуальнаго сознанія. Однако, не только право и государство можно разсматривать, какъ психическое явленіе, но и солнце и вообще все естествознаніе И, однако, изученіе астрономіи и вообще естествознанія, какъ психическаго явленія, не будетъ рѣшать проблемы о „мѣстѣ нахожденія астрономическихъ явленій“. Для рѣшенія проблемы необходимо еще доказать, что психическое переживаніе явленій астрономіи не есть для послѣднихъ ихъ characteristicum,... а психическое переживаніе явленій права есть ихъ characteristicum, объясняетъ явленіе какъ такое, какъ предметно данное. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о томъ, *какъ* нѣчто переживается въ индивидуальномъ сознаніи, необходимо рѣшить вопросъ о томъ, *что* есть это нѣчто, какъ таковое, если оно даже и не переживается тѣмъ или другимъ сознаніемъ“ (стр 154).

Что право не есть предметъ (или процессъ) внѣшняго міра, это и съ точки зрѣнія критика „не трудно констатировать при нѣкоторомъ напряженіи мысли“. Пониманіе правовой реальности, какъ „дѣйствія“ въ смыслѣ „статическаго момента сознанія“, какъ показано выше, ровно ничего не прибавляетъ къ правовой реальности, какъ психическимъ актамъ указаннаго проф. Петражицкимъ состава. Отсюда слѣдуетъ, что психическое переживаніе явленій права есть ихъ characteristicum, и т. к. акты сознанія существуютъ постольку, поскольку переживаются, то и отпадаетъ вопросъ, что есть право, если оно даже не переживается тѣмъ или другимъ сознаніемъ. Какимъ образомъ солнце и вообще всѣ астрономическія явленія можно разсматривать, какъ психическія явленія, авторъ не указываетъ. Не будетъ ли такое разсмотрѣніе покоиться на смѣшеніи объектовъ и явленій внѣшняго міра съ представленіями о нихъ?

Тогда какъ г. Савальскій признаетъ необходимымъ прибавить кое-что къ правовой дѣйствительности, какъ она конструирована психологической теоріей, проф Паліенко

желаетъ кое-что изъ нея выкинуть. На стр. 222 и 223 его книги „Ученіе о существѣ права“ читаемъ: „Намъ собственно непонятно, почему именно специфическая природа права должна быть отыскиваема не въ области интеллектуальной, а эмоціональной. Возможно вполнѣ, что интеллектуальныя правовыя переживанія имѣютъ своимъ психологическимъ корнемъ своеобразныя чувства, а также двустороннія эмоціи, указываемыя проф. Петражицкимъ“, и далѣе: „Съ точки зрѣнія чисто психологическаго анализа основъ права допустимо такое называніе этихъ элементарныхъ психическихъ процессовъ (т. е. эмоцій) правовыми, подобно тому какъ не только психическія функціи, но и извѣстныя дѣйствія, соотвѣтствующія опредѣленнымъ представленіямъ о правѣ или правовымъ нормамъ, называются правовыми. Но вѣдь самое представленіе о правѣ могло выработаться лишь поскольку тѣ или другія переживанія отражались въ сознаніи людей, и не самые психическіе процессы или функціи человѣчество сознавало или понимало какъ право, а извѣстныя выраженія своего нормативнаго сознанія, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ юриспруденція и конструируетъ свое понятіе о правѣ, какъ своеобразныхъ нормахъ“.

Между этими двумя отрывками нѣтъ прежде всего согласованности: вѣдь если даже отыскивать природу права въ области интеллектуальной, право отъ этого не перестанетъ быть психическимъ актомъ. Но независимо отъ этого, такое устраненіе эмоцій недопустимо: эмоціональный элементъ переживается вмѣстѣ съ интеллектуальнымъ и оба вмѣстѣ даютъ одно сложное цѣлое, особый характеръ, весь колоритъ котораго зависитъ именно отъ эмоціональнаго элемента, какъ показываетъ самонаблюденіе. Выбросить изъ этого сложнаго переживанія эмоціональный элементъ было бы ни на чемъ неосновательнымъ произволомъ, который лишилъ бы право его характернаго свойства, а науку возможности изучать это явленіе, какъ факторъ соціально-психической жизни, мотивирующій поведеніе и воспитывающій человѣчество: вѣдь не „отраженія психическихъ переживаній въ сознаніи людей“ и не представленія нормъ и т. п. (вообще не интеллектуальный составъ психики) опредѣляютъ ихъ къ дѣйствію, а именно эмоціональный составъ, и въ сферѣ права—правовыя эмоціи. Истинными мотивами поведенія являются онѣ и только онѣ. Это обстоятельство и служитъ основаніемъ того,

что природа права отыскивается не въ интеллектуальной, а въ эмоціональной области.

Что же касается человѣчества, которое считало и считаетъ правомъ не психическіе акты, а выраженіе своего нормативнаго сознанія, то надо сказать, что наука призвана познать истинное существо явленій и она не связана тѣмъ, какъ послѣднее отобразилось въ сознаніи людей; наука не принимаетъ заблужденій человѣчества, а объясняетъ ихъ. До Коперника, напр., человѣчество полагало, что солнце движется вокругъ земли, дѣйствительность оказалась какъ разъ обратною. Проф. Петражицкій, кажется, вполнѣ достаточно выяснилъ наивно-проекціонную точку зрѣнія человѣчества на право и объяснилъ изъ существа этого явленія причину такой наивности, точно такъ же, какъ Коперникъ объяснилъ изъ существа истиннаго положенія вещей кажущееся вращеніе солнца вокругъ земли.

Вопросъ о „мѣстѣ нахожденія правовыхъ (и нравственныхъ) явленій“ не рѣшается еще всецѣло указаніемъ на психику, требуются еще дополнительныя указанія и изслѣдованія съ возможной въ этой области доказательностью, о какой психикѣ идетъ рѣчь: о психикѣ человѣка или и о психикѣ животныхъ и всѣхъ ли животныхъ или только нѣкоторыхъ?

На этотъ счетъ у самого автора психологической теоріи мы находимъ такое положеніе: „Есть данныя въ пользу того, что изъ всѣхъ весьма многочисленныхъ видовъ одаренныхъ психической жизнью существъ на земномъ шарѣ (животныхъ) только одинъ отличается способностью переживанія тѣхъ сложныхъ психическихъ процессовъ, которые составляютъ правовыя явленія, а именно только homo sapiens, человѣкъ; что въ предѣлахъ этого вида возникновеніе способности переживать психическіе процессы правового типа и, стало быть, возникновеніе правовыхъ явленій произошло не раньше достиженія извѣстнаго, по сравненію съ состояніемъ прочихъ животныхъ, весьма высокаго, уровня психической культуры, въ частности извѣстныхъ лингвистическихъ успѣховъ; и что и теперь отнюдь не всѣ люди, какъ таковые, способны къ переживанію правовыхъ актовъ, а лишь тѣ, которые достигли извѣстнаго возраста и подверглись извѣстнымъ воспитательнымъ вліяніямъ“ (стр. 30 и 31 „Введенія“). Въ примѣчаніи къ этому сказано: „Данныя и соображенія, на почвѣ коихъ

авторъ пришелъ къ такимъ выводамъ, могутъ быть сообщены лишь въ связи съ изложеніемъ теоріи происхожденія и развитія правовыхъ явленій".

При такомъ положеніи вещей для другихъ писателей и изслѣдователей остается или дожидаться обѣщаннаго обоснованія предварительныхъ сообщеній автора по данному вопросу, или, если въ ихъ распоряженіи имѣются научныя данныя противъ указаннаго рѣшенія подлежащаго вопроса, представить ихъ, приведя научно-необходимыя доказательства и подтвержденія своего воззрѣнія.

Повидимому, критика (въ лицѣ проф. Хвостова) избрала второй путь, но только повидимому, на самомъ же дѣлѣ, вмѣсто научныхъ данныхъ и аргументовъ, мы находимъ смѣсь недоразумѣній относительно содержанія выставленныхъ психологической теоріей положеній по данному вопросу и голословныхъ утвержденій о способности животныхъ къ переживанію этическаго сознанія.

Въ „Этюдахъ по современной этикѣ" проф. Хвостовъ намъ сообщаетъ: „Едва ли для г. Петражицкаго имѣетъ значеніе даже то обстоятельство, кто именно переживаетъ правовыя эмоціи, разумное существо или нѣтъ. Въ его изложеніи эмоціи являются такими темными и безсознательными влеченіями, что, вѣроятно, и животныя могутъ переживать ихъ полностью. Возможны, вѣроятно, правовыя эмоціи и у обезьянъ, и у птицъ, и у насѣкомыхъ (въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: „Если я буду строго наказывать собаку за извѣстныя дѣйствія, то у нея, въ результатѣ, возникаетъ гетерономная этическая эмоція въ смыслѣ теоріи г. Петражицкаго"). Не требуется и того, чтобы животныя вели соціальный образъ жизни. Мы знаемъ, что правовыя эмоціи можетъ переживать и изолированный человѣкъ, вступая въ различныя правоотношенія съ животными, неодушевленными предметами и просто воображаемыми существами. Какое отличіе имѣютъ эти правовыя эмоціи животныхъ отъ таковыхъ же эмоцій человѣка, этого изъ книгъ г. Петражицкаго мы также съ достаточною ясностью не усматриваемъ" (стр. 201).

Изъ приведенной выше цитаты изъ „Введенія въ изученіе права и нравственности" видно было, что, по мнѣнію проф. Петражицкаго, животныя не переживаютъ правовыхъ эмоцій (или вообще правового сознанія). Этимъ и объясняется,

почему въ книгахъ проф. Петражицкаго нельзя усмотрѣть (и не только съ достаточной ясностью, но и совершенно), какое отличіе имѣютъ правовыя эмоціи животныхъ отъ таковыхъ же эмоцій человѣка.

Собственныя воззрѣнія критика о правовыхъ переживаніяхъ животныхъ покоятся на выясненномъ выше неправильномъ представленіи о правовыхъ переживаніяхъ „изолированнаго человѣка“ и на „опытахъ“ съ собаками. Откуда, однако, у него увѣренность, что наказаніемъ можно заставить это животное переживать этическую эмоцію, а не эмоцію страха, боязни? Никакихъ доказательствъ въ пользу указаннаго вывода не приводится, а между тѣмъ это положеніе даетъ ему возможность по адресу психологической теоріи восклицать: „Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, исчерпывать основное содержаніе науки о правѣ и нравственности изученіемъ такихъ психическихъ процессовъ, которые, какъ мы видѣли, являются общими для человѣка съ животными и ничего характернаго именно для человѣка, какъ для существа соціальнаго, мыслящаго, воодушевляемаго великими идеалами истины, красоты и добра, не содержатъ“ (стр. 204). Тутъ уже говорится не о вѣроятности наличности правовыхъ переживаній у животныхъ, а съ увѣренностью констатируется ихъ наличность, что и служитъ аргументомъ къ непринятію психологической теоріи права. Правильность этого аргумента основывается на яко бы безспорномъ положеніи, что дѣйствительныя право и нравственность присущи только человѣку, характерны именно для него; психологическая же теорія говоритъ о правѣ и нравственности, свойственныхъ не только человѣку, но и животнымъ.

Не говоря уже о томъ, что право и нравственность „психологической теоріи“, по мнѣнію ея автора, животнымъ не присущи, и „опыты“ съ собаками проф. Хвостова не убѣждаютъ въ противоположномъ, само по себѣ положеніе, что право и нравственность характерны именно для человѣка, никѣмъ строго научно не доказано: наука не знаетъ даже, что́ они изъ себя (эти право и нравственность) представляютъ При отысканіи природы этихъ явленій наука и не должна исходить изъ указаннаго положенія, какъ безспорнаго, и если окажется, что право и нравственность общи человѣку съ животными, то ничего не остается, какъ констатировать этотъ фактъ и искать, если желательно, отли-

чительныхъ свойствъ человѣческаго духа въ чемъ-нибудь иномъ. А отсюда слѣдуетъ, что указанный аргументъ проф. Хвостова не имѣетъ силы.

Интересно отмѣтить, что ошибочное представленіе по вопросу о томъ, обладаютъ ли животныя, по ученію психологической теоріи, способностью переживать правовые (и вообще этическіе) акты, мы находимъ не у одного проф. Хвостова. Проф. Рейснеръ, напр., также, передавая содержаніе психологической теоріи, безъ всякихъ оговорокъ, соотвѣтствуетъ или нѣтъ сообщаемое имъ подлинному ученію излагаемой теоріи, и, слѣдовательно, думая, что соотвѣтствуетъ, говоритъ, что „среди животныхъ часто наблюдаются весьма сильные правовые инстинкты“ (стр. 69 книги—„Теорія Л. І. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія“) *).

*) Для иллюстраціи того, насколько вообще представленія критиковъ о содержаніи различныхъ положеній психологической теоріи и ея основы—эмоціональной психологіи, смутны и не точны, можно привести цѣлую серію примѣровъ. У того же, напр., проф. Хвостова встрѣчаемъ слѣдующія положенія: „этическая эмоція можетъ содержать въ себѣ представленіе о томъ субъектѣ, отъ котораго исходитъ соотвѣтственное велѣніе, устанавливающее нашъ долгъ“, „эмоціи, въ которыхъ содержится представленіе о нормоустановительныхъ фактахъ“, „можетъ входить въ составъ эмоціи представленіе о субъектѣ, на которомъ лежитъ обязанность къ извѣстному поведенію“ (стр. 185).

Такихъ эмоцій, въ составъ которыхъ входятъ представленія (или иные элементы психики), нѣтъ, потому что эмоціи—элементарныя (не разлагающіяся на элементы) психическія переживанія sui generis, слѣд., отличныя отъ представленій и другихъ элементовъ психики и состоящія только изъ самихъ себя. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ надо было говорить не объ эмоціяхъ, а объ опредѣленныхъ интеллектуально-эмоціональныхъ сочетаніяхъ, слѣдовательно не о простыхъ, а о сложныхъ переживаніяхъ. Послѣднія, дѣйствительно, содержатъ указанныя авторомъ представленія. Одинаково было бы въ области химіи сказать: въ составъ (химически чистаго) золота (какъ извѣстно золото—простое тѣло) входитъ серебро (тоже простое тѣло) вмѣсто того, чтобы сказать, что въ сплавѣ золота съ нѣкоторыми другими металлами присутствуетъ серебро. Конечно, логически возможно и относительно золота и относительно эмоцій имѣть иныя представленія, и напр., утверждать, что это не элементы (химическіе или психическіе), а сложныя величины, но въ данномъ то случаѣ имѣется въ виду не это, а простая передача чужого ученія.

Въ другомъ мѣстѣ проф. Хвостовъ реферируетъ: „инстинкты также представляютъ результатъ эмоціональныхъ процессовъ“ (183). На самомъ же дѣлѣ, инстинкты прежняго состава, въ прежнемъ пониманіи,

2. Объединеніе этики и эстетики въ понятіи принципіальныхъ (или нормативныхъ) переживаній, права и нравственности—въ понятіи этики. Одіозныя этическія переживанія и этическій поступокъ.

Въ противоположность нѣкоторымъ изъ предыдущихъ авторовъ, г. Дембскій находитъ, что понятіе реальнаго въ ученіяхъ проф. Петражицкаго вполнѣ ясно и что значеніе за соціально-психическимъ обмѣномъ совсѣмъ не отрицается. Являясь сторонникомъ „эмоціональной психологіи", г. Дембскій все же отрицательно относится къ психологической теоріи права и нравственности. Критика его если и не болѣе удачна, то все же поставлена шире, чѣмъ у предыдущихъ авторовъ, отрицательно отнесшихся къ психологической теоріи. Она распространяется не только на право и нравственность, т. е. этику, но и на эстетику, на всѣ тѣ нормативныя переживанія, природа коихъ выявлена проф. Петражицкимъ заодно.

„Если общія основы психологическаго ученія проф. Петражицкаго мы могли излагать въ согласіи съ нимъ", говоритъ г. Дембскій: „то примѣненіе его къ ученію о Правѣ и Нравственности, какъ оно сдѣлано проф. Петражицкимъ, насъ совершенно не удовлетворяетъ. Совершенно необоснованнымъ и произвольнымъ, покоящимся на сплошномъ недоразумѣніи представляется намъ дѣленіе класса „принципіальная мотивація" на два подкласса: „эстетическая мотивація" и „мотивація этическая" съ подраздѣленіями послѣдней, въ свою очередь, на „правовую" и „нравственную" (стр. 8 брошюры—„Философія права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго").

Къ столь отрицательному выводу г. Дембскій пришелъ съ помощью слѣдующихъ соображеній: дѣленіе класса „принципіальная мотивація" на два подкласса—„эстетика" и „этика" методологически не удовлетворительно: въ немъ не указана differentia specifica, такъ какъ свойства, приписываемыя этикѣ, въ равной мѣрѣ принадлежатъ и эстетикѣ.

упраздняются эмоціональной психологіей, а тѣ конкретныя психическія переживанія, которыя включались въ рубрику инстинктовъ, суть эмоціи, при чемъ ихъ природа и классификація иная сравнительно съ прежними инстинктами. Если и сохранить терминъ „инстинкты", то они и суть эмоціи, или эмоціональные процессы, а не результатъ ихъ

Въ самомъ дѣлѣ, и тамъ и тутъ говорится о требованіяхъ извѣстнаго поведенія, о законахъ этическихъ и о законахъ эстетическихъ, даже о вѣчныхъ, безусловныхъ законахъ красоты; и эстетическія и этическія эмоціи сопровождаются состояніемъ связанности, несвободы; въ обѣихъ областяхъ извѣстное поведеніе „слѣдуетъ", обязательно или „не слѣдуетъ", т. е. необязательно. Неуклонное давленіе въ сторону извѣстнаго поведенія, мистическая окраска свойственны этикѣ и эстетикѣ; не менѣе часто и не съ меньшимъ успѣхомъ въ области этическихъ переживаній употребляются словесныя характеристики: „красивый, прекрасный, некрасивый, гадкій, безобразный" (стр. 9, 10, 11).

На эти соображенія можно возразить, во 1-ыхъ, что природа психическихъ переживаній и отличіе одного типа ихъ отъ другого познается не по словеснымъ характеристикамъ, каковыя имѣютъ значеніе лишь вспомогательныхъ средствъ для надлежащаго самонаблюденія. Только самонаблюденіе даетъ возможность познать существо психическихъ переживаній Критикъ недостаточно принялъ во вниманіе это положеніе. Во 2-ыхъ, различіе между этикой и эстетикой, по ученію проф. Петражицкаго, коренится не въ представленіяхъ законовъ и т. п., а въ эмоціональномъ элементѣ этихъ переживаній, почему этическое требованіе, этическая связанность и давленіе въ сторону извѣстнаго поведенія своеобразны, отличны отъ эстетическихъ требованій и т. п. Въ 3-ьихъ, что касается эпитетовъ „красивый" и „некрасивый", то критикъ явно заблуждается: этикѣ не свойственна эта словесная характеристика; если же, напр., и говорятъ, что А обязанъ по праву В къ извѣстному поведенію, а затѣмъ при мысли о возможномъ или случившемся неисполненіи обязанности прибавляютъ, что неисполненіе ея—поступокъ некрасивый, отвратительный, то это вовсе не значитъ, что этикѣ свойственно выраженіе „красивый" или „некрасивый", а что здѣсь въ наличности и этическое и эстетическое переживаніе, при чемъ оба дѣйствуютъ совмѣстно и подкрѣпляютъ другъ друга.

Собственное мнѣніе г. Дембскаго объ эстетикѣ состоитъ въ томъ, что „эстетической мотивації, какъ самостоятельной вѣтви „принципіальной" мотивації, нѣтъ и не можетъ быть... названія „красивый, некрасивый, прекрасный, безобразный и т. п." являются словесными отраженіями аппуль-

сій и репульсій вообще, — какихъ бы эмоцій части онѣ ни представляли, въ какихъ бы областяхъ поведенія ни проявлялись. Переживается ли какая-либо аппульсія, объектъ ея представляется красивымъ, прекраснымъ и т. п.; въ случаѣ какой-либо репульсіи, объектъ ея — наоборотъ—рисуется некрасивымъ, безобразнымъ, гадкимъ и т. п. Но если это такъ, то эстетическое отношеніе къ поступку или предмету только сопровождаетъ, какъ дополнительный оттѣнокъ, всякую иную мотивацію, являющуюся главной, основной и имѣющую въ основѣ своей данную аппульсію или репульсію, отражаемую въ словахъ „красивый, некрасивый“ (17).

Совершенно невозможно согласиться съ мнѣніемъ, что эстетическое отношеніе всегда только сопровождаетъ иные мотиваціонные процессы: оно зачастую переживается совершенно самостоятельно, есть объекты, по адресу коихъ переживается иногда только и всецѣло отношеніе эстетическое, напр., въ отношеніи къ произведеніямъ искусства Но дѣйствуя и въ связи съ иными, эстетическая мотивація не всегда низводится на какой-то придатокъ, а часто руководитъ поведеніемъ въ первой линіи, такъ что другіе мотиваціонные процессы играютъ роль дополнительныхъ къ ней, какъ главной. Неправильно и то утвержденіе, что всѣ аппульсіи сопровождаются эстетической аппульсивной эмоціей (или, какъ говоритъ авторъ, объектъ всякой аппульсіи представляется красивымъ), а всѣ репульсіи сопровождаются репульсивной эстетической эмоціей (или объектъ всякой репульсіи представляется безобразнымъ). Возьмемъ, напр., эмоцію любопытства, относящуюся, несомнѣнно, къ аппульсіямъ и направленную по адресу чего-либо грязнаго, неопрятнаго, некрасиваго въ сознаніи переживающаго ее. Здѣсь уже аппульсія (любопытство) дополняется или сопровождается репульсивной эстетической эмоціей (вѣдь объектъ любопытства представляется гадкимъ, некрасивымъ). Примѣръ эстета-дегенеранта, на котораго, по словамъ критика, только и могъ сослаться проф. Петражицкій, чтобы показать эстетическую мотивацію изолированно, не подтверждаетъ мнѣнія г. Дембскаго, такъ какъ этотъ примѣръ имѣетъ совершенно иной смыслъ, именно, что у эстетовъ-дегенерантовъ противъ извѣстныхъ поступковъ возстаютъ только эстетическія эмоціи, у нормальныхъ же людей—и эстетическія и этическія, но это не значитъ, что нормальные люди

не переживаютъ эстетическихъ эмоцій внѣ связи съ другими, въ чемъ можно легко убѣдиться самонаблюденіемъ. Кромѣ того, классификація мотиваціонныхъ процессовъ состоитъ не въ указаніи главныхъ и дополнительныхъ мотивовъ поведенія, а въ указаніи существующихъ видовъ ихъ, и, конечно, не противорѣчитъ тому, что одни изъ нихъ дѣйствуютъ въ качествѣ дополнительныхъ къ другимъ. Отмѣчу также, что аппульсіи и репульсіи суть не части эмоцій, какъ думаетъ критикъ, а цѣлыя эмоціи.

Идемъ далѣе. Тогда какъ большинство критиковъ не находитъ возможнымъ, какъ выяснится ниже, принять указанные психологической теоріей признаки, отличающіе право отъ нравственности, г. Дембскому сверхъ этого „ближайшій анализъ содержанія правовой и нравственной (по проф Петражицкому) психики показываетъ невозможность объединенія этихъ двухъ видовъ психики въ одномъ общемъ родовомъ понятіи“ (стр. 11).

Онъ разсуждаетъ такъ: если сознаніе со стороны индивида А своей правовой обязанности по адресу Б можно какъ будто объединить въ одномъ общемъ высшемъ понятіи „этики“ съ сознаніемъ со стороны того же А своей чисто императивной, нравственной обязанности, то уже совершенно невозможно объединеніе въ одномъ общемъ высшемъ понятіи той же „этики“ сознанія нравственной обязанности со стороны индивида А съ сознаніемъ своего права со стороны индивида С по адресу А. Въ послѣднемъ сопоставленіи нѣтъ обще-родового признака. Если А bona fide не признаетъ приписываемый ему обязанности, то притязаніе С не обязываетъ его, а „вынуждаетъ“ и способно вызвать въ немъ цѣлевую, оппортунистическую мотивацію (или не вызвать никакой), но отнюдь не принципіальную (стр. 14 и 15). „Но не представляетъ „принципіальной“ мотивацiи притязательная (правовая, по проф. Петражицкому) психика и въ поведеніи индивида С (считающаго себя управомоченнымъ), такъ какъ использованіе своего „правомочія“ индивидъ С сознаетъ зависящимъ отъ своего усмотрѣнія (хочу исполню, не хочу—нѣтъ!), а въ случаѣ неиспользованія не испытываетъ никакихъ „угрызеній совѣсти“, характерныхъ для „принципіальной“ мотивацiи—при неисполненіи диктуемаго ею поведенія“ (стр. 15, примѣчаніе).

Въ основѣ изложенныхъ размышленій лежитъ капи-

тальное недоразумѣніе относительно существа критикуемаго. Здѣсь упущено изъ виду, что сознаніе со стороны кого-либо (С) своего права (активная правовая мотивація) есть лишь одна сторона правового переживанія, что право одного (С) означаетъ въ то же время обязанность другого (А) по адресу перваго. Все отличіе этого случая отъ пассивной правовой мотивації, т. е. сознанія с в о е й обязанности и права другого, заключается именно въ лицѣ обязаннаго: въ активной правовой мотивації это—лицо постороннее (другой) по отношенію къ переживающему правовое сознаніе, въ пассивной мотивації это—самъ переживающій такое сознаніе субъектъ. Послѣднее обстоятельство, конечно, не мѣняетъ сути дѣла—характера того моторнаго возбужденія (эмоціи), которое лежитъ въ основѣ правовыхъ переживаній. Въ нравственности также наблюдается какъ сознаніе своей обязанности по адресу другого, такъ и обязанности другого по своему адресу. Для всѣхъ случаевъ правовыхъ и нравственныхъ переживаній признакомъ, объединяющимъ ихъ въ одномъ общемъ родовомъ понятіи „этики", является характеръ эмоцій, лежащихъ въ основѣ сознанія долга, обязанности (своей по адресу друго́го или чужой по своему или третьяго лица адресу). Этотъ долгъ въ правовыхъ переживаніяхъ въ то же время есть право лица, противостоящаго обязанному въ качествѣ субъекта, за которымъ закрѣплена его обязанность. Послѣднее обстоятельство есть differentia specifica правовой этики въ отличіе отъ этики нравственной.

Съ другой стороны, такъ какъ для наличности правового явленія (переживанія), по теоріи проф. Петражицкаго, не требуется, чтобы приписываемыя кѣмъ-либо (С) себѣ права (а также и обязанности) были признаны кѣмъ-либо другимъ (А), то не имѣетъ значенія, какая мотивація возникнетъ у лица обязаннаго (А) подъ вліяніемъ требованій лица, сознающаго себя управомоченнымъ (С), и возникнетъ ли вообще какая-либо мотивація: обязанный можетъ и не знать о такой своей роли, онъ можетъ даже и не существовать, какъ лицо способное къ психической (и всякой вообще) дѣятельности. Субъектами обязанности въ этической психикѣ бываютъ не только люди, животныя, но и предметы неодушевленные. Что же касается „угрызеній совѣсти", то они характерны не для „принципіальной" мотивації, какъ таковой, а для пассивной правовой и нравственной мотивації,

или точнѣе: бываютъ у сознающаго с в о ю обязанность и неисполнившаго ее, въ другихъ же случаяхъ этическаго сознанія ихъ не бываетъ, а потому не удивительно, что и критикъ ихъ не обнаружилъ у отказавшагося отъ своего права. Страннымъ было бы какъ разъ противоположное.

Разсмотрѣнныя положенія критики г. Дембскаго въ корнѣ подорвали бы научную цѣнность и значеніе психологической теоріи права и нравственности, если бы они сами не были плодомъ сплошныхъ недоразумѣній и ошибокъ ихъ автора относительно содержанія и смысла критикуемыхъ имъ ученій.

Въ непосредственной связи съ только-что разобранной критикой г. Дембскаго стоитъ мнѣніе проф. Рейснера (къ которому присоединяется и г. Дембскій) о неравноцѣнности признаковъ, характеризующихъ въ ученіи проф. Петражицкаго этическія эмоціи. Первый изъ этихъ признаковъ—„мистическій характеръ"—говоритъ проф. Рейснеръ: „является не исключительной привилегіей нашего этическаго мышленія... мистика есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ фантастическаго мышленія... И мистикѣ, и фантазмамъ подлежатъ всѣ другія области человѣческаго мышленія—и связанная съ ними эмоціональность—какъ и нравственныя и правовыя эмоціи. Правда, у этихъ эмоцій есть нѣкоторая особая тенденція къ фантазмамъ, но она не первична, она только вытекаетъ изъ того признака, который отмѣченъ у Петражицкаго, какъ второй", *) и по которому этическія эмоціи „переживаются какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго облюбованія, выбора и слѣдованія нашимъ склонностямъ, влеченіямъ, цѣлямъ и какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются соотвѣтствующія эмоціи" **).

На это можно возразить, во-первыхъ, указаніемъ, что авторъ психологической теоріи не приписываетъ этическимъ эмоціямъ и этическому мышленію исключительной привилегіи мистицизма, а потому и говоритъ о с в о е о б р а з н о м ъ мистически-авторитетномъ характерѣ ихъ, слѣдовательно, не о такомъ, какъ въ иныхъ областяхъ мышленія;

*) Рейснеръ. Теорія Л. І. Петражицкаго, стр. 63.

**) Петражицкій. Теорія права и нравственности, т. I, стр. 36.

во-вторыхъ, указаніемъ на то, что при характеристикѣ, описаніи какихъ-либо психическихъ переживаній важно именно отмѣтить, какъ они переживаются (въ данномъ случаѣ съ оттѣнкомъ своеобразной мистики и какъ внутренняя помѣха освобожденію), а не то, что одно ихъ свойство вытекаетъ, обусловлено другимъ. Послѣднее тоже важно, но въ иномъ отношеніи, для иныхъ цѣлей. Вотъ почему, надо полагать, признакъ своеобразнаго мистическаго характера этическихъ эмоцій поставленъ на ряду съ другимъ ихъ признакомъ — съ сознаніемъ границы, предѣла свободѣ. Но и независимо отъ этого, утвержденіе, что первый признакъ вытекаетъ изъ второго, едва ли для кого-либо убѣдительно: сознаніе препятствія для свободнаго дѣйствованія само по себѣ не содержитъ мистики и не объясняетъ ея. Между прочимъ, этотъ второй признакъ характеренъ не только для нравственныхъ (какъ неточно выражается тамъ же проф. Рейснеръ), но и для правовыхъ, другими словами, вообще для этическихъ эмоцій.

Несогласія г. Дембскаго съ положеніями „психологической теоріи“ простираются далѣе на дѣленіе обязанностей и вообще этическихъ переживаній съ точки зрѣнія представленій дестинатаровъ на 1) обязанности (и переживанія) безъ дестинатаровъ и 2) обязанности (и переживанія) съ дестинатарами, распадающіяся, въ свою очередь, на а) одіозныя и б) каритативныя Дестинатарами называются тѣ люди или иныя существа, по адресу которыхъ требуется извѣстное дѣйствіе, воздержаніе или терпѣніе. Въ правовыхъ переживаніяхъ эти лица совпадаютъ иногда съ субъектами права, но такое совпаденіе бываетъ не всегда. Напр, если отецъ нанялъ кормилицу для ребенка, то въ соотвѣтственныхъ правовыхъ переживаніяхъ имѣется представленіе ребенка, какъ дестинатара обязательныхъ дѣйствій, кормленія и другихъ заботъ, а представленіе отца, какъ субъекта притязанія (права). Примѣрами обязанностей безъ дестинатаровъ могутъ служить обязанности быть правдивыми, мужественными и т. п., переживаемыя въ качествѣ долженствованій не ради кого-либо, а просто сами по себѣ. Конечно, эти обязанности могутъ быть и обязанностями съ дестинатарами.

По мнѣнію г. Дембскаго, утвержденіе проф. Петражицкимъ существованія такихъ обязанностей и переживаній

основано на методологическомъ промахѣ, именно: „Вмѣсто того, чтобы находить или отвергать „дестинатора“ (представленіе о таковомъ) въ „обязанности“ переживаемой, мотивирующей то или иное конкретное поведеніе. пр. Петражицкій анализируетъ „обязанности“ не переживаемыя, а только мыслимыя, изъ области реальнаго поведенія уходитъ въ область теоретическихъ формулъ о таковомъ“ (стр. 22). Анализъ „обязанности“ въ переживаніи показываетъ г. Дембскому, что „во всякую конкретную мотивацію входитъ представленіе объ опредѣленномъ „правдивомъ“, опредѣленномъ „лживомъ“, опредѣленномъ „мужественномъ“ и т. д. дѣйствіи, а не вообще—лживомъ, правдивомъ, мужественномъ и т. д. дѣйствіи, и что всякое такое объектное представленіе объ опредѣленномъ дѣйствіи неразрывно связано съ представленіемъ „дестинатора“, съ представленіемъ кого-либо, по отношенію къ кому предстоитъ данное опредѣленное дѣйствіе“ (стр. 23).

Внѣ сомнѣнія г. Дембскій и здѣсь заблуждается: если начать умѣло и при извѣстныхъ условіяхъ убѣждать правдиваго человѣка въ томъ, что такимъ быть не стоитъ, лучше быть лживымъ, когда это выгодно и т. п., при чемъ при убѣжденіи избѣгать конкретныхъ случаевъ и примѣровъ, то вполнѣ легко можно добиться съ его стороны не мыслимой только, но переживаемой обязанности (или точнѣе: переживанія обязанности) быть правдивымъ, не лгать вообще, а не такому-то и въ такихъ-то случаяхъ. Проф. Петражицкій совершенно справедливо замѣчаетъ, что дѣйствительно правдивые люди какъ разъ переживаютъ соотвѣтственную обязанность въ общей формѣ, а не въ конкретной—быть правдивымъ тогда-то и по адресу такихъ-то лицъ. Мнѣ думается, что это настолько очевидно (и можетъ быть каждымъ правдивымъ человѣкомъ провѣрено самонаблюденіемъ), что споръ на этой почвѣ можетъ возникнуть лишь изъ-за увлеченія.

И дѣйствительно, г. Дембскій настолько увлекся, что нашелъ указанный имъ методологическій промахъ даже въ сравненіи „нравственно-рекомендуемаго“ съ „существующими этическими воззрѣніями“ и „содержанія христіанской или буддистской морали“ съ „прежней и теперешней интуитивной нравственностью“. Съ его точки зрѣнія, сравненіе здѣсь невозможно: первые члены обоихъ случаевъ сравненія

„представляютъ не что иное, какъ теоріи, написанныя на бумагѣ нормы“, тогда какъ вторые члены „являются нормами въ дѣйствіи, реальными частями конкретнаго поведенія“ (стр. 22, примѣчаніе). Замѣчаетъ ли критикъ, что въ данныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о сравненіи по содержанію обязательнаго поведенія,—сказать трудно, но легко видѣть, что въ сравненіи поведенія, предписываемаго „нормами въ дѣйствіи“, съ поведеніемъ, предписываемымъ „нормами, написанными на бумагѣ“, нѣтъ положительно никакого методологическаго промаха. Кстати сказать, нормы (даже написанныя на бумагѣ) ни въ коемъ случаѣ не теоріи, а правила, принципы поведенія.

Г. Дембскій отрицаетъ также и существованіе о д і о з н ы х ъ обязанностей по отношенію къ дестинатарамъ ихъ, напр., обязанностей „ненавидѣть враговъ въ международномъ, междуродовомъ и междуиндивидуальномъ смыслѣ, вредить имъ всячески“ и т. п. Признаніе ихъ со стороны проф. Петражицкаго, по его мнѣнію, основано на смѣшеніи „принципіальной“ мотивації съ „цѣлевою“. „Обязанность ненавидѣть и т. д. оказывается вовсе не обязанностью, а цѣлесообразностью“, средствомъ къ цѣли, каковой является „дѣйствительная обязанность защищать родину, своихъ“. Что „эта ненависть къ врагу— не больше какъ цѣлесообразность“, явствуетъ, по мнѣнію г. Дембскаго, напр., изъ того, что „въ интересахъ борьбы съ врагомъ А — вступаютъ въ союзъ съ врагомъ В и всячески ухаживаютъ за нимъ“, а также изъ того, что при выборѣ этого средства (ненависти и т. п.) возможно взвѣшиваніе его съ другими средствами, переходъ къ другому, вновь усмотрѣнному, безъ тѣхъ „угрызеній совѣсти“, кои характерны для „принципіальной“ мотивації.

Чтобы разобраться въ данномъ пунктѣ критики г. Дембскаго, надо принять во вниманіе, что по ученію проф. Петражицкаго „исполненіе разныхъ правовыхъ и нравственныхъ обязанностей, реализація соотвѣтственныхъ объектовъ, предполагаетъ обыкновенно совершеніе со стороны обязаннаго разныхъ другихъ положительныхъ или отрицательныхъ дѣйствій, или такія или иныя терпѣнія съ его стороны, или то и другое, въ качествѣ средствъ или необходимыхъ условій реализаціи требуемаго эффекта“. Напр., для исполненія обязанности защиты родины на низшихъ ступеняхъ куль-

туры признавалась необходимою ненависть къ врагамъ, причиненіе всяческаго имъ вреда и т. д. Путемъ ассоціаціи идей или умозаключеній и на эти вспомогательныя дѣйствія распространяются (иногда) эмоціи долженствованія, такъ что они въ свою очередь дѣлаются объектами обязанностей. Получаются, такимъ образомъ, „вспомогательные“ объекты, обязанности, нормы и вообще соотвѣтственныя нравственныя и правовыя переживанія (Теорія, т. II, 429, 430).

Вообразивъ, что по ученію проф. Петражицкаго во всѣхъ случаяхъ жизни такія вспомогательныя дѣйствія представляются въ качествѣ объектовъ вспомогательной обязанности, и имѣя на лицо безспорно существующіе случаи вспомогательныхъ дѣйствій въ качествѣ только цѣлесообразностей, что находится въ противорѣчіи съ (мнимымъ на самомъ дѣлѣ, но ему такъ) представляющимся положеніемъ проф. Петражицкаго, критикъ впадаетъ въ крайность и отрицаетъ существованіе вспомогательныхъ обязанностей одіознаго характера и на этомъ основаніи вообще одіозныхъ обязанностей. Фактическія данныя, приведенныя г. Дембскимъ, взяты изъ дѣйствительной жизни. Но дѣло то въ томъ, что и проф. Петражицкій не отрицаетъ возможности такого положенія вещей, какое изображено критикомъ, но онъ не отрицаетъ возможности и иного положенія. Вспомогательныя дѣйствія подбираются какъ средства къ цѣли, и здѣсь происходитъ взвѣшиваніе; въ случаѣ отказа отъ избранныхъ средствъ нѣтъ „угрызеній совѣсти“, но когда эти дѣйствія избраны, то на нихъ могутъ распространиться (это слѣдуетъ изъ смысла всѣхъ ученій проф. Петражицкаго) эмоціи долженствованія, такъ что они, въ свою очередь, дѣлаются объектами обязанностей. Въ случаѣ неисполненія этихъ вспомогательныхъ обязанностей (напр., обязанности ненавидѣть враговъ, истреблять ихъ и т. п.) появляются и „угрызенія совѣсти“, напр., если врагъ вслѣдствіе подкупа не убитъ вопреки переживавшейся обязанности убить его, какъ вспомогательной къ главной обязанности — защищать родину, своихъ. Этихъ „угрызеній“ нѣтъ на лицо тогда, когда убійство разсматривается еще съ точки зрѣнія пригодности его какъ средства защищать своихъ, но тогда нѣтъ еще и вспомогательной обязанности.

Доказать несуществованіе одіозныхъ обязанностей критику не удалось еще и потому, что онъ возражаетъ только

противъ вспомогательныхъ одіозныхъ обязанностей. Но, по ученію проф. Петражицкаго, не только вспомогательныя, но и главныя обязанности бываютъ одіозными (см. Теорія § 32).

Въ связи съ „одіозными обязанностями“ стоитъ вопросъ о признакѣ, по которому извѣстный поступокъ квалифицируется, какъ этическій. Отвѣтъ психологической теоріи, съ логической неизбѣжностью вытекающій изъ установленныхъ ею понятій права и нравственности, гласитъ: этическимъ будетъ поступокъ, совершенный подъ вліяніемъ этическихъ эмоцій. Такой отвѣтъ наводитъ иныхъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ, напр., г. Савальскій считаетъ указанное правило измѣренія этическаго поступка недостаточнымъ, недостигающимъ цѣли: вѣдь и убить и обмануть можно подъ вліяніемъ этическихъ эмоцій. Въ поступкѣ надо различать двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю—мотиваціонную сторону и дѣйствіе, выраженное вовнѣ. Правило, предложенное проф. Петражицкимъ, касается лишь первой стороны поступка. Возникаетъ вопросъ, какъ узнать, будетъ ли само дѣйствіе этическимъ. Я думаю, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: этическимъ можетъ быть лишь настроеніе, внутренняя сторона поступка; внѣшняя же его сторона, дѣйствіе, выраженное вовнѣ, взятое независимо отъ побудительныхъ мотивовъ, поскольку оно слагается изъ ряда физическихъ явленій, не можетъ быть ни этичнымъ ни не-этичнымъ. Поскольку же сюда входятъ психическіе моменты, напр., сознаніе, что извѣстные физическіе пріемы причинятъ смерть другому и т. п., то они дѣлаютъ поступокъ не-этичнымъ только съ точки зрѣнія этики опредѣленной эпохи и опредѣленныхъ жизненныхъ случаевъ. Иная точка зрѣнія приводитъ къ отрицанію наличности этики у людей другихъ эпохъ и культуръ, которыя считали этичнымъ, хорошимъ и нормальнымъ то, что теперь признается безнравственнымъ и противоправнымъ, вообще не-этичнымъ. А такъ какъ вполнѣ возможно, что многое изъ того, что теперь признается нравственнымъ и т. д., въ будущемъ будетъ признано безнравственнымъ, то и выходитъ, что и теперь нѣтъ никакой этики. Это можетъ случиться и случается съ каждой предыдущей эпохой по отношенію къ послѣдующей. Отсюда и слѣдуетъ, что этичность поступка измѣряется его мотиваціонной стороной, если только мы желаемъ говорить объ этикѣ, какъ историческомъ явленіи. Въ

такой исторической этикѣ нѣтъ ничего страшнаго, такъ какъ на почвѣ особыхъ процессовъ, которые авторъ психологической теоріи называетъ эмоціональнымъ подборомъ, создаются мотивы и склонности этическаго характера въ пользу поведенія соціально-разумнаго и полезнаго для данной ступени культуры, а неразумная и вредная, съ точки зрѣнія условій даннаго общежитія, этика является исключеніемъ

Право (и нравственность) есть средство соціальнаго приспособленія и, какъ всякое средство, подлежитъ оцѣнкѣ съ т. зр. той цѣли, которой оно служитъ. Научное обоснованіе этихъ средствъ и цѣлей уже выходитъ за предѣлы теоріи права и составляетъ задачу политики права. Это и есть разсмотрѣніе права подъ знакомъ телоса, необходимость котораго особенно подчеркнута, какъ извѣстно, именно проф. Петражицкимъ, въ силу чего совершенно неосновательнымъ является утвержденіе г. Савальскаго, что авторъ психологической теоріи совершенно неожиданно пришелъ къ телеологическому изученію права. Неправильно и другое утвержденіе его, гласящее, что критерій оцѣнки институтовъ права, данный проф. Петражицкимъ, содержитъ порочный кругъ: „хорошее право то, которое даетъ хорошее поведеніе, а хорошее поведеніе въ состояніи дать только хорошее право“ (стр. 328). Этотъ кругъ всецѣло плодъ творчества критика. На самомъ дѣлѣ хорошимъ поведеніемъ является поведеніе, осуществляющее общее благо, процвѣтаніе обществъ и индивидовъ, любовь. Здѣсь нѣтъ никакого порочнаго круга. Цѣнность извѣстнаго института права узнается по его результату. Какъ устранить здѣсь субъективность и партійность?—это другой вопросъ, и на него, пожалуй, можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: силою научнаго доказательства. Съ другой стороны, найти критерій, какъ требуетъ г. Савальскій, который бы рѣшалъ вопросъ, что вотъ это право хорошо само по себѣ, а вотъ это плохо само по себѣ, безотносительно къ эффекту, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ или не можетъ чрезъ право быть достигнутъ, едва ли возможно, т. к. правовыя переживанія, какъ и вообще этическія, сами по себѣ, независимо отъ того поведенія, которое они вызываютъ, всегда хороши: они возвышаютъ личность, осуществляютъ этическое самосознаніе, что является и съ точки зрѣнія самого критика „задачей для человѣка на великомъ поприщѣ міровой исторіи“.

3. Критика ученія психологической теоріи о видахъ права и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ.

Слѣдующимъ важнымъ и интереснымъ вопросомъ „психологической теоріи“ является дѣленіе этики на два вида: право и нравственность Его придется подробно разсмотрѣть ниже, а пока остановимся кратко на другихъ вопросахъ психологической теоріи, которыхъ коснулась критика.

Сюда относится, главнымъ образомъ, вопросъ о видахъ права. Та неточность, съ которою вообще восприняты ученія проф. Петражицкаго, несмотря на особенную ясность и строгую опредѣленность послѣднихъ, и о которой не разъ уже говорилось въ предлагаемомъ обзорѣ ихъ критики, имѣетъ мѣсто и здѣсь.

Знакомясь съ содержаніемъ психологической теоріи въ передачѣ проф. Хвостова, можно подумать, что такъ называемое о ф и ц і а л ь н о е право, т. е. право, подлежащее примѣненію и поддержкѣ со стороны представителей государственной власти по долгу ихъ общественнаго служенія, есть видъ позитивнаго права. О томъ, что и интуитивное право бываетъ офиціальнымъ, критикъ совсѣмъ не упоминаетъ; онъ ограничивается лишь фразой: „Изъ области позитивнаго права авторъ (проф. Петражицкій) выдѣляетъ особо офиціальное право“ (стр. 191). Проф. Рейснеръ также по поводу офиціальнаго права ограничивается слѣдующимъ: „Среди нормъ позитивнаго права, въ свою очередь, выдѣляетъ Петражицкій право офиціальное или признанное государствомъ“ (стр. 76) Въ дѣйствительности же, психологическая теорія знаетъ не только позитивное офиціальное право, но и интуитивное. „Офиціальное право обнимаетъ и множество интуитивно-правовыхъ явленій“, говоритъ проф. Петражицкій (Теорія, т. II, 615).

Нѣсколько иныя недоразумѣнія относительно офиціальнаго права возникли у г. Дембскаго.

„Нѣкоторыя... явленія правовой психики имѣютъ такой характеръ, что они не только не требуютъ и не заслуживаютъ офиціальной поддержки, но должны встрѣчать со стороны государственной власти отрицательное отношеніе и преслѣдованіе во исполненіе ея долга служенія общественному благу, преступное право и т. д.“, читаемъ мы въ

„Теоріи“. Отсюда г. Дембскій заключаетъ, что есть „хорошее“ и „нехорошее“ право, и, поставивъ затѣмъ вопросъ, что̀ служитъ критеріемъ для различенія съ т. зр. проф. Петражицкаго одного права отъ другого, отвѣчаетъ: „единственнымъ критеріемъ различенія права, требующаго поддержки (т. е. хорошаго), отъ права, не заслуживающаго таковой и заслуживающаго—наоборотъ—отрицательнаго отношенія и преслѣдованія со стороны государственной власти,—оказывается признаніе или непризнаніе со стороны той же государственной власти“ (стр. 37), другими словами, „хорошимъ“ будетъ офиціальное право.

Смѣло могу сказать, что такого положенія въ сочиненіяхъ проф. Петражицкаго нѣтъ; есть нѣчто иное: офиціальное право „отличается лучшею приспособленностью къ удовлетворенію потребностей, коренящихся въ аттрибутивной природѣ права вообще; оно является въ этомъ смыслѣ правомъ высшаго сорта по сравненію съ неофиціальнымъ правомъ“ (т. I, 221), но это еще не значитъ, что всякое офиціальное право будетъ „хорошимъ“. Самъ проф. Петражицкій указываетъ на интуитивное офиціальное право нашихъ волостныхъ судовъ, какъ на „нехорошее“ и подлежащее поэтому замѣнѣ надлежащимъ позитивнымъ правомъ. Позитивное офиціальное право также можетъ быть „нехорошимъ“: „въ области законодательнаго права“—говоритъ проф. Петражицкій, включая сюда и офиціальное законодательство—„возможны неправильности и неудачности развитія въ различныхъ смыслахъ и направленіяхъ, возможно рѣшающее дѣйствіе личнаго неразумія, легкомыслія, индивидуальныхъ или групповыхъ корыстныхъ, злостныхъ мотивовъ и соображеній и проч.“ (т. II, 482). Хорошимъ правомъ по смыслу психологической теоріи можно признать лишь право, способное приближать человѣчество къ идеалу дѣйственной любви, искоренять антисоціальныя и насаждать противоположныя склонности. Такая цѣль и задача права осуществляется въ исторіи постепенно и на разныхъ ступеняхъ историческаго развитія право можетъ съ успѣхомъ требовать поведенія, въ различной степени приближающагося къ указанной цѣли, слѣдовательно: хорошее при однихъ условіяхъ право становится нехорошимъ при другихъ. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть хорошимъ и интуитивное право, не получившее офиціальнаго одобренія. Не зная всего этого и, повидимому

отожествляя позитивное право съ официальнымъ (хотя и безъ употребленія послѣдняго термина), г. Дембскій и приходитъ къ недоумѣнію, какимъ это образомъ интуитивное, государственной властью непризнаваемое, т. е. „нехорошее“ право получаетъ во время революцій функцію спасенія соціальнаго организма отъ права „хорошаго“, пользующагося признаніемъ государственной власти—позитивнаго (стр. 37).

Въ связи съ этими вопросами г. Дембскій старается указать „на тотъ порочный кругъ, въ который (по его словамъ) попадаетъ проф. Петражицкій съ своей основной идеей „политики права“, заставившей его .. взяться за переработку заново всей науки о правѣ, нравственности, психическихъ явленіяхъ вообще, методологіи“ (стр. 38). „Кто долженъ, кто можетъ выступить въ роли воспитателя народа?“ спрашиваетъ критикъ: „тотъ, отъ кого зависитъ законодательная политика...—государственная власть... Но какъ быть, если... организованная государственная власть не проводитъ принципа законности, нуждается сама въ исправленіи, въ воспитаніи? Такъ мысль о воспитывающей народы „политикѣ права“ приводитъ къ порочному кругу: народъ должна воспитать государственная власть, но прежде государственная власть должна быть сама воспитана... народомъ“ (стр. 39).

Такъ и было бы, если бы всякая государственная власть, вездѣ и всегда была недобросовѣстна, не держалась бы принципа законности и т. п.; однако, утверждать подобное, очевидно, невозможно. Къ тому же функцію воспитанія исполняетъ не государственная власть, а право. воспитывающее и органы государственной власти и государства (международное право). Государственная же власть играетъ лишь служебную по отношенію къ праву роль *) и, если становится недобросовѣстной, то при извѣстныхъ условіяхъ теряетъ ее въ грозной стихіи—революціи, появляется новая власть, способная служить праву. Такимъ образомъ безъ всякихъ „порочныхъ круговъ“ движется человѣчество по пути прогресса все къ болѣе общему благу. „Политика права“ должна сдѣлать это движеніе изъ безсознательно-удачнаго сознательнымъ и потому болѣе раціональнымъ и быстрымъ.

Г. Дембскій не обходитъ молчаніемъ и вопроса о дѣ-

---

*) См. «Теорія права», т. I, § 13.

леніи права на интуитивное и позитивное. Интуитивное право имѣетъ тенденцію развиваться въ направленіи односторонняго предпочтенія интересовъ однихъ круговъ населенія въ ущербъ другимъ. Критику это кажется несогласующимся съ характеристикой обычнаго права (уже не интуитивнаго, а позитивнаго), какъ орудія „развитія и поддержанія соціально-правового неравенства, кастовыхъ и сословныхъ привилегій". Противорѣчіе исчезнетъ, если вспомнить, что эти совпадающія характеристики интуитивнаго и обычнаго права противополагаютъ ихъ законному праву и вполнѣ могутъ быть объяснены общими условіями развитія того и другого права, приводящими и къ одинаковымъ тенденціямъ развитія. Особыя же условія ихъ развитія приводятъ къ различнымъ тенденціямъ: къ измѣнчивости и разнообразію интуитивнаго права, къ косности и однообразію обычнаго права.

Также нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что дѣйствительнымъ рычагомъ соціально-правовой жизни является интуитивное право, а между тѣмъ способность охватывать своей нормировкой болѣе широкія сферы представляетъ преимущество позитивнаго права. Смыслъ подлежащаго положенія состоитъ въ томъ, что въ конкретныхъ случаяхъ жизни поведеніе обыкновенно управляется интуитивно-правовыми мнѣніями и убѣжденіями (совѣстью), а позитивно-правовыя мнѣнія, поскольку (хотя и рѣже) они дѣйствуютъ, проявляютъ себя не только въ тѣхъ сферахъ жизни, въ которыхъ дѣйствуетъ интуитивное право, но и въ иныхъ. Видимо, г. Дембскій иначе понимаетъ данный пунктъ психологической теоріи, оттого и находитъ въ немъ противорѣчіе.

Изъ того, что „многія области поведенія... вообще чужды позитивно-правовой нормировки... здѣсь дѣйствуетъ исключительно интуитивное право", г. Дембскій заключаетъ, что „унификаціонная тенденція... не свойственна совсѣмъ одной части интуитивнаго права и лишь проявляется въ извѣстной степени въ другой части его" (стр. 34), и удивляется, сопоставляя это съ установленнымъ ранѣе проф. Петражицкимъ положеніемъ, гласящимъ, что унификаціонная тенденція свойственна правовой психикѣ вообще. И заключеніе и удивленіе совершенно неосновательны. Унификаціонная тенденція свойственна правовой психикѣ вообще, но въ различныхъ областяхъ поведенія проявляется не съ

одинаковой силой. Одна изъ главнѣйшихъ формъ ея—позитивація—играетъ столь большую роль, что безъ нея не было бы надлежащей унификаціи отношеній. Проявляясь она даетъ особый видъ права—позитивное право. Въ интуитивномъ правѣ дѣйствуютъ иныя формы унификаціи. Въ указанныхъ разсужденіяхъ г. Дембскій, повидимому, отожествляетъ унификацію съ позитиваціей, а потому изъ наличности областей поведенія съ исключительнымъ дѣйствіемъ интуитивнаго права заключаетъ объ отсутствіи въ этой его части унификаціонной тенденціи. Помимо всего этого онъ не принимаетъ въ расчетъ, что „тенденція" не означаетъ наличности чего-либо въ каждомъ конкретномъ случаѣ, а указываетъ на то, что бываетъ тогда, когда отклоняющіе факторы оказываются слабѣе по сравненію съ тѣмъ факторомъ, законъ дѣйствія котораго она выражаетъ.

Г. Дембскому представляется также несовмѣстимымъ соціально-психическая закономѣрность развитія позитивнаго права съ возможностью неправильностей въ его развитіи. На это слѣдуетъ отвѣтить, что закономѣрность не исключаетъ осложненій, задержекъ въ развитіи, ненормальныхъ отклоненій и т. п.; она вообще не означаетъ какой-то абсолютной правильности; для ея наличности достаточно, если намѣчается общая линія развитія, какъ результатъ дѣйствія опредѣленныхъ силъ. Силы иного порядка могутъ нѣсколько измѣнять эту картину, но закономѣрность этимъ все-таки не уничтожается.

Кромѣ противорѣчій критикъ говоритъ и о недостаточной обоснованности многихъ положеній объ интуитивномъ и позитивномъ правѣ. Но вѣдь окончательно обоснованныхъ положеній почти нельзя найти ни въ одной наукѣ, а психологическая теорія даже не затронула нѣкоторыхъ вопросовъ, напр., вопроса о происхожденіи и развитіи права, въ связи съ которыми многіе уже затронутые и частично обоснованные ею вопросы, получатъ болѣе полное объясненіе и обоснованіе. Можно и теперь уже удивляться обилію поставленныхъ и разрѣшенныхъ ею вопросовъ и количеству и силѣ того научнаго свѣта, который она проливаетъ на изслѣдуемыя ею явленія.

Въ концѣ концовъ г. Дембскій приходитъ къ выводу, что подъ именемъ права въ психологической теоріи объединены явленія, не имѣющія единой природы: во-первыхъ,

различаются обязательная и притязательная правовыя психики, которыя представляютъ принципіально разнородные мотиваціонные процессы; во-вторыхъ, различаются интуитивная и позитивная правовыя психики, какъ имѣющія каждая свою исключительную область дѣйствія и одна на другую не сводимыя (стр. 34, 35).

О недоразумѣніи, лежащемъ въ основѣ перваго пункта критики, говорилось выше (стр. 69, 70, 71). По поводу второго пункта слѣдуетъ сказать, что изъ обстоятельства несводимости и исключительныхъ областей дѣйствія этихъ двухъ психикъ можно заключить лишь, что различеніе ихъ, какъ видовъ въ предѣлахъ общаго рода, имѣетъ за себя вполнѣ серіозныя научныя данныя, а никакъ не то, что ихъ нельзя соединить въ общій родъ. Если бы одну изъ этихъ психикъ можно было свести на другую, тогда и нельзя было бы различать этихъ двухъ видовъ права. Кромѣ того, надо замѣтить, что интуитивное и позитивное право объединяются въ одномъ общемъ родовомъ понятіи права по характеру эмоціональнаго элемента въ ихъ психическомъ составѣ, а потому всякая критика противъ ихъ объединенія прежде всего должна быть направлена на эту ихъ сторону, но послѣднее въ критикѣ Дембскаго какъ разъ отсутствуетъ.

Вопроса объ интуитивномъ и позитивномъ правѣ кромѣ г. Дембскаго касается проф. Рейснеръ.

Послѣдній, будучи сторонникомъ психологической теоріи въ цѣломъ, желаетъ внести нѣкоторыя поправки въ ученіе о взаимныхъ отношеніяхъ интуитивнаго и позитивнаго права. Не все представляется ему правильнымъ въ положеніяхъ проф. Петражицкаго по этому вопросу. „Мотиваціи здѣсь и тамъ“ (т. е. въ области интуитивнаго и позитивнаго права)—говоритъ проф. Рейснеръ—„построены на исключающихъ другъ друга принципахъ, нѣтъ и не можетъ быть взаимной поддержки и взаимнаго укрѣпленія этихъ двухъ психикъ, если одна не подчиняется другой; слѣдовательно, не о согласіи по содержанію здѣсь идетъ рѣчь, а о преобладающей роли одной, которая и опредѣляетъ другую“ (стр. 89).

Въ правильности своихъ выводовъ критикъ убѣждается изъ знакомства съ взаимнымъ отношеніемъ позитивнаго и интуитивнаго права. Доказательствомъ различія мотиваціи того и другого права служитъ то обстоятельство, что въ

первомъ изъ нихъ (позитивномъ) „представленіе начальственнаго кулака“, во второмъ –„вѣчной справедливости“ опредѣляетъ психику къ дѣйствію. Существованіе областей исключительнаго дѣйствія того и другого права, постоянное содержаніе хода развитія ихъ, слагающееся изъ конфликтовъ и противорѣчій между ними (стр. 92) — дальнѣйшія доказательства того отношенія между позитивнымъ и интуитивномъ правомъ, о которомъ говоритъ критикъ. Фактъ гибели сопротивляющагося позитивнаго права въ борьбѣ съ интуитивнымъ также говоритъ не въ пользу согласія этихъ двухъ правовыхъ психикъ: „здѣсь вынужденное и необходимое согласованіе одной съ другою. И это согласованіе немыслимо, если не признать существеннаго различія, а затѣмъ и зависимости одна отъ другой двухъ правовыхъ психикъ“ (стр 89).

Всѣ эти доказательства не могутъ обосновать правильности защищаемой проф. Рейснеромъ точки зрѣнія на взаимоотношеніе интуитивнаго и позитивнаго права. Прежде всего нѣтъ указаннаго авторомъ различія въ мотивації того и другого права: совсѣмъ не „представленіе начальственнаго кулака“ опредѣляетъ къ дѣйствію позитивно-правовую психику, а нѣчто болѣе благородное, авторитетное; „кулакъ“ никогда не создаетъ права, онъ можетъ вызвать лишь подчиненіе своей грубой силѣ; вѣдь даже не каждый законъ нормативно опредѣляетъ психику, т. е. вызываетъ нормативныя переживанія. Изъ существованія областей исключительнаго дѣйствія интуитивнаго и позитивнаго права можно заключить какъ разъ о самостоятельности и независимомъ положеніи каждаго изъ нихъ (хотя бы въ предѣлахъ этихъ областей), а не о подчиненности одного другому. Ходъ развитія ихъ вовсе не заполненъ сплошь конфликтами и противорѣчіями. Послѣднія совершенно отсутствуютъ при развитіи того и другого права въ сферахъ исключительнаго дѣйствія каждаго изъ нихъ. Въ сферѣ совмѣстнаго ихъ дѣйстія развитіе совершается также безъ борьбы до накопленія существенныхъ между ними разногласій. Фактъ гибели позитивнаго права въ борьбѣ съ интуитивнымъ при условіи существенныхъ разногласій между ними, дѣйствительно, подтверждаетъ положеніе о подчиненіи въ данномъ случаѣ одной правовой психики другой, а не о взаимной ихъ поддержкѣ и укрѣпленіи, но возможность такого отно-

шенія не отрицаетъ и проф. Петражицкій: въ разногласіяхъ между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ онъ видитъ даже главную причину соціальныхъ революцій.

Однако, сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда позитивное и интуитивное право идутъ рука объ руку другъ съ другомъ; часто интуитивно-правовыя убѣжденія (въ особенности при оспариваніи кѣмъ-либо ихъ правильности) переходятъ въ позитивно-правовыя: въ подкрѣпленіе ихъ начинаютъ ссылаться на законъ, обычай и др. нормативные факты. Наблюдается и обратное: позитивно-правовыя убѣжденія (напр., при оспариваніи ихъ черезъ указаніе неправильности ссылокъ на нормативные факты) получаютъ подкрѣпленіе въ интуитивно-правовыхъ убѣжденіяхъ, одинаковыхъ по содержанію съ позитивными. Какъ здѣсь не говорить о взаимной поддержкѣ и взаимоукрѣпленіи этихъ двухъ правовыхъ психикъ внѣ всякой зависимости и подчиненія одной изъ нихъ другой.

„На ряду съ вліяніемъ интуитивнаго права на развитіе позитивнаго имѣется еще и процессъ обратнаго взаимодѣйствія,—вліяніе позитивнаго права на развитіе интуитивнаго", говоритъ проф. Петражицкій и въ подтвержденіе этого тезиса ссылается на факты, между прочимъ, на отмѣну крѣпостного права въ Россіи, повлекшую за собою цѣлый переворотъ правовой психики крестьянъ и помѣщиковъ. Натяжкой и преувеличеніемъ кажется проф. Рейснеру такая роль позитивнаго права. „Развѣ не извѣстенъ... тотъ фактъ"—говоритъ онъ—„что болѣе столѣтія до освобожденія длилась непрестанная война крестьянъ съ правительствомъ за поруганное право, а слѣдовательно и здѣсь интуитивное право предшествовало положительному" (стр. 95). Конечно, извѣстенъ, но все же эта война не производила никакого переворота въ массовыхъ воззрѣніяхъ, онъ произведенъ лишь самой отмѣной. Надо учесть еще и тотъ фактъ, что многіе крестьяне до отмѣны крѣпостничества и не сознавали своего „поруганнаго права", и только законодательная реформа переродила ихъ правовую психику. Если нѣкоторою частью крестьянъ (и помѣщиковъ) право свободы осознано впервые въ формѣ интуитивнаго права, то другою ихъ частью—въ формѣ позитивнаго, и потомъ уже стало достояніемъ ихъ интуитивно-правового сознанія, а этого уже достаточно для доказательства тезиса проф. Петражицкаго.

Къ вопросу о видахъ права относится и вопросъ о справедливости.

Дѣло въ томъ, что психологическая теорія, рѣшивъ проблему о существѣ права, тѣмъ самымъ даетъ отвѣтъ на вопросъ о реальномъ въ явленіи справедливости. Реальнымъ въ справедливости являются эмоціонально-интеллектуальныя переживанія правового типа, именно интуитивное право. По поводу этого въ литературѣ высказаны различныя мнѣнія. Проф. Рейснеръ находитъ, что полное совпаденіе этихъ двухъ понятій (справедливости и интуитивнаго права) доказывается въ психологической теоріи настолько убѣдительно, что остается лишь цѣликомъ присоединиться къ такому воззрѣнію (стр. 88). По мнѣнію же пр. Хвостова, психологическая теорія даже „разрушаетъ справедливость", такъ какъ для нея „справедливость есть интуитивное право, во всемъ разнообразіи его содержанія для каждаго индивида", и „никакой попытки открыть какое-нибудь руководящее начало въ понятіи справедливости авторъ (ея) не дѣлаетъ; не дѣлаетъ онъ и попытокъ сколько-нибудь обстоятельно опровергнуть тѣ опредѣленія справедливости, которыя дѣлались до него съ цѣлью выяснить этотъ руководящій и неизмѣнный принципъ справедливости, который сообщаетъ ей очень немаловажное объективное значеніе" (стр. 198).

Замѣчанія проф. Хвостова не могутъ быть признаны основательными. Дѣло въ томъ, что традиціонныя попытки опредѣлить справедливость таковы, что къ нимъ примѣнима вся та критика, которую проф. Петражицкій изложилъ по адресу ученій юристовъ и моралистовъ о существѣ права и нравственности и самыхъ пріемовъ мышленія и изслѣдованія этихъ вопросовъ; повторять ее второй разъ не было надобности. Съ другой стороны, изъ смысла и характера рѣшенія проблемы о существѣ права и нравственности съ логической неизбѣжностью вытекаетъ, что справедливость не является чѣмъ-то постороннимъ, третьимъ по отношенію къ этимъ явленіямъ. Остается только рѣшить на основаніи самонаблюденія и соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія—является ли справедливость правомъ или нравственностью и какимъ (интуитивнымъ или позитивнымъ) правомъ или нравственностью. Проф. Петражицкій рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что справедливость есть интуи-

тивное право. Опять-таки обоснованіе ученія о правѣ вообще и интуитивномъ правѣ распространяется и на справедливость. Смыслъ психологической теоріи права, а слѣдовательно и справедливости, исключаетъ возможность исканія объективнаго ея принципа. Въ разсужденіяхъ же проф. Хвостова, собственно говоря, не содержится никакихъ аргументовъ противъ новаго пониманія справедливости. Ему просто жаль прежней, какъ ему кажется, объективной справедливости. Объективность же ея, въ сущности говоря, призрачна: традиціонныя опредѣленія справедливости по содержанію (справедливаго) поведенія и другія въ дѣйствительности представляютъ чистѣйшій субъективизмъ, который въ лучшемъ случаѣ общъ нѣсколькимъ лицамъ.

Болѣе основательными представляются замѣчанія проф. Паліенко о томъ, что „признаніе тѣхъ или другихъ явленій справедливыми часто основывается на нормоустановительныхъ фактахъ (справедливо—потому, что такъ постановили Богъ. царь, судьи, свѣдущіе, авторитетные, добросовѣстные люди и т. д.). Такія переживанія справедливости, какъ основанныя на нормоустановительныхъ фактахъ, должны быть отнесены, примѣняя понятіе позитивнаго права г. Петражицкаго, къ позитивному, а не интуитивному праву“ („Ученіе о существѣ права“, стр. 278).

Такъ какъ указанныя здѣсь переживанія въ дѣйствительной жизни имѣютъ (въ особенности въ прежнія эпохи имѣли) мѣсто, то приходится признать, что справедливость есть не только интуитивное, но и позитивное право, другими словами, справедливость есть право вообще. Такое рѣшеніе вопроса нельзя устранить указаніемъ на то, что оно основано на привычкахъ называнія, такъ какъ, если, рѣшивъ вопросъ о существѣ права и его видахъ, мы говоримъ, что справедливость есть одинъ изъ этихъ видовъ права или все право, то въ сущности мы не создаемъ новаго понятія, а указываемъ лишь, что для нашего класса явленій есть еще одно названіе, а отсюда слѣдуетъ, что та поправка, которую вноситъ проф. Паліенко, не мѣняетъ существа ученій психологической теоріи о видахъ права и сводится лишь къ словесному исправленію. Послѣднее, конечно, также имѣетъ свое значеніе.

Разсмотримъ еще нѣкоторыя замѣчанія критиковъ психологической теоріи права.

Этическимъ эмоціямъ, какъ и другимъ эмоціональнымъ актамъ, свойственно явленіе эмоціональной проекціи или фантазіи, выражающееся въ объективированіи со стороны переживающихъ ихъ собственныхъ психическихъ состояній, въ силу чего имъ представляются существующими во внѣшнемъ мірѣ различные объекты, ихъ свойства, процессы и т. п. Нормы, права и обязанности, съ которыми имѣли дѣло юристы и моралисты, какъ реальными величинами внѣшняго міра, по ученію проф. Петражицкаго суть не что иное, какъ такія эмоціональныя фантазмы, проектированныя во внѣ величины: нормы—въ качествѣ велѣній и запретовъ, права и обязанности—какъ особыя принадлежности различныхъ субъектовъ. Эти продукты проекціи имѣютъ въ отличіе отъ разныхъ иныхъ особый—нормативный характеръ. Нормы, напр., представляются въ качествѣ велѣній и запретовъ не ради какой-либо цѣли или пользы, а такъ сказать, принципіальныхъ велѣній и запретовъ.

Откуда берется ихъ нормативный характеръ?

По словамъ проф. Орженцкаго, авторъ психологической теоріи „повидимому, и не усматриваетъ здѣсь никакого особаго вопроса. Ему представляется дѣло въ такомъ видѣ, что переживаемыя репульсіи и аппульсіи, будучи проицированы вовнѣ, сразу и непосредственно сообщаютъ нормативный характеръ соотвѣтствующимъ представленіямъ или, говоря иначе, сразу проицируются въ видѣ велѣній и запрещеній. На самомъ дѣлѣ этотъ процессъ не такъ простъ. Всѣ наши дѣйствія и цѣли являются результатомъ аппульсивныхъ и репульсивныхъ психическихъ процессовъ... Однако, не всѣ цѣли и не всѣ дѣйствія пріобрѣтаютъ въ силу этого нормативный характеръ... одно и то же акціонное представленіе, вызывающее репульсивное къ себѣ отношеніе, напр., представленіе лжи, можетъ давать въ результатѣ простое фактическое поведеніе — я не стану или не хочу лгать, такъ и нормативный запретъ — я не долженъ лгать“ (стр. 130, 131).

Эти разсужденія лишній разъ подтверждаютъ констатированное выше недостаточно вдумчивое отношеніе критика къ ученію объ эмоціяхъ вообще и этическихъ эмоціяхъ въ частности. Онъ представляетъ себѣ дѣло такъ, будто бы всѣ эмоціи, различаясь только тѣмъ, что однѣ изъ нихъ аппульсивны, другія репульсивны, во всѣхъ прочихъ отно-

шеніяхъ одинаковы, равны другъ другу. Въ такомъ случаѣ, конечно, трудно понять, почему одно поведеніе имѣетъ нормативный характеръ, другое лишено его. На самомъ же дѣлѣ, эмоціональная психологія знаетъ разнообразныя по характеру и проявленіямъ эмоціи, специфическою природою которыхъ и объясняется различный характеръ поведенія въ разныхъ случаяхъ. Въ частности нормативный характеръ этическихъ проекцій (и соотвѣтственнаго поведенія) объясняется особымъ характеромъ эмоціональнаго элемента этическихъ переживаній: эмоціи, лежащія въ основѣ сознанія долга, переживаются какъ внутренняя помѣха свободѣ и неуклонное давленіе въ пользу извѣстнаго поведенія независимо отъ цѣли или пользы послѣдняго, другими словами, принципіально, нормативно, и этотъ характеръ ихъ по ассоціаціи передается связаннымъ съ ними фантазмамъ — нормамъ и т. д. Все это объяснено авторомъ психологической теоріи.

Дѣйствительно серіознымъ и подлежащимъ еще разрѣшенію вопросомъ для психологической теоріи является вопросъ о происхожденіи и развитіи права, но и здѣсь нельзя сдѣлать никакихъ упрековъ автору ея, такъ какъ теорія эмоціональнаго подбора и развитія, на почвѣ которой долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о происхожденіи и развитіи права, адэкватна не праву спеціально, а несравненно болѣе обширному классу явленій, отчего должна составить особую систему положеній, особую дисциплину.

Характерно, что другіе критики уже не задаютъ вопроса, откуда берется нормативный характеръ извѣстныхъ проекцій. Онъ имъ, значитъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляется яснымъ, зато всплываютъ другіе, не менѣе лишенные почвы, вопросы. Такъ, напр., проф. Хвостовъ спрашиваетъ: „Какова же цѣнность права и его внутренній смыслъ, во имя чего оно существуетъ?“ По его мнѣнію, проф. Петражицкій даетъ на это отвѣтъ „въ самомъ пессимистическомъ духѣ. Оказывается, что и право, и нравственность, и справедливость,— все это не болѣе какъ темныя, часто не освѣщенныя никакимъ сознаніемъ эмоціональныя переживанія, которыя полезны для приспособленія и поддержанія существованія и которыя въ чисто утилитарныхъ цѣляхъ подвергаются унификаціонной обработкѣ“ (стр. 198).

Читатель на основаніи приведенной цитаты могъ бы

подумать, что право по ученію проф. Петражицкаго служитъ той же цѣли, какъ рога, клыки и т. п. аттрибуты животныхъ. Но это было бы совсѣмъ не то, что находится въ трудахъ проф. Петражицкаго. Тамъ говорится, что „право (а также и нравственность) представляетъ сложную и могучую школу соціализаціи народнаго характера, приспособленія его къ разумному общежитію“ (Теорія, т. II, 690), служитъ духовному прогрессу и „идеалу дѣйственной любви въ человѣчествѣ“. Такое пониманіе цѣли и назначенія права едва ли пессимистично, въ особенности по сравненію съ традиціонными воззрѣніями по этому вопросу (ср., напр., ученіе Іеринга и др.). Роль и функціи права особенно ярко подчеркнуты проф. Петражицкимъ въ § 7 „Теоріи“, гдѣ рѣчь идетъ о мотивационномъ и воспитательномъ его дѣйствіи, и въ §§ 11 и 12, гдѣ говорится объ общественныхъ функціяхъ права—распредѣлительной и организаціонной.

Передавая содержаніе психологической теоріи въ „Этюдахъ по современной этикѣ“, проф. Хвостовъ ограничился только I томомъ „Теоріи“, находя, что разсужденія II тома мало прибавляютъ къ тому, что было сказано въ I-омъ. Такое мнѣніе не прошло для него даромъ: тамъ какъ разъ можно было узнать, въ чемъ заключается порука, что правовыя и нравственныя переживанія, какъ они поняты проф. Петражицкимъ, не ведутъ насъ по пути иллюзіонизма. Порука эта заключается въ тѣхъ процессахъ эмоціональнаго подбора, схема котораго уже дана авторомъ психологической теоріи. Тамъ же можно было видѣть, что далеко не всѣ виды права имѣютъ одну и ту же цѣну. Для настоящаго времени законному праву, напр., отдается предпочтеніе передъ обычнымъ, которое было цѣннымъ видомъ права на низшихъ ступеняхъ культуры *). Моментъ оцѣнки съ точки зрѣнія право-политической и догматической дѣйствительно отсутствуетъ въ изложеніи проф. Петражицкимъ своей теоріи, но не случайно, а такъ сказать dolo malo: эти вопросы не относятся къ теоріи права, и если отчасти затрогиваются, то лишь съ служебной цѣлью, именно для выясненія надлежащей постановки теоретическихъ проблемъ. Въ соотвѣт-

*) Между прочимъ, проф. Хвостовъ, говоря о томъ, что для автора психол. теоріи одинаковы всѣ виды права, противополагаетъ суевѣрное право офиціальному и интуитивному, какъ будто бы офиціальное право не можетъ быть суевѣрнымъ и въ то же время интуитивнымъ

ственныхъ мѣстахъ все это объясняется и мотивируется. Но критикъ ничего не замѣчаетъ и строитъ свои догадки, говоря, что авторъ психологической теоріи считаетъ подобные вопросы не научными въ строгомъ смыслѣ, а метафизическими.

Все это представляется, быть можетъ, мелочами, о которыхъ можно было и не говорить, но въ данномъ случаѣ дѣло осложняется тѣмъ, что подобныя догадки о метафизикѣ ужъ очень сильно идутъ въ разрѣзъ съ общеизвѣстнымъ фактомъ предложенія проф. Петражицкимъ создать особую практическую дисциплину (политику права), задачей и основнымъ моментомъ которой была бы оцѣнка различныхъ институтовъ права на строго научныхъ основаніяхъ.

Разсмотрѣніе критики ученій психологической теоріи о реальномъ въ этикѣ (правѣ и нравственности), о мѣстѣ нахожденія этихъ явленій, о видахъ права, его смыслѣ и назначеніи приводитъ къ твердому и несомнѣнному убѣжденію правильности построеній психологической теоріи по даннымъ вопросамъ и неудачности опроверженій ихъ со стороны критиковъ.

IV.

Право и нравственность.

1. Обзоръ критики дѣленія этики на право и нравственность по ученію психологической теоріи.

Сознаніе долга, обязанности, этическое сознаніе или этическія переживанія слагаются изъ представленія какого-либо поведенія и особыхъ отвергающихъ или одобряющихъ это поведеніе эмоцій долга. Сверхъ представленій извѣстнаго поведенія (или объектовъ обязанности) въ составѣ этическихъ переживаній могутъ присутствовать иныя представленія: представленія субъектовъ обязанности; условій, отъ наличности коихъ зависитъ обязательность извѣстнаго поведенія; различныхъ внѣшнихъ авторитетовъ и фактовъ, установляющихъ его обязательность. Съ природою этическихъ эмоцій связано проецированіе вовнѣ въ качествѣ объективно существующихъ, на самомъ дѣлѣ мнимыхъ, реальностей—обязанностей и нормъ.

Наблюдая различные случаи сознанія долга, обязанности, проф Петражицкій отмѣчаетъ слѣдующее:

„Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этическаго сознанія то, къ чему мы считаемъ себя обязанными, представляется намъ причитающимся другому, какъ нѣчто ему должное, слѣдующее ему отъ насъ, такъ что онъ можетъ притязать на соотвѣтственное исполненіе съ нашей стороны". Такъ обыкновенно переживается, напр., обязанность уплатить условленную плату рабочему или прислугѣ, отдать взятое взаймы.

„Въ другихъ случаяхъ этическаго сознанія, напр., если мы считаемъ себя обязанными оказать денежную помощь нуждающемуся, дать милостыню и т. п., то, къ чему мы себя считаемъ обязанными, не представляется намъ причитающимся другому"...

Въ случаяхъ перваго рода обязанность одного закрѣплена за другимъ, какъ его добро, его право. Соотвѣтственныя нормы, установляя обязанность для одного, закрѣпляютъ эту обязанность за другимъ, даютъ ему право, притязаніе. Такія обязанности и нормы проф. Петражицкій называетъ правовыми, а лежащія въ ихъ основѣ и порождающія ихъ эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія — правомъ въ реально-психологическомъ смыслѣ.

Въ случаяхъ второго рода обязанность одного не закрѣплена за другимъ, представляется по отношенію къ нему свободной, а нормы, установляющія такія обязанности, предписываютъ однимъ извѣстное поведеніе, но не даютъ другимъ никакого притязанія на исполненіе, никакихъ правъ. Эти обязанности и нормы проф. Петражицкій называетъ нравственными, а соотвѣтственныя эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія—нравственностью въ реально-психологическомъ смыслѣ.

Нравственныя переживанія и нормы являются чисто-императивными, правовыя — императивно-аттрибутивными.

Продолжая и углубляя анализъ этическихъ переживаній, авторъ этихъ ученій находитъ объясненіе указанныхъ различій сознанія долга въ различіи эмоціональнаго элемента соотвѣтственныхъ переживаній. По его мнѣнію, эмоціи, лежащія въ основаніи сознанія нашихъ правовыхъ обязанностей по отношенію къ другимъ, относятся къ раз-

ряду внѣшнихъ (въ условномъ смыслѣ), приходящихъ къ намъ (обязаннымъ) извнѣ и добывающихъ отъ насъ извѣстное поведеніе для другого (т. е. переживаются съ такимъ оттѣнкомъ); эмоціи же, лежащія въ основаніи сознанія нашихъ нравственныхъ обязанностей, относятся къ разряду внутреннихъ (въ условномъ смыслѣ) понуканій къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ.

Этому соотвѣтствуютъ и этимъ объясняются не только указанныя различія въ проекціяхъ (обязанностяхъ и нормахъ) правовыхъ и нравственныхъ переживаній, но и различія въ интеллектуальномъ ихъ составѣ. Въ правовыхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаніяхъ сверхъ представленій объектовъ и субъектовъ обязанностей могутъ находиться представленія субъектовъ и объектовъ правъ, имъ свойственна парность объектныхъ и субъектныхъ представленій.

Установленныя такимъ образомъ понятія права и нравственности, очевидно, не зависятъ отъ чьихъ-либо представленій о существѣ этихъ явленій и привычекъ называть что-либо правомъ или нравственностью. Но вслѣдствіе того, что удалось отыскать какъ разъ тѣ психическіе акты, которые лежатъ въ основѣ людскихъ представленій и разговоровъ объ обязанностяхъ, правахъ и т. д., получилось почти полное соотвѣтствіе общенароднаго примѣненія словъ—право, нравственная обязанность установленнымъ видамъ этическаго сознанія.

Сообразно своимъ методологическимъ требованіямъ проф Петражицкій не останавливается на установленіи понятій права и нравственности, а стремится обосновать годность этого дѣленія этики, какъ средства и базиса для добыванія научнаго свѣта, для правильнаго познанія и объясненія явленій. Съ этою цѣлью онъ указываетъ цѣлые ряды дальнѣйшихъ характерныхъ свойствъ и особенностей права и нравственности, объясняющихся специфическою природою каждаго изъ этихъ видовъ этики и съ нею причинно связанныхъ, другими словами, создаетъ рядъ адэкватныхъ праву и нравственности теорій; такъ, напр., устанавливаются различія мотиваціоннаго и воспитательнаго дѣйствія права и нравственности, различное ихъ отношеніе къ исполненію и неисполненію обязанностей, вообще ихъ различная роль, какъ факторовъ соціально-психической жизни.

Отсюда ясенъ и тотъ путь, которымъ должна итти строго

объективная и научная повѣрка даннаго пункта психологической теоріи. Необходимо прежде всего повторить анализъ отдѣльныхъ случаевъ сознанія долга, затѣмъ разсмотрѣть ученіе о „внѣшнихъ“ и „внутреннихъ“ этическихъ эмоціяхъ, и, наконецъ, остановиться на тѣхъ характерныхъ свойствахъ и тенденціяхъ права и нравственности, выясненіе которыхъ является научнымъ оправданіемъ годности установленнаго авторомъ дѣленія этики на два вида.

Вторымъ необходимымъ условіемъ удачности и научной цѣнности критики является безошибочное представленіе о методологической структурѣ и содержаніи критикуемаго ученія.

Ни тому ни другому условію не удовлетворяютъ авторы, взявшіеся оспорить указанное проф. Петражицкимъ разграниченіе нрава и нравственности.

Три ступени, три фазы, черезъ которыя проводитъ проф. Петражицкій свое ученіе о дѣленіи этики на два вида: право и нравственность,—фазы, свидѣтельствующія о замѣчательной глубинѣ его научнаго творчества и сообщающія всему ученію, независимо отъ матеріальной его правильности, характеръ и значеніе въ высшей степени научнаго изслѣдованія, критиками не оцѣнены, не поняты въ этомъ своемъ значеніи. Возраженія ихъ не строятся параллельно развитію обоснованія опровергаемаго ими ученія, не схватываютъ послѣдняго во всей его глубинѣ и научномъ смыслѣ, методологически ему не соразмѣрны, а потому и научно не убѣдительны. Если выставляемый ими тезисъ—всѣ этическія нормы, въ томъ числѣ, значитъ, и нравственныя императивно-аттрибутивны, другими словами, не только однихъ обязываютъ, но и другихъ надѣляютъ,—самъ по себѣ вѣренъ, все же онъ научно не обоснованъ, такъ какъ ихъ возраженія касаются лишь первой стадіи обоснованія проф. Петражицкимъ его дѣленія этики на виды, а именно—анализа отдѣльныхъ случаевъ сознанія долга; совершенно минуютъ вторую стадію—анализъ характера этическихъ эмоцій, объясняющій и подкрѣпляющій наблюденія ему предшествующія, и не затрогиваютъ совсѣмъ или въ должной мѣрѣ и значеніи наблюденій третьей стадіи, формулированныхъ проф. Петражицкимъ въ видѣ адэкватныхъ теорій, обосновывающихъ наблюденія первыхъ двухъ стадій.

Но и въ предѣлахъ затронутыхъ критиками данныхъ

возраженія ихъ сопровождаются такими промахами, которые окончательно уничтожаютъ научную цѣнность этихъ возраженій.

Разсмотримъ возраженія каждаго критика въ отдѣльности.

Раньше другихъ противъ разграниченія права и нравственности по указанному психологической теоріей признаку высказался проф. кн. Е. Трубецкой въ „Вопросахъ философіи и психологіи" (книга 57, 1901 г.) *). Критика его не можетъ быть признана убѣдительной: во-первыхъ, потому, что она совершенно не касается вопроса о „внѣшнихъ" и „внутреннихъ" этическихъ эмоціяхъ и тѣхъ характерныхъ свойствъ и тенденцій, которыя связаны со специфической природой права въ отличіе отъ свойствъ и тенденцій характерныхъ для нравственности, и которыя по смыслу методологическихъ пріемовъ, лежащихъ въ основѣ психологической теоріи, обосновываютъ объективную наличность установленныхъ проф. Петражицкимъ видовъ этики. Это существенное опущеніе лишаетъ критику научнаго значенія и низводитъ ее на степень простого мнѣнія. Во-вторыхъ, нельзя даже сказать, насколько критерій, указанный психологической теоріей для различенія права и нравственности, точно схваченъ проф. Трубецкимъ: возражая противъ односторонне-императивнаго характера нравственности, онъ говоритъ: „Если бѣднякъ Иванъ не имѣетъ права требовать отъ насъ матеріальной помощи, то это не значитъ, чтобы мы были въ отношеніи къ нему „свободны", ничѣмъ не связаны", какъ будто бы свободныя по отношенію къ другимъ (въ смыслѣ односторонне-связывающихъ, но не надѣляющихъ правомъ) нравственныя, по ученію проф. Петражицкаго, нормы даютъ абсолютную свободу для обязаннаго; напротивъ, и нравственныя нормы связываютъ насъ, но только не такъ, чтобы другому что-либо причиталось, какъ его добро, и онъ могъ бы этого требовать, онѣ односторонне обязываютъ или связываютъ. Объ абсолютной свободѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ всякое этическое сознаніе переживается, какъ внуренняя помѣха свободѣ. Такая критика, покоящаяся на за-

*) Эта критика повторена затѣмъ въ «Лекціяхъ по энциклопедіи права».

блужденіи относительно смысла критикуемаго, конечно, не можетъ быть убѣдительной.

Другой критикъ, проф. Орженцкій, соглашаясь съ тѣмъ, что нормы права имѣютъ двусторонній императивно-аттрибутивный характеръ, говоритъ, что его представленіямъ о нравственности противорѣчитъ, чтобы нравственныя нормы имѣли исключительно императивный характеръ. Онъ предусматриваетъ, что ему можно „возразить, что вопросъ не долженъ рѣшаться на основаніи субъективныхъ представленій", но ему „кажется, что и у Петражицкаго дѣло сводится къ такому субъективному представленію: въ его субъективномъ убѣжденіи понятіе нравственнаго долга не мирится съ допущеніемъ возможности требовать должнаго" (стр. 132)

Изъ изображеннаго выше способа образованія проф. Петражицкимъ понятій права и нравственности можно съ очевидностью усмотрѣть, что дѣло идетъ не о гаданіи о природѣ правовыхъ и нравственныхъ нормъ по заранѣе имѣющимся представленіямъ о нравственности и правѣ, а о наблюденіяхъ этическаго сознанія независимо отъ чьихъ-либо мнѣній и представленій, констатированіи чисто императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ переживаній и нормъ и условномъ названіи первыхъ нравственными, вторыхъ правовыми.

Относя къ праву нормы, обязательность которыхъ основана на общественномъ признаніи, критикъ утверждаетъ, что „съ этой точки зрѣнія нетрудно понять, почему праву присущи указанныя проф. Петражицкимъ тенденціи" (стр.133). Что съ этой точки зрѣнія указанныхъ тенденцій понять не возможно, достаточно сослаться на явленіе суда: онъ сопутствуетъ и нормамъ, обязательность которыхъ основана на нашемъ собственномъ признаніи (совѣсти), т. е. нравственности (по мнѣнію самого критика), и нормамъ, обязательность которыхъ основана на признаніи авторитета верховнаго существа (Бога), т. е. религіознымъ (по мнѣнію критика).

Слегка касаясь указанныхъ проф. Петражицкимъ тенденцій, присущихъ праву, и заблуждаясь относительно способа, коимъ образованы понятія права и нравственности, критика Орженцкаго совершенно обходитъ вопросъ объ объясненіи различій въ сознаніи долга ученіемъ о „внѣшнихъ"

и „внутреннихъ“ этическихъ эмоціяхъ, такъ что она и поэтому не можетъ быть признана правильной.

Разсмотримъ возраженія проф. Паліенко. Признавъ, что аттрибутивность нормативныхъ переживаній свойственна не только праву, но и всѣмъ вообще этическимъ нормамъ, а слѣдовательно и нравственнымъ, проф. Паліенко на положеніе психологической теоріи, гласящее, что въ интересахъ научной классификаціи всѣ императивно-аттрибутивныя переживанія, какъ переживанія sui generis, независимо отъ того, признаетъ ли ихъ кто-либо нравственными, слѣдуетъ отнести къ праву, какъ явленія притязательной психики, а всѣ переживанія чисто императивнаго характера, т. е. этическія явленія безпритязательной психики, къ нравственности,— отвѣчаетъ: „...мы не видимъ научной необходимости такъ классифицировать этическія явленія“ (стр. 277).

Отвѣтъ этотъ позволяетъ думать, что критикъ не отрицаетъ существованія чисто императивной психики, и его утвержденіе, что и нравственныя нормы аттрибутивны, касается не той нравственности, о которой говоритъ психологическая теорія, а исходитъ изъ сложившихся (ненаучнымъ путемъ) представленій о нравственности. Если бы онъ отрицалъ существованіе чисто императивныхъ этическихъ переживаній, то пришлось бы говорить не объ отсутствіи научной необходимости классифицировать этическія явленія по предложенному проф. Петражицкимъ признаку, а о невозможности такой классификаціи за отсутствіемъ соотвѣтственнаго объекта.

Высказанное мною предположеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе на тѣхъ страницахъ извѣстной намъ книги проф. Паліенко, гдѣ онъ, отвергая способъ образованія понятій проф. Петражицкаго, говоритъ, что при образованіи научныхъ понятій права и нравственности надо исходить изъ исторически сложившихся о нихъ представленій. Въ связи съ этимъ находится его отношеніе къ вопросу о различіи характера этическихъ эмоцій и къ адэкватнымъ теоріямъ. При обзорѣ критики методологическихъ основаній психологической теоріи уже была выяснена научная необоснованность и ошибочность его отношенія (см. выше, стр. 10.)

Совершенно ошибочное представленіе критика о природѣ того элемента правовыхъ и нравственныхъ переживаній, который является существеннымъ для нихъ и на основаніи

видовыхъ различій котораго психологическая теорія проводитъ различіе между правомъ и нравственностью, — окончательно лишаетъ критику проф. Паленко всякаго значенія. Онъ думаетъ, что, по ученію психол. теоріи, въ основѣ нравственныхъ переживаній лежатъ „односторонніе, пассивныя эмоціи", а въ основѣ правовыхъ—„двусторонніе, активно-пассивныя", въ дѣйствительности же „пассивныхъ" эмоцій совсѣмъ не существуетъ, онѣ всѣ — „активно-пассивные" психическіе акты и это ихъ существенный признакъ. Односторонне-императивный характеръ нравственности и двусторонній, императивно-аттрибутивный характеръ права означаютъ совершенно иное, какъ можно было убѣдиться выше.

Тенденціи характерныя для права въ отличіе отъ нравственности совсѣмъ обойдены критикомъ: онъ не признаетъ необходимости съ ними считаться, хотя и не доказываетъ ничѣмъ своего положенія.

Г. Савальскій также не признаетъ правильнымъ установленное проф. Петражицкимъ различіе между правомъ и нравственностью, такъ какъ „понятіе права и обязанности мыслимо только въ соотношеніи одного и другого. Нѣтъ только правъ, нѣтъ только обязанностей...Неисполненіе моральныхъ обязанностей многими переживается затѣмъ съ угрызеніемъ совѣсти въ неменьшей степени, чѣмъ неисполненіе правовой обязанности, слѣдовательно, переживается какъ закрѣпленное за другимъ право на нашу обязанность" (стр. 300).

Оба аргумента г. Савальскаго не выдерживаютъ критики: 1) въ представленіи переживающаго этическое сознаніе обязанностямъ одного, внѣ сомнѣнія, не всегда соотвѣтствуютъ права другого. Это прямо и выражается въ такихъ, напр., предложеніяхъ: „хотя я и обязанъ, но вы не имѣете права требовать"; 2) угрызенія совѣсти, какъ результатъ неисполненія своей обязанности, дѣйствительно, бываютъ и въ области нравственности, на что указываетъ и проф. Петражицкій, но это вовсе не доказываетъ „закрѣпленія" нашей обязанности за другимъ, какъ его права. Угрызенія совѣсти есть общій результатъ неисполненія и нравственныхъ (не закрѣпленныхъ) и правовыхъ (закрѣпленныхъ) обязанностей.

Критика г. Савальскаго, какъ и критика другихъ авторовъ, не можетъ опровергнуть указаннаго проф. Петражицкимъ разграниченія права и нравственности также

и потому, что не касается тенденцій (психологическихъ законовъ), спеціально свойственныхъ праву въ отличіе отъ нравственности, и обходитъ вопросъ о „внѣшнихъ“ и „внутреннихъ“ этическихъ эмоціяхъ.

Г. Дембскій слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое возраженіе: „Всякая обязанность, разъ она переживается, а не мыслится только,—не свободна по отношенію къ тому другому, который является адресатомъ исполненія обязанности, ея дестинатаромъ“ (стр. 18).

Для доказательства своего положенія онъ стремится выяснить, что всякое сознаніе долга содержитъ въ себѣ представленіе о томъ лицѣ, по адресу котораго предстоитъ выполнить обязательное поведеніе. Относительно ошибочности этого положенія говорилось выше. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что дестинатаромъ является то лицо, по адресу коего обязанность никогда не сознается, если онъ является только дестинатаромъ; въ этомъ качествѣ онъ является лишь точкой приложенія тѣхъ дѣйствій, въ связи съ представленіемъ которыхъ переживается сознаніе долга по адресу иного лица—субъекта, противостоящаго обязанному.

По мнѣнію г. Дембскаго, „самое существованіе обязанностей чисто-императивныхъ, свободныхъ по отношенію къ другимъ—миѳъ, обязанный своимъ происхожденіемъ принятію не-принципіальной мотиваціи за самую подлинную принципіальную“ (стр. 27). Въ послѣднемъ критикъ убѣдился изъ того, что, по описанію проф. Петражицкаго, возможно исполненіе нравственной обязанности, напр., помочь нищему, въ зависимости отъ доброй воли и усмотрѣнія обязаннаго, возможно перенесеніе ея на другого субъекта (болѣе нуждающагося) и т. п., тогда какъ „принципіальная“ мотивація неуклонно давитъ на поведеніе въ опредѣленномъ направленіи, не взвѣшиваетъ и не разсуждаетъ, такъ что, напр., рядомъ съ представленіемъ наличнаго нищаго не можетъ появиться представленіе другого, болѣе нуждающагося нищаго безъ того, чтобы переживающій обязанность подачи милости не принялъ его за искушеніе, съ коимъ ему надлежитъ бороться.

Въ основѣ этихъ разсужденій лежитъ ошибочное представленіе, свойственное многимъ критикамъ психологической теоріи и состоящее въ томъ, что свободная по отношенію

къ другимъ обязанность, зависящая отъ доброй воли и усмотрѣнія обязаннаго, означаетъ какую-то абсолютную свободу, отсутствіе всякой связанности; на самомъ же дѣлѣ, это означаетъ лишь свободу отъ притязанія, права другого; нравственная обязанность, по ученію проф. Петражицкаго, также связываетъ, но характеръ этой связанности, несвободы иной, чѣмъ въ переживаніяхъ правовыхъ обязанностей. Далѣе: смѣшеніе принципіальной и непринципіальной мотиваціи слѣдуетъ усматривать не въ психологической теоріи, а именно въ самой критикѣ. Если лицу, переживающему нравственную обязанность помочь субъекту А, попадается другой субъектъ Б, болѣе нуждающійся, то всѣ разсужденія о большей его нуждаемости и т. п. вовсе не относятся психологической теоріей къ принципіальной мотиваціи, или точнѣе, принципіальнымъ сужденіямъ; это лишь дополнительныя переживанія, благодаря которымъ принципіальная мотивація по адресу перваго лица (А) смѣняется болѣе сильной принципіальной мотиваціей къ такому же поведенію по адресу второго лица (Б). Вполнѣ возможно и не противорѣчитъ принципіальному характеру обѣихъ мотиваціи и то обстоятельство, что представленіе другого, болѣе нуждающагося, сыграетъ роль искушенія.

Признавъ ученіе проф. Петражицкаго о правѣ и нравственности покоящимся на смѣшеніи двухъ мотиваціи—цѣлевой и принципіальной, г. Дембскій такимъ образомъ устраняетъ это смѣшеніе: принципіальную мотивацію, при которой съ убѣжденіемъ говорятъ о справедливости и нравственномъ, и которая состоитъ въ сознаніи обязанностей (при чемъ обязанности, по его мнѣнію, всегда закрѣплены за адресатомъ ихъ, какъ его добро), онъ называетъ нравственностью. Цѣлевую мотивацію онъ относитъ къ праву и дѣлитъ ее на два вида по различію эффектовъ, на реализацію коихъ направлена соотвѣтственная эмоція, именно: на аппетитивно-цѣлевую, въ которой эффектомъ служитъ „добываніе, усвоеніе чего-либо почитаемаго своимъ, но въ фактическомъ распоряженіи своемъ не имѣемаго“, и оборонительно-цѣлевую, въ которой эффектомъ служитъ „избѣжаніе угрожающаго зла“. Любыя дѣйствія, приводящія къ цѣли, въ томъ числѣ хитрость и насиліе, служатъ здѣсь средствами добыванія. Если они не помогаютъ, является судъ. Такая мотивація и есть право. Въ

правѣ нельзя быть обязаннымъ, можно быть только „вынужденнымъ“.

Подъ „оборонительно-цѣлевую“ мотивацію г. Дембскаго подходятъ, напр., расчеты попавшаго въ руки разбойниковъ, требующихъ кошелекъ. Какая тутъ можетъ быть рѣчь о правѣ! „Аппетитивно-цѣлевая“ мотивація есть смѣшеніе двухъ мотивацій: принципіальной (поскольку дѣйствующій считаетъ добываемое „своимъ“—право въ смыслѣ психологической теоріи) и цѣлевой. Смѣшеніе, значитъ, находится въ ученіи самого критика, именно: онъ смѣшиваетъ право, поскольку оно создаетъ мотивы поведенія, и причинно связанное съ нимъ. По ученію проф. Петражицкаго, сознаніе кѣмъ-либо своего права и обязанности другого къ извѣстному поведенію можетъ вызвать въ случаѣ неисполненія обязанности такія психическія переживанія (и тѣлодвиженія), которыя являются цѣлевыми. Цѣлевая мотивація, значитъ, отграничена отъ права, не составляетъ его существа. Въ ученіи г. Дембскаго она входитъ въ составъ права.

Нравственность и право въ изображеніи г. Дембскаго совершенно разнородныя вещи. На какомъ основаніи онъ желаетъ изучать цѣлевую мотивацію подъ именемъ права, онъ не объясняетъ, а между тѣмъ область примѣненія этого имени совпадаетъ съ областью не цѣлевой, а принципіальной, или точнѣе, спеціальной части принципіальной мотиваціи. Его „оборонительно-цѣлевая“ мотивація, побуждающая къ избѣжанію угрожающаго зла, для чего средствами являются разныя хитрости и неблаговидные поступки вплоть до подкуповъ государственной власти, является не правомъ, а какой-то патологіей, отсутствіемъ всякаго права. И только въ той мотиваціи, которую г. Дембскій называетъ „аппетитивно-цѣлевой“, есть правовой элементъ, поскольку эмоція, въ ней проявляющаяся, побуждаетъ къ добыванію, усвоенію чего-либо почитаемаго с в о и м ъ. Основная ошибка г. Дембскаго состоитъ въ смѣшеніи разнородныхъ явленій и совершенно произвольномъ толкованіи фактовъ Изъ примѣчанія на стр. 52 и др. мѣстъ его брошюры узнаемъ, что не всякая цѣлевая мотивація будетъ правомъ, а только признанная и защищаемая властью общежитія. Нравственность—приспособленіе стихійно организующее, право—приспособленіе организующее сознательно. Общественная власть—необходимая предпосылка права. Въ послѣднемъ положеніи сказывается уже поворотъ

къ прежнимъ, казалось бы достаточно опровергнутымъ проф. Петражицкимъ, ученіямъ (безъ попытки доказать неправильность подлежащаго опроверженія).

Въ противоположность прочимъ критикамъ. г. Дембскій касается характерныхъ свойствъ и тенденцій правовой психики. Но онъ говоритъ только о незначительной части того, что имѣется въ наличности по этимъ вопросамъ, да и въ этихъ предѣлахъ его критическія разсужденія искажены существенными недоразумѣніями.

Такъ, напр., онъ удивленъ тѣмъ, что „въ большинствѣ разсужденій проф. Петражицкаго о правѣ императивная функція (сторона обязанности) ступевывается и совсѣмъ исчезаетъ, и ярко выступаетъ одна, исключительно одна активная сторона—притязаніе, правомочіе“ (стр. 29, примѣчаніе). Это удивленіе исключаетъ, конечно, возможность для критика правильно разобраться въ вопросѣ о причинно-связанномъ съ правомъ. Вѣдь въ разсужденіяхъ проф. Петражицкаго выдѣленіе активной стороны права совсѣмъ не случайность (какъ думаетъ критикъ): въ активной сторонѣ права заключается, по ученію проф. Петражицкаго, differentia specifica этой вѣтви этики, а съ нею и связаны характерныя тенденціи права въ отличіе отъ нравственности.

Склонность г. Дембскаго вездѣ находить противорѣчія проявилась и здѣсь: „конфликтно-притязательная“ природа права, по его мнѣнію, не согласуется съ „унификаціонной“ его тенденціей, т. е. тенденціей, направленной на достиженіе по возможности единыхъ, совпадающихъ по содержанію, мнѣній относительно обязанностей—правъ. Онъ не замѣчаетъ, что здѣсь не только нѣтъ противорѣчія, но именно съ „конфликтно-притязательной“ природой права на почвѣ соціально-культурнаго приспособленія связана и ею объясняется „унификаціонная“ его тенденція.

Самъ критикъ далѣе уже признаетъ, что въ данномъ случаѣ не будетъ противорѣчія, если говорить, что „притязательная природа права является поводомъ для дѣйствія иныхъ (не-правовыхъ) элементовъ психики—въ направленіи парализованія дурныхъ послѣдствій притязательности права“ (стр. 30). Спрашивается, не объ этомъ ли говоритъ и авторъ психологической теоріи? „Но тогда“, по мнѣнію критика, „надо было бы остановиться обстоятельно надъ вопросомъ, что это за элементы, откуда они берутся“ и т. д. Г. Дембъ-

скій, видимо, требуетъ того, чтобы всякій вопросъ науки былъ исчерпанъ въ критикуемомъ имъ сочиненіи до конца. Несомнѣнно, наука должна стремиться къ полнотѣ и законченности, но вѣдь этого нельзя выполнить за разъ и силами отдѣльной личности: это дѣло коллективной работы будущаго. Здѣсь снова приходится повторить, что въ содержаніи двухъ томовъ „Теоріи права“ проф. Петражицкаго и такъ затронуто и рѣшено чрезвычайно много крупныхъ вопросовъ. Впрочемъ, краткія указанія относительно факторовъ и процессовъ безсознательно удачнаго приспособленія права имѣются въ послѣдней главѣ „Теоріи права“.

Въ предѣлахъ унификаціонной тенденціи г. Дембскаго интересуютъ два спеціальныя ея вида: тенденція развитія единаго шаблона нормъ и унификація конкретныхъ правоотношеній (явленіе суда). И относительно этихъ, частныхъ законовъ-тенденцій критикъ не замѣчаетъ, что онѣ объясняются именно стремленіемъ правовой психики къ самоуправству, насильственному добыванію того, на что приписывающій другому обязанность считаетъ себя управомоченнымъ: къ чему единый шаблонъ нормъ и судъ, если и безъ нихъ все обстоитъ благополучно?

По поводу возможности самосуда и самоуправства критикъ спрашиваетъ: „и гдѣ хваленая воспитывающая роль законодательной политики?“ (стр. 32).

Тутъ можно сказать то же самое: законодательная политика необходима тогда, когда есть недостатки въ общественной жизни, и она играетъ роль въ исторіи человѣчества; въ частности возможность самоуправства по мѣрѣ совершающагося прогресса въ достаточной степени уменьшилась и поскольку имѣетъ мѣсто, то это обстоятельство означаетъ или отсутствіе мудрой законодательной политики, или неполную еще побѣду въ борьбѣ съ некультурными способами осуществленія своего права и т. п. Не всегда право оказываетъ быстрое и всеохватывающее дѣйствіе, иногда требуется продолжительная и настойчивая борьба, между прочимъ, съ помощью различныхъ суррогатовъ права—наказаній, наградъ и т. п.

2. Монистическое пониманіе этики.

Въ предыдущемъ изложеніи я старался доказать неудачность попытокъ опроверженія какъ методологическихъ

и психологическихъ ученій проф. Петражицкаго, такъ и конструированнаго имъ понятія этики и другихъ, болѣе частныхъ понятій и ученій. Большинство этихъ ученій необходимо признать неоспоримо правильными. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ самаго начала я сдѣлалъ оговорку, что та грань, которую проводитъ проф Петражицкій между правомъ и нравственностью, какъ качественно отличными видами этики, представляется непріемлемой. Въ этомъ пунктѣ и только въ этомъ смыслѣ возможно было бы присоединиться къ критикамъ психологической теоріи. Однако, ихъ критика и въ указанныхъ предѣлахъ методологически слаба, несоразмѣрна критикуемому ученію и научно неубѣдительна, ибо она касается только начальной стадіи въ обоснованіи дѣленія этики на виды — право и нравственность, т. е. той стадіи, которая является суммарнымъ наблюденіемъ сознанія долга въ цѣломъ, и не касается дальнѣйшаго анализа этого сознанія, имѣющаго цѣлью отыскать объясненіе и подтвержденіе фактамъ, наблюденнымъ въ первой стадіи; она проходитъ также мимо указанныхъ проф. Петражицкимъ причинныхъ тенденцій права и нравственности, выясненіе которыхъ является уже доказательствомъ объективнаго и общаго значенія этихъ классовъ психическихъ явленій. Нѣкоторыя замѣчанія г. Дембскаго по этому вопросу очень незначительны и, какъ выяснено ваше, ошибочны.

Такое положеніе вещей приводитъ къ необходимости сдѣлать самостоятельную попытку болѣе убѣдительной критики обсуждаемаго пункта психологической теоріи.

Можно обосновать положеніе, что этическія переживанія нельзя дѣлить на качественно отличные виды — право и нравственность—не только по интеллектуальному составу, (что ясно и изъ ученій проф. Петражицкаго), но и по эмоціональному ихъ составу, т. е. выставить *монистическое пониманге этики*, въ предѣлахъ которой право и нравственность различаются лишь количественно. Къ такому пониманію этики приводитъ меня не только анализъ сознанія долженствованія въ цѣломъ и невозможность различенія „внѣшнихъ“ и „внутреннихъ“ этическихъ эмоцій, но и возможность объяснить, съ точки зрѣнія количественныхъ различій между правомъ и нравственностью, тѣ характерныя ихъ свойства и тенденціи, о которыхъ говоритъ проф. Петражицкій, не выходя изъ предѣловъ его методовъ, обязательныхъ для

меня, какъ послѣдователя, признавшаго ихъ правильными.

Переходя къ обоснованію выставленнаго тезиса, необходимо прежде всего отмѣтить, что противопоставленіе обязанностей, которымъ на сторонѣ другихъ соотвѣтствуетъ право, требованіе, притязаніе, обязанностямъ, которымъ этого права или притязанія не соотвѣтствуетъ, представляется вполнѣ правильнымъ. Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ положеніемъ психологической теоріи, въ силу котораго въ сознаніи переживающаго этическую эмоцію, вызывающую проецированіе обязанностей безъ правъ, субъектныя и объектныя представленія всегда отличаются непарностью, т. е. субъектамъ и объектамъ обязанности никогда не соотвѣтствуютъ субъекты и объекты противостоящіе, и лишь могутъ быть налицо такъ называемые дестинатары, т. е. лица, по адресу которыхъ требуется извѣстное поведеніе, но которыя не являются субъектами, по адресу коихъ сознается связанность. Напротивъ, надо признать, что возможны и бываютъ такія переживанія сознанія обязанности безъ правъ, безъ притязанія другой стороны, когда эта послѣдняя (другая сторона) не совпадаетъ съ дестинатаромъ обязательнаго поведенія, а представляется отдѣльно отъ него, хотя и не въ роли субъекта права, а просто субъекта, по адресу коего сознается обязанность. Напр., возможны переживанія обязанности по адресу какого-либо лица—извѣстнымъ образомъ относиться къ его дѣтямъ—безъ надѣленія этого лица правомъ, притязаніемъ на соотвѣтственное отношеніе. Равнымъ образомъ, можетъ быть налицо не только представленіе объекта обязанности, но и представленіе объекта полученія со стороны другого, хотя и не въ силу его права, а въ силу приписываемой по его адресу обязанности.

Какъ уже отмѣчено проф. Петражицкимъ, возможны и бываютъ безсубъектныя, безличныя этическія переживанія, напр., переживанія, лежащія въ основѣ предложеній: „нельзя красть“, „не слѣдуетъ клеветать“, „слѣдуетъ платить долги“, „слѣдуетъ быть вѣжливымъ, скромнымъ, добрымъ и т. п *). Эти переживанія могутъ быть правовыми и нравственными, что зависитъ отъ эмоціональнаго ихъ элемента. Безъ измѣ-

*) Само собою разумѣется, что переживанія, лежащія въ основѣ подобныхъ предложеній, могутъ быть и не этическими, а напр., эстетическими, что зависитъ отъ характера эмоціональнаго элемента этихъ переживаній.

ненія въ характерѣ послѣдняго эти переживанія могутъ перейти въ субъектную стадію, троякой формы въ области права (именно: съ представленіемъ только субъектовъ обязанностей, или только субъектовъ правъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ), а въ области нравственности только одной формы (съ представленіемъ субъектовъ обязанностей). Согласно съ вышесказаннымъ и въ нравственныхъ переживаніяхъ возможны всѣ три формы, соотвѣтственные субъекты не будутъ только носить имени субъектовъ права.

Проанализируемъ сначала „субъектныя этическія переживанія", затѣмъ — „безсубъектныя, безличныя".

Интроспективный анализъ того сознанія долга, по которому обязанностямъ одной стороны не соотвѣтствуютъ права, притязанія другой, показываетъ, что на сторонѣ лица, по адресу коего мы сознаемъ обязанность, послѣдней всегда что-то соотвѣтствуетъ; правда, это лицо не всегда надѣляется правомъ, требованіемъ, притязаніемъ, но во всякомъ случаѣ оно представляется не съ пустыми руками, не съ нулемъ. Субъектъ, противостоящій обязанному, представляется не такимъ, какъ всякій иной, по адресу коего обязанность не переживается, а съ нѣкоторымъ плюсомъ, съ нѣкоторой, говоря условно, претензіей. Другими словами, обязанность одного, отнесенная къ субъекту, противостоящему обязанному, представляется какъ его плюсъ, его претензія. Съ повышеніемъ интенсивности, несомнѣнности обязанности повышается и плюсъ (претензія) противостоящаго обязанному субъекта. Дѣйствительныя переживанія представляютъ цѣлую прогрессію постепенно возвышающихся переживаній сознанія обязанностей—претензій. При нѣкоторой степени несомнѣнности, интенсивности плюсъ (претензія) субъекта, противостоящаго обязанному, называется притязаніемъ, требованіемъ, эта эмоціональная фантазма удостоивается особаго имени „право". Такая склонность народнаго языка и психологіи обозначать особымъ именемъ только высшія степени психическихъ переживаній или ихъ проекцій — достаточно выяснена авторомъ эмоціональной психологіи.

Этическая дѣйствительность знаетъ цѣлую прогрессію различно закрѣпленныхъ обязанностей. Въ жизни и исторіи вполнѣ резонна такая постепенность, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе несомнѣнной, сильно закрѣпленной обязанности, съ одной стороны, и обязанности, едва лишь относимой на

противостоящаго субъекта, съ другой стороны, можетъ вести къ различному поведенію, къ имѣющимъ неодинаковое практическое значеніе результатамъ, такъ же, какъ и сознаніе своего права по сравненію съ сознаніемъ нѣкоторой лишь претензіи. Сознательно или безсознательно замѣчая различное практическое значеніе этихъ степеней этическаго сознанія, жизнь и выработала особое имя право для претензіи высшихъ степеней. Различнымъ степенямъ соотвѣтствуютъ и свои словесныя выраженія: говорятъ о священномъ правѣ, о правѣ просто, о нѣкоторомъ правѣ. Для низшихъ степеней претензіи и совсѣмъ не имѣется имени; тогда говорятъ о нравственности. Между прочимъ, выраженіе „нравственное право“ не представляетъ смѣшенія понятій, nonsens'а, а указываетъ на среднюю степень закрѣпленности обязанности за противостоящимъ обязанному субъектомъ. Названія: право, требованіе, притязаніе, закрѣпленная обязанность, какъ словесныя проявленія интенсивнаго этическаго сознанія. въ противоположность обязанностямъ и едва замѣтнымъ претензіямъ, какъ проявленіямъ слабаго, неинтенсивнаго этическаго сознанія, въ силу контраста внушаютъ мнѣніе о принципіальномъ различіи противополагаемыхъ величинъ. Отсюда противоположеніе притязательной и безпритязательной этической психики. Но эта классификація не отображаетъ всего разнообразія конкретныхъ переживацій этическаго типа. Часто можно слышать, что всякая классификація есть лишь схема, грубый набросокъ того, что представляетъ дѣйствительность. Съ послѣднимъ мнѣніемъ можно согласиться и принять въ качествѣ схемы противоположеніе притязательной и непритязательной психики; но надо помнить, что такая схема не можетъ претендовать на установленіе твердой и непреложной границы между правовыми и нравственными переживаніями, что ее надо излагать съ оговоркой, что между правомъ и нравственностью нѣтъ качественныхъ различій.

Съ точки зрѣнія количественной разницы правовыхъ и нравственныхъ переживаній легко объясняется переходъ однихъ въ другія: здѣсь происходитъ процессъ усиленія или ослабленія интенсивности въ переживаніи своеобразной эмоціи („эмоціональное сгущеніе“ и „эмоціональное разслабленіе“), повышеніе и пониженіе эмоціональнаго подъема, въ смыслѣ повышенія и пониженія увѣренности, несомнѣнности

въ обязательности даннаго поведенія, при чемъ тотъ моментъ, когда представляемая „претензія“ субъекта, по адресу коего сознается обязанность, будетъ названа правомъ, притязаніемъ, у разныхъ лицъ наступаетъ не одновременно: для одного требуется большій эмоціонально-этическій подъемъ, для другого меньшій.

Выставляемое здѣсь возраженіе противъ „психологической теоріи“ не исходитъ изъ привычекъ называнія, и хотя оно утверждаетъ, что проф. Петражицкому не удалось разграничить право и нравственность, какъ качественно отличные виды этики, но и не требуетъ такого разграниченія вслѣдствіе объективно существующей невозможности для кого-либо это сдѣлать, такъ какъ подобныхъ различій нѣтъ въ психической дѣйствительности: и тогда, когда обязанности одного не соотвѣтствуетъ право другого, ей все же соотвѣтствуетъ нѣкоторая претензія, и этическое сознаніе въ качественномъ отношеніи одинаково въ обоихъ случаяхъ.

Анализъ „двусторонне-субъектныхъ этическихъ переживаній“ не даетъ возможности провести принципіальную границу между притязательной и безпритязательной психиками. Дальнѣйшее подтвержденіе правильности такой точки зрѣнія надо искать въ анализѣ „безсубъектныхъ, безличныхъ этическихъ переживаній“ и такихъ „односторонне-субъектныхъ“, въ которыхъ имѣются налицо представленія только субъектовъ обязанности, пассива.

И вотъ, когда мы переживаемъ такое эмоціонально-интеллектуальное этическое сочетаніе, которое лежитъ въ основѣ такихъ, напр., выраженій: „нельзя красть“, „слѣдуетъ быть честнымъ“, „мы обязаны оказывать помощь ближнимъ, обязаны отдавать взятое взаймы“, то независимо отъ того, являются ли эти сочетанія правовыми или нравственными *), разъ только въ нихъ отсутствуютъ представленія субъектовъ, по адресу коихъ сознается обязанность, этическое переживаніе имѣетъ характеръ исходящаго, внутренне-понукающаго къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ или воздержаніямъ.

Съ другой стороны, когда въ составѣ сознанія по-

*) Удостовѣриться въ томъ, что соотвѣтственныя переживанія бываютъ не только нравственными, но и правовыми, можно слѣдующимъ образомъ. стоитъ только представить субъекта, противостоящаго обязанному и окажется, что онъ иногда надѣляется правомъ, притязаніемъ

являются представленія субъектовъ притязанія, права, или просто субъектовъ, по адресу коихъ переживается обязанность (нѣкоторая претензія есть и на сторонѣ такого безиравнаго субъекта), напр., когда этическое сознаніе пріобрѣтаетъ видъ, соотвѣтствующій изреченіямъ: „извозчикъ имѣетъ право на заработанныя отъ меня деньги“, „этому нищему я обязанъ помочь“, то такое этическое сознаніе имѣетъ характеръ внѣшняго, приходящаго по отношенію къ обязанному, добывающаго отъ него для другого извѣстное поведеніе. Разница въ томъ лишь, что въ однихъ случаяхъ это привхожденіе и добываніе сильнѣе. явственнѣе, въ другихъ— мягче, менѣе замѣтно. Здѣсь также возможны безчисленныя градаціи и постепенный переходъ отъ внѣшняго характера къ внутреннему по мѣрѣ того, какъ представленія противостоящихъ обязанному субъектовъ пріобрѣтаютъ все болѣе смутный и неясный характеръ.

Если это такъ, то внѣшній и внутренній характеръ есть свойство не самой этической эмоціи, а всего сложнаго эмоціонально-интеллектуальнаго переживанія, и зависитъ отъ состава интеллектуальнаго элемента ихъ. Такое объясненіе правдоподобно: вполнѣ естественно, что, разъ мы представляемъ себѣ субъекта, въ отношеніи котораго сознаемъ свою обязанность, то переживаніе пріобрѣтаетъ характеръ отъ него исходящаго и на насъ воздѣйствующаго понуканія, а если такое представленіе въ нашемъ сознаніи отсутствуетъ, то и переживаніе сознается внутренне-понукающимъ къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, ибо ему неоткуда исходить.

Итакъ, этическая эмоція сама по себѣ всегда имѣетъ одинъ характеръ. Отсюда также слѣдуетъ, что императивность и аттрибутивность суть лишь моменты въ этическомъ сознаніи, иногда лишь односторонне выступающіе на первый планъ

Съ этой точки зрѣнія, переживанія обязанности быть правдивымъ, мужественнымъ и т. п. представляютъ лишь императивную стадію этическаго сознанія, которое дѣлается императивно-аттрибутивнымъ, какъ только представленіе субъекта, противостоящаго обязанному, хотя и не всегда надѣляемаго правомъ, а лишь нѣкоторой претензіей, появится въ сознаніи. Евангельскія заповѣди о подставленіи лѣвой щеки въ случаѣ удара въ правую, объ отдачѣ верх-

няго платья въ случаѣ отнятія рубашки и т. п., имѣющія, какъ указываетъ проф. Петражицкій, не тотъ смыслъ, что ихъ такъ буквально и слѣдуетъ понимать и исполнять, а лишь смыслъ образныхъ выраженій для указанія общаго направленія поведенія, въ томъ случаѣ, если изъ нихъ выводятся опредѣленныя обязанности по адресу опредѣленныхъ лицъ, также надѣляютъ послѣднихъ въ глазахъ переживающаго соотвѣтственное этическое сознаніе нѣкоторымъ плюсомъ, нѣкоторой (хотя бы очень незначительной) претензіей, и только тогда, когда представленіе субъекта, противостоящаго обязанному, въ сознаніи отсутствуетъ, онѣ представляются односторонне-обязывающими нормами.

Если въ этихъ разсужденіяхъ и представленномъ выше анализѣ этическаго сознанія не содержится какой-либо роковой ошибки, то дѣйствительно можно говорить о единыхъ этическихъ эмоціяхъ и единомъ съ эмоціональной стороны этическомъ сознаніи.

Невольно возникаетъ вопросъ: нельзя ли искать критерія для разграниченія права и нравственности въ интеллектуальномъ составѣ этическихъ переживаній? По формѣ такой же вопросъ былъ поставленъ въ литературѣ проф. Паліенко. Но авторъ его желалъ даже изгнать эмоціи изъ понятія этики и сталъ на проекціонную точку зрѣнія. Произвольность и неосновательность предложенной имъ операціи уже была выяснена выше. Теперь ставится по существу иной вопросъ: нельзя ли искать критерія для разграниченія права и нравственности въ интеллектуальномъ составѣ этическихъ переживаній, стоя на точкѣ зрѣнія реально-психологической, т. е. называя этикой сложныя эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія, а не ихъ фантазмы

И на этотъ вопросъ единственно правильнымъ представляется отвѣтъ отрицательный. Представленія субъектовъ, объектовъ и релевантныхъ фактовъ, очевидно, не содержатъ въ себѣ критерія для дѣленія этики на право и нравственность. Вопросъ можетъ быть поставленъ лишь относительно представленій нормативныхъ фактовъ и выраженъ такъ: нѣтъ ли основаній позитивную этику (т. е. позитивное право и позитивную нравственность) признать правомъ, а интуитивную этику (т. е. интуитивное право и интуитивную нравственность) признать нравственностью. Утвердительное рѣшеніе

этого вопроса, пожалуй, болѣе соотвѣтствовало бы традиціоннымъ взглядамъ юриспруденціи.

Но въ виду того, что о правѣ говорятъ не только при позитивныхъ этическихъ переживаніяхъ, но также и при интуитивныхъ и даже чаще при послѣднихъ, такъ какъ „дѣйствительнымъ рычагомъ соціально-правовой жизни является въ существѣ дѣла не позитивное, а интуитивное право", какъ говоритъ проф. Петражицкій, а съ другой стороны, о нравственности и о нравственномъ поведеніи рѣчь идетъ не только при интуитивныхъ этическихъ переживаніяхъ, но и при позитивныхъ, при чемъ употребленіе словъ право и нравственность отражаетъ именно степень эмоціональнаго этическаго подъема (т. е. степень увѣренности въ обязательности извѣстнаго поведенія), то названіе только позитивной этики правомъ и только интуитивной этики нравственностью противорѣчило бы тѣмъ несомнѣнно правильнымъ принципамъ „называнія классовъ", которые установлены проф. Петражицкимъ.

Вообще, если признать, что въ эмоціональномъ отношеніи всѣ этическія переживанія различаются лишь количественно и весь вопросъ по отысканію differentia specifica для права въ отличіе отъ нравственности покоится на нерезонномъ съ теоретической точки зрѣнія народномъ употребленіи словъ право и нравственность, какъ названій для особыхъ видовъ этики, на самомъ же дѣлѣ количественно различающихся этическихъ переживаній, то болѣе правильнымъ и соотвѣтствующимъ задачѣ теоретическаго познанія будетъ слѣдующій выходъ: признать позитивную и интуитивную этику качественно отличными классами общаго рода — этики, а право и нравственность—неопредѣленно-количественными классами въ предѣлахъ каждаго изъ предыдущихъ классовъ явленій. Исторической ошибкой и заблужденіемъ объясняется отысканіе отличительнаго признака для права съ одной стороны, и нравственности съ другой. Исканіе его на томъ основаніи, что въ теченіе вѣковъ право и нравственность признавались особыми видами общаго рода явленій, методологически наивно. Авторъ психологической теоріи научилъ насъ стать на иную точку зрѣнія. Самъ онъ, правда, опредѣляетъ право и нравственность, какъ особые виды этики, но не потому, что ихъ таковыми обыкновенно считаютъ, а потому, что психологическій анализъ этическихъ пережива-

ній убѣждаетъ его въ этомъ. Если не соглашаться всецѣло съ его анализомъ и въ то же время признавать, что различіе (хотя и не принціальное) между правомъ и нравственностью лежитъ въ эмоціональномъ элементѣ соотвѣтственныхъ переживаній, то единственно возможнымъ выводомъ изъ такого положенія вещей будетъ монистическая точка зрѣнія на природу этическихъ явленій.

Послѣдній вопросъ, котораго должна коснуться правильно поставленная критика дѣленія этики на виды по указанному психологической теоріей признаку, есть вопросъ о характерныхъ свойствахъ и тенденціяхъ права въ отличіе отъ нравственности. Въ выясненіи различныхъ причинныхъ свойствъ и тенденцій того и другого класса явленій состоитъ научное ихъ оправданіе и доказательство объективнаго ихъ значенія.

Утверждая единство эмоціональнаго элемента этическихъ переживаній, необходимо пересмотрѣть теоріи, выставленныя въ обоснованіе этическаго дуализма, и примирить ихъ съ единствомъ этики. Это примиреніе должно состоять, главнымъ образомъ, въ показаніи непринципіальнаго различія въ характерѣ причинныхъ свойствъ и тенденцій права и нравственности. Удачность относящихся сюда разсужденій будетъ большимъ плюсомъ въ пользу признанія права и нравственности лишь количественно отличными (неточно выражаясь) видами этики.

Прежде всего надо отмѣтить, что парность субъектныхъ и объектныхъ представленій, наблюдаемая часто въ составѣ правовыхъ переживаній и объясняемая въ психологической теоріи аттрибутивнымъ характеромъ послѣднихъ, свойственна и нравственности. Въ интеллектуальномъ составѣ ея также можно наблюдать иногда присутствіе представленій субъектовъ, противостоящихъ обязанному и отличныхъ отъ дестинатаровъ, адресатовъ подлежащихъ дѣйствій, но они только не называются субъектами права, притязанія, такъ какъ надѣляются не правомъ, а чѣмъ-то меньшимъ (нѣкоторой лишь претензіей), не носящимъ по указанной выше причинѣ особого имени. Правда, эта нравственность не есть односторонне-обязывающая нравственность, но вѣдь послѣдняя есть только сокращенная форма нравственнаго переживанія. Такая же сокращенная форма свойственна и правовымъ переживаніямъ, и когда въ ихъ интеллектуальномъ составѣ

отсутствуютъ представленія субъектовъ, противостоящихъ обязанному, эти переживанія являются односторонне-обязывающими. Вообще не аттрибутивность переживанія обусловливаетъ парность субъектныхъ (и объектныхъ) представленій, а наоборотъ, сама обусловлена этой парностью, или точнѣе—представленіемъ субъекта актива, надѣленія правомъ, требованіемъ или нѣкоторою (иногда едва замѣтною) претензіей.

Что касается этическихъ проекцій, напр., нормъ, то всѣ онѣ могутъ быть переживаемы не только какъ обременяющія, но и какъ надѣляющія, хотя и не всегда правомъ, а чѣмъ-то меньшимъ, не носящимъ особого имени. Поэтому параллельно обязанностямъ, правамъ, правоотношеніямъ существуютъ въ качествѣ фантазмъ обязанности, нѣкоторыя предоставленія, нравственныя отношенія.

Указаннымъ выше обстоятельствомъ (т. е. болѣе легкой замѣтностью высшихъ степеней надѣленія и фиксированіемъ только ихъ въ особомъ названіи) легко объясняются соотвѣтственныя различія во внѣшнихъ формахъ отраженія и выраженія правовыхъ и нравственныхъ переживаній, въ структурѣ соотвѣтственныхъ выраженій народныхъ языковъ, формѣ изложенія соотвѣтственныхъ памятниковъ и проч.

Правовая символика, установленіе обязанностей путемъ договора, распоряженіе чужими обязанностями (уступка своихъ правъ) и т. п. явленія, причинно связанныя съ аттрибутивной стороной этики, не имѣютъ мѣста въ области нравственности не потому, что она будто бы только императивна, а потому, что нравственныя переживанія устанавливаютъ обязанности и надѣленіе не столь сильныя и явныя, чтобы вызвать къ жизни подобныя сопровождающія явленія (символы, договоры, распоряженія). Роль задерживающаго фактора играетъ то обстоятельство, что нравственныя переживанія распространяются главнымъ образомъ на поведеніе, которое желательно и необходимо, но не является насущнымъ и необходимымъ въ такой мѣрѣ, что безъ него немыслима была бы сколько-нибудь упорядоченная общественная и частная жизнь.

Мотиваціонное и воспитательное дѣйствіе правовыхъ переживаній по сравненію съ нравственными является лишь количественно отличнымъ: право лишь успѣшнѣе и неуклоннѣе мотивируетъ поведеніе и воспитываетъ привычки

и склонности характера болѣе яркія, болѣе устойчивыя. Если подъ активной этической мотиваціей разумѣть мотивацію, исходящую не только изъ сознанія нашего права, но вообще изъ сознанія нѣкоторой, хотя бы слабой, предоставленности намъ чужого долга (а это бываетъ всегда, когда мы приписываемъ другому обязанности по нашему адресу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы себя правомъ не надѣляемъ), то можно говорить не только объ активной правовой мотиваціи, но и объ активной нравственной мотиваціи. Всѣ остальныя положенія психологической теоріи, напр., о необходимости не только нравственнаго, но и правового воспитанія, о большей роли права въ общественной жизни и т. п., конечно, остаются въ силѣ и не противорѣчатъ монистическому пониманію этики.

Едва ли можно согласиться съ тѣмъ положеніемъ психологической теоріи, что съ точки зрѣнія правовой психики важно, главнымъ образомъ, чтобы осуществилась аттрибутивная функція, было доставлено соотвѣтственное полученіе; что же касается императивной функціи, воздѣйствія сознанія императива на поведеніе обязаннаго, то эта сторона важна лишь какъ средство, и при томъ не единственно возможное средство для осуществленія аттрибутивнаго эффекта, почему и возможно, напр., исполненіе правового долга посторонними лицами вмѣсто самихъ обязанныхъ (даже противъ желанія послѣднихъ). Мнѣ думается, что въ такихъ случаяхъ обязанность то, какъ таковая, и не будетъ исполнена, правовая эмоція (принципіальная эмоція!) не будетъ удовлетворена, получится только съ внѣшней стороны тотъ же самый эффектъ, какъ и при настоящемъ исполненіи обязанности; съ точки зрѣнія правовой психики все будетъ не въ порядкѣ, и если управомоченный и не обратится къ обязанному съ требованіемъ исполнить обязанность, то это объясняется привхожденіемъ другихъ мотивовъ, ничего общаго съ этикой не имѣющихъ *). Если же посторонніе мотивы отсутствуютъ, то правовая психика имѣетъ тенденцію не принять доставленія отъ постороннихъ безъ всякаго участія обязаннаго и будетъ требовать исполненія именно со стороны послѣдняго, при его участіи. Че-

*) По ученію психологической теоріи многія правовыя обязанности также могутъ быть надлежащимъ образомъ исполнены только самими обязанными и при ихъ желаніи исполнить и т. д.

ловѣкъ, не исполняющій самъ своихъ обязанностей (хотя бы посторонніе аккуратно за него выполняли соотвѣтственныя дѣйствія), не почитается за честнаго, этически развитого; съ нимъ избѣгаютъ вступать въ обязывающія отношенія, если только мотивы иного свойства не устраняютъ чисто этическихъ мотивовъ. Съ другой стороны, внѣшнимъ образомъ и нравственная обязанность будетъ исполнена, если постороннее лицо выполнитъ тѣ дѣйствія, которыя долженъ былъ совершить обязанный.

Слѣдовательно, въ отношеніи къ исполненію обязанностей посторонними лицами вмѣсто самихъ обязанныхъ, праву неприсуща та специфическая особенность, о которой говоритъ психологическая теорія.

Также только въ смыслѣ внѣшне-одинаковаго эффекта по сравненію со случаями истиннаго исполненія обязанностей можно говорить объ исполненіи правового долга черезъ представителя безъ вѣдома и желанія самого обязаннаго. Если все-таки можно наблюдать, что приписывающій себѣ право менѣе склоненъ обращать вниманіе на желаніе обязаннаго исполнить свой долгъ, чѣмъ тотъ, кто не сознаетъ себя въ правѣ требовать, но, однако, другому приписываетъ обязанность, то это объясняется именно большей несомнѣнностью его претензіи на извѣстное поведеніе другого.

Объ исполненіи правовой обязанности такъ, чтобы съ точки зрѣнія правовой психики все было въ порядкѣ, не можетъ быть рѣчи и въ случаѣ выполненія подлежащаго поведенія по принужденію. Если же приписывающій себѣ право способенъ принуждать, то это объясняется опять-таки силой, степенью несомнѣнности его претензіи и соотвѣтственной обязанности другого. Различнымъ степенямъ интенсивности сознанія обязанности другого по нашему адресу соотвѣтствуютъ различныя степени побужденія обязаннаго исполнить свой долгъ, начиная съ выраженія нѣкоторыхъ претензій до высшихъ степеней понуканія и примѣненія физической силы. Наиболѣе грозныя мѣры могутъ быть слѣдствіемъ, конечно, только высшихъ степеней претензіи, т. е. права.

То же самое можно сказать и объ отношеніи права къ намѣреніямъ обязанныхъ въ области исполненія обязанностей и объ отношеніи къ мотивамъ исполненія. При вы-

полненіи извѣстныхъ дѣйствій безъ намѣренія исполнить обязанность, или при выполненіи подлежащихъ дѣйствій съ корыстными мотивами, нѣтъ исполненія правового долга въ смыслѣ принципіальнаго, этическаго поведенія, есть только внѣшне совпадающій результатъ съ тѣмъ, который получается при настоящемъ исполненіи правового долга, съ намѣреніемъ исполнить и по мотивамъ этическаго характера. Если субъектъ права и молчитъ, то подобное можетъ быть и съ лицомъ, не надѣляющимъ себя правомъ, а только другого обязанностью по своему адресу, и это не значитъ, что съ точки зрѣнія правовой психики все въ порядкѣ: здѣсь нѣтъ удовлетворенія правовой психики, какъ и нравственной. Мотивы иного свойства накладываютъ печать молчанія на ихъ уста. Конечно, приписывающій себѣ право на извѣстное поведеніе другого менѣе склоненъ обращать вниманіе на мотивы обязаннаго сравнительно съ приписывающимъ себѣ нѣчто меньшее, чѣмъ право (или, какъ это будетъ по ученію психологической теоріи, сравнительно съ приписывающимъ другому обязанность, а себя ничѣмъ не надѣляющимъ), но тутъ разница лишь въ количествѣ, а не въ качествѣ.

Въ случаѣ неисполненія долга, праву въ отличіе отъ нравственности, по ученію проф. Петражицкаго, свойственно, во 1-ыхъ, стремленіе достигнуть осуществленія права независимо отъ желанія или нежеланія обязаннаго; во 2-ыхъ, примѣненіе одіозно-репрессивныхъ мѣръ.

Сами по себѣ эти положенія совершенно вѣрны, но они не схватываютъ дѣйствительности во всемъ ея разнообразіи. Всякое сознаніе обязанности другого по нашему адресу (даже и такой, которой не соотвѣтствуетъ право) можетъ сопровождаться стремленіемъ достигнуть полученія объекта обязанности независимо отъ желанія или нежеланія обязаннаго, различны будутъ только способы для этого предпринимаемые, начиная съ болѣе или менѣе скромныхъ заявленій и кончая требованіемъ и даже физическимъ принужденіемъ. Эти способы объяснимы съ точки зрѣнія количественныхъ различій между правомъ и нравственностью.

Нравственность касается обыкновенно такихъ сторонъ жизни, гдѣ интересно именно добровольное исполненіе обязанностей, отчего здѣсь и рѣже, чѣмъ въ правѣ, встрѣчается стремленіе получить объектъ долга помимо желанія обязан-

наго. Поскольку же и право касается этихъ областей жизни, и въ правѣ замѣчается то же самое (какъ признано, впрочемъ, и авторомъ психологической теоріи).

Неисполненіе всякой обязанности сознается и обязаннымъ и другой стороной, какъ лишеніе этой другой стороны, какъ нѣкоторый, хотя бы слабый минусъ, величина котораго принимаетъ иногда довольно внушительные размѣры. Сообразно съ величиною этого минуса и реакція на неисполненіе выражается различно: начиная съ выраженія едва замѣтныхъ неудовольствій и кончая злобой, местью и тому подобными одіозно-репрессивными мѣрами. Во многихъ случаяхъ неисполненія нравственнаго долга и совсѣмъ не бываетъ никакой реакціи, такъ что въ видѣ общихъ характеристикъ вполнѣ правильно сказать, что нравственная психика есть мирная психика, а правовая — конфликтная, репрессивная, но это не обосновываетъ въ виду указанныхъ обстоятельствъ принципіальнаго между ними различія.

Унификаціонная, или объединительная тенденція права, т. е. стремленіе права къ достиженію тождества содержанія правовыхъ мнѣній противостоящихъ сторонъ, не можетъ обосновать права, какъ особаго, качественно отличнаго отъ нравственности вида этики, ибо эта тенденція также не чужда и нравственности, если даже понимать послѣднюю въ смыслѣ односторонне-императивныхъ переживаній. Одинъ изъ видовъ этой тенденціи, именно тенденція развитія единаго шаблона нормъ, даже по ученію проф. Петражицкаго присущъ и нравственности: психологическая теорія знаетъ не только позитивное право, но и позитивную нравственность.

Слѣдующіе два вида унификаціи, именно: точная опредѣленность содержанія и объема правовыхъ представленій и понятій и стремленіе права къ достиженію контролируемости и доказуемости релевантныхъ фактовъ, т. е. условій, при которыхъ извѣстное поведеніе становится обязательнымъ, вполнѣ понятны съ защищаемой здѣсь точки зрѣнія. Точность и доказуемость слишкомъ относительныя понятія, небольшая точность и не остаточная доказуемость граничатъ съ неточностью и недоказуемостью. Нравственность вовсе не стремится къ противоположному съ правомъ, т. е. къ неточности и неопредѣленности. Въ области нравствен-

ности нѣтъ только столь сильныхъ побудительныхъ мотивовъ къ точности и опредѣленности, какъ въ правѣ; въ этомъ и вся разница.

Что касается унификаціи конкретныхъ правоотношеній, т. е. явленія суда въ широкомъ смыслѣ (именно въ смыслѣ выработки третьяго мнѣнія по данному правовому вопросу), то по общему смыслу законовъ причинной связи, въ силу котораго причина дѣйствуетъ, поскольку препятствующія обстоятельства не перевѣшиваютъ въ свою сторону, только сознаніе высшихъ степеней предоставленности (т. е. правовое) можетъ побороть всѣ препятствія, стоящія на пути созданія суда, его организаціи, обращенія къ нему, а такихъ препятствій не мало: судъ требуетъ громадной затраты средствъ и энергіи, обращеніе къ нему связано съ потерей времени и другими невыгодами и т. д. Но вообще обращеніе за выработкой третьяго мнѣнія о томъ, кто къ чему обязанъ, возможно и при разногласіи о такихъ обязанностяхъ, которымъ не соотвѣтствуютъ права другихъ. Но если послѣднее соображеніе и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то все же не устраняется справедливость перваго.

Распредѣлительная и организаціонная функціи права, съ точки зрѣнія количественныхъ отличій между правомъ и нравственностью, объясняются въ томъ смыслѣ, что достаточно прочное распредѣленіе и прочная организація осуществляются въ результатѣ переживаній высшихъ степеней обязанности и надѣленія, но вообще приуроченіе отдѣльныхъ благъ и власти къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ группамъ причинно связано съ этикой, какъ таковой. Если мы приписываемъ себѣ обязанности помогать бѣднымъ или повиноваться извѣстнымъ лицамъ, хотя и безъ предоставленія имъ соотвѣтственныхъ правъ, требованій, и осуществляемъ эти обязанности, то этимъ уже достигается нѣкоторое распредѣленіе благъ и нѣкоторая организація.

Потребность въ унификаціи, приводящая къ существованію особой профессіи — юриспруденціи съ ея дѣятельностью—критикой, толкованіемъ и научной обработкой права, имѣетъ свои параллели и въ области нравственности: евангельскія предписанія, съ точки зрѣнія психологической теоріи — чисто-нравственныя предписанія, также служатъ матеріаломъ для критики, толкованія и научной обработки. Всѣ особенности права въ этомъ отношеніи легко объяснимы

съ точки зрѣнія количественнаго его отличія отъ нравственности.

Въ опредѣленіи права въ юридическомъ смыслѣ, если разсматривать всю этику какъ императивно-аттрибутивныя переживанія, слѣдуетъ сдѣлать дополненіе и формулировать его такъ: юридическія нормы суть въ международной области просто положительныя императивно-аттрибутивныя нормы высшихъ степеней закрѣпленія обязанностей за противостоящимъ обязанному субъектомъ; во внутренне-государственной жизни — поскольку онѣ имѣютъ официальный характеръ. Такое понятіе права вполнѣ пригодно для практической юриспруденціи—догматики и политики права.

Резюмируя все сказанное, слѣдуетъ притти къ слѣдующему заключенію: большинство указанныхъ психологической теоріей послѣдствій, причинно связанныхъ съ специфическою природою права, суть лишь высшія степени тѣхъ явленій, которыя въ низшихъ степеняхъ являются послѣдствіями нравственности, и только вслѣдствіе небольшой силы, дѣйствующей опредѣляющимъ образомъ въ этой области, и особаго поэтому вліянія противодѣйствующихъ силъ и т. д. эти послѣдствія иначе выглядятъ. Поскольку же нѣкоторыя явленія въ области нравственности почти или даже совсѣмъ не встрѣчаются, то это также объясняется слабостью причинно дѣйствующей здѣсь силы, перевѣсомъ противодѣйствующихъ силъ и т. п. Подобное явленіе бываетъ во всѣхъ областяхъ причиннаго дѣйствія силъ: такъ, напр., не всякій толчокъ вызоветъ движеніе находящагося въ покоѣ тѣла, а только достаточно сильный, чтобы преодолѣть противодѣйствующія силы инерціи и сопротивленія отъ тренія и т. п.

Итакъ, анализъ цѣлаго этическаго сознанія, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній въ томъ смыслѣ, что всякой обязанности (минусу) одного соотвѣтствуетъ нѣкоторая, хотя бы незначительная претензія (плюсъ) другого, находитъ подтвержденіе не только въ томъ, что всѣ этическія эмоціи сами по себѣ имѣютъ одинъ характеръ (внѣшній и внутренній оттѣнокъ этическихъ переживаній зависитъ не отъ эмоціональнаго, а отъ интеллектуальнаго состава ихъ), но и въ томъ, что нѣтъ свойствъ и тенденцій специфически характерныхъ для права въ отличіе отъ нравственности.

Такимъ образомъ представляется для меня возможнымъ обосновать монистическое пониманіе этики.

Но научная осторожность и объективное отношеніе къ дѣлу заставляютъ признать, что въ такомъ видѣ это пониманіе еще далеко отъ сколько-нибудь полнаго и законченнаго обоснованія. Требуется еще много кропотливой работы, чтобы единство этическаго сознанія (если вообще эта мысль вѣрна) стало вполнѣ обоснованнымъ и доказаннымъ фактомъ.

Какъ бы то ни было, является ли этическое сознаніе единымъ или оно слагается изъ двухъ принципіально отличныхъ вѣтвей, природа его въ главномъ и цѣломъ раскрыта разъ и навсегда психологической теоріей проф. Петражицкаго, и всѣ попытки традиціонной юриспруденціи повернуть вспять, какъ я старался показать въ предлагаемомъ обзорѣ критики психологической теоріи и ея методологическихъ и психологическихъ основаній, должны быть признаны неудачными.

Можно смѣло сказать, что правовая наука постольку будетъ прогрессировать, поскольку будетъ итти по пути, проложенному психологической теоріей права и нравственности проф. Петражицкаго, которая, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Рейснеръ, „является настоящимъ событіемъ въ наукѣ... открываетъ широкіе горизонты и возвращаетъ массамъ отнятое было у нихъ интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна можетъ дать оболочку соціальнымъ требованіямъ современности. Борьба за хлѣбъ, за жизнь, за существованіе, борьба за блага свободы политической и соціальной такъ же, какъ за высшія блага культуры, должна стать борьбой за право. Иначе—она безнадежна!“ (стр. 97).

На основѣ психологической теоріи, добавлю, должна быть создана и будущая наука—политика права.

Геннадій Ивановъ.

P. S. Одновременно съ печатаніемъ моей брошюры въ „Логосѣ“ появилась новая критика псих. теоріи права, принадлежащая г. Б. Кистяковскому. Всл. значительнаго ея совпаденія съ нѣкоторыми изъ разсмотрѣнныхъ мною критикъ, многія изъ моихъ возраженій противъ послѣднихъ могутъ быть отнесены и по адресу этой критики. Одновременно же вышелъ II в. брошюры П. Е. Михайлова—„Псих. теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи“, авторъ которой дѣлаетъ во многомъ аналогичныя моимъ возраженія на критику пр. Орженцкаго. Фактически я не могъ сдѣлать необходимыя въ такомъ случаѣ ссылки. Отсутствіе ссылокъ на I вып. объясняется опозданіемъ въ ознакомленіи съ нимъ.

Оглавленіе.

I. стр.

Обзоръ критики методологическихъ основъ психологической теоріи права и нравственности 3

II.

Обзоръ критики психологическихъ основъ новой теоріи права и нравственности 18

III.

Обзоръ критики основныхъ положеній психологической теоріи права и нравственности . . . . . 47—91

1. О сферѣ бываніи правовыхъ и нравственныхъ явленій 47

2. Объединеніе этики и эстетики въ понятіи принципіальныхъ (или нормативныхъ) переживаній, права и нравственности—въ понятіи этики. Одіозныя этическія переживанія и этическій поступокъ 66

3. Критика ученія психологической теоріи о видахъ права и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ . . 78

IV.

Право и нравственность . . . . . 91—120

1. Обзоръ критики дѣленія этики на право и нравственность по ученію психологической теоріи 91

2. Монистическое пониманіе этики 103

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
6	8 снизу	а въ формѣ	но и въ формѣ
9	1 сверху	такія	такія теоріи
9	17 „	иныхъ болѣе частныхъ	иныхъ, болѣе частныхъ
12	20 „	явленіями и	явленіями, и
13	13 „	причинность какъ методъ	причинность, какъ методъ
25	21 „	непосредствено	непосредственно
26	23 „	съ двойственнымъ активно-пассивнымъ	съ двойственнымъ, активно-пассивнымъ
32	6 снизу	на самомъ, дѣлѣ	на самомъ дѣлѣ
38	13 и 12 снизу	непредметная	не предметная
50	11 „	наряду	на ряду.